

А. А. ПРАЗАУСКАС

Северо-Восточная

ИТТШДТЯ

этническая
ситуация
и политика

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

А. А. Прузаускас

Северо-Восточная ИНДИЯ

ЭТНИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ
И ПОЛИТИКА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва 1981

Ответственный редактор

Г. Г. Котовский

Монография посвящена анализу этнополитических проблем Северо-Восточной Индии — горного пограничного района, населенного многочисленными народностями и племенами. Показаны процессы этнической консолидации в колониальный период, возникновение националистических организаций у ххаси, гаро, нага, мизо и других этнических общностей, политика правительства Индии по отношению к горным племенам и борьба их за автономию. Рассматривается социально-экономическое и политическое развитие штатов и союзных территорий региона в 70-е годы.

Альгимантас Аугустинович Прузаускас

СЕВЕРО-ВОСТОЧНАЯ ИНДИЯ

Этническая ситуация и политика

Утверждено к печати Институтом востоковедения Академии наук СССР

Редактор *Л. Ш. Фридман*, Младший редактор *С. П. Какашкашвили*,
Художник *С. А. Киреев*, Художественный редактор *Б. Л. Резников*,
Технический редактор *З. С. Теплякова*, Корректор *Г. В. Струева*

ИБ № 14191

Сдано в набор 27.03.81. Подписано к печати 04.09.81. А-08502. Формат 84×108^{1/2}. Бумага типографская № 1. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. п. л. 12,6. Усл. кр.-отт. 12,81. Уч. изд. л. 13,53. Тираж 1100 экз. Изд. № 4954. Зак. № 159. Цена 2 р.

Главная редакция восточной литературы издательства «Наука»
Москва К-45, ул. Жданова, 12/1
3-я типография издательства «Наука». Москва Б-143, Открытое шоссе, 28

П 11104-181
013(02)-81 93-81. 0803000000

© Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1981.

ВВЕДЕНИЕ

Северо-Восточная Индия (СВИ), согласно принятому в Индийском Союзе районированию, в настоящее время включает штаты Ассам, Манипур, Мегхалаю, Нагаленд, Трипуру и союзные территории Мизорам и Аруначал-Прадеш. По общей площади (255 тыс. кв. км) и численности населения (19,5 млн. человек) этот регион уступает многим штатам, однако проблемы его уже в течение трех десятилетий постоянно привлекают внимание. Соединенный с остальной страной узким (30—80 км) коридором, который образуют западнобенгальские дистрикты (округа), он граничит на севере с Бутаном и КНР, на юго-востоке с Бирмой и на юго-западе с Бангладеш. По сложности этнического состава он резко выделяется даже в таком многонациональном государстве, как Индия. Проживающее в СВИ население говорит на 420 языках и диалектах.

Весьма велики различия в уровне социально-экономического и культурного развития; необычны сочетания архаичной социальной структуры и современной националистической идеологии, примитивных методов земледелия и широкого по индийским стандартам распространения грамотности. Искусственно изолированные британской колониальной администрацией от других народов страны, многие народности района после провозглашения независимости Индии развернули борьбу за национальную автономию и равноправие в рамках федеративного государства. Процессы этнической консолидации и пробуждения к политической жизни общностей, сохраняющих черты родо-племенного строя, — вопрос, актуальный для ряда стран Азии и Африки. Суть его заключается в том, что прочность и жизнеспособность государства в немалой мере определяются степенью эко-

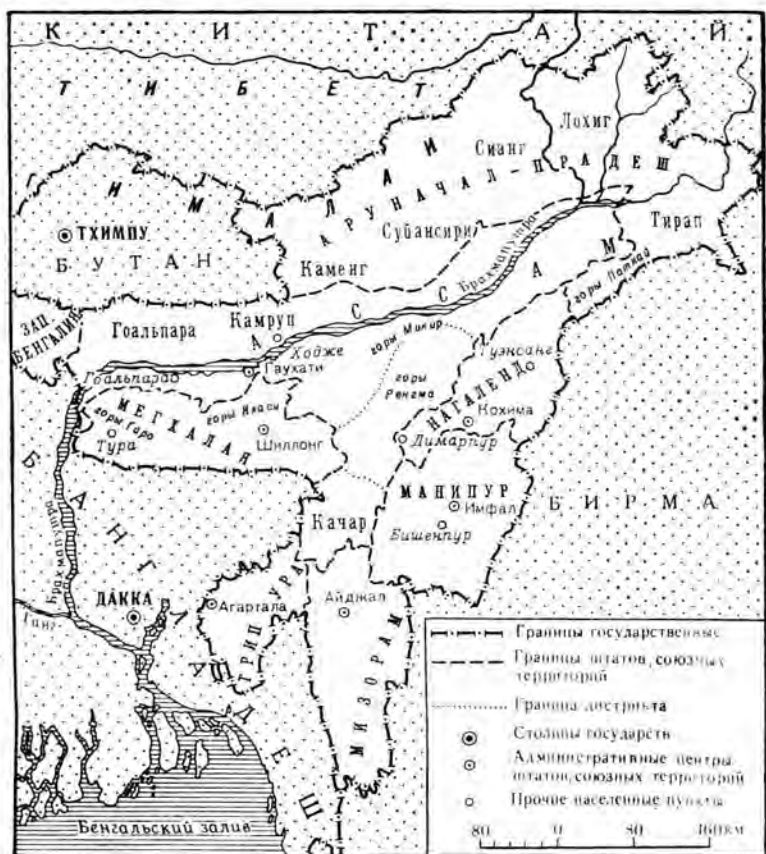
номической и социально-политической интеграции всех этнорегионов. Пути и средства достижения подобной интеграции могут быть различными, равно как и ее последствия.

В Индии этнонациональные проблемы решаются в рамках буржуазного федерализма. Поскольку Индийский Союз возник не в результате договора, народы страны не обладают правом отделения и, более того, автономия отдельной нации не гарантируется конституцией. На практике это означает, что создание национального штата — субъекта федерации — является результатом компромисса между конкретным автономистским движением и союзным правительством. В этом смысле история образования новых штатов в Северо-Восточной Индии представляет значительный интерес: не только указывает на процесс политической аккумуляции этнических меньшинств изолированного, отсталого района, но и отражает политику правящих кругов в национальном вопросе, пути развития индийской федерации. Учитывая многонациональность государства и актуальность проблемы межэтнических отношений, допустимо со всей определенностью утверждать, что от жизнеспособности и гибкости федеративной системы во многом зависит сохранение нынешнего общественно-политического строя и успешное решение важнейших задач укрепления единства страны.

В данной работе анализируются процессы, приведшие к образованию в 60—70-х годах новых индийских штатов и союзных территорий; соответственно объектом описания в ней являются горные народы, составляющие население этих административных единиц. За пределами внимания остаются лишь немногие из народов штата Ассам в его нынешнем виде (в частности, равнинные племена).

В небольшом очерке не представляется возможным осветить все вопросы, касающиеся этнополитического развития целой группы малых народов, поэтому автор ограничивается постановкой основных проблем, служащих аспектами более общей проблемы — интеграции периферийных народностей Северо-Востока в рамках социально-политической структуры современной Индии. Он рассматривает:

- 1) процессы этнической консолидации отдельных

общностей как следствие воздействия внешних и внутренних факторов;

- 2) возникновение и ход автономистских движений;
- 3) политику центрального правительства по отношению к малым народам региона;
- 4) особенности политического развития штатов и союзных территорий, образованных в результате реорганизации СВИ.

Очерченный круг вопросов обусловил использование в историческом по характеру очерке отдельных положений и приемов смежных наук: этнографии, политологии,

социологии, государствоведения. В ряде случаев — ведь в каждой из перечисленных наук много спорного и дискуссионного — дефиниции даются с известными уточнениями или оговорками либо же принимается интерпретация общих процессов, которая наиболее точно (естественно, с нашей точки зрения) выражает суть процессов, происходящих в СВИ.

Для обозначения стадияльных типов этносов в настоящей работе употребляются традиционные термины «племя», «народность», «нация», а также предложенный этнографами «ассоциированная (либо вторичная) народность». Подробно эти понятия рассматриваются в специальных исследованиях (в наиболее обобщенном виде в монографии Ю. В. Бромлея «Этнос и этнография»), однако, так как мнения этнографов по поводу их содержания значительно расходятся, нужно по возможности точно определить, в каком смысле они будут применяться в конкретном контексте. Особенно важно это в связи с тем, что предметом нашего анализа являются этнополитические процессы, протекающие у народов, многие из которых относятся (или еще недавно относились) к категории так называемых зарегистрированных племен.

В современном государстве донациональные типы этнических общностей подвергаются всестороннему воздействию политических и социальных институтов. Совершенно очевидно, что сегодняшнее племя, члены коего имеют доступ к средствам массовой информации, участвуют в выборах в законодательные собрания штатов и в парламент Союза, могут получить высшее образование и т. п., отнюдь не идентично племени первобытнообщинной эпохи. У ряда этносов СВИ есть своя, нередко довольно представительная интеллигенция (учителя, врачи, литераторы, чиновники), предприниматели капиталистического типа, администраторы. По уровню грамотности почти все штаты региона заметно превосходят штаты Северной Индии, а союзная территория Мизорам по этому показателю занимают третье место в стране — после Кералы и союзной территории Дели. Некоторые признаки социального и культурного плана позволяют сближать отдельные современные племена скорее с нациями (по крайней мере с наименее развитыми), чем с «классическими» племенами прошлого. Не случайно индийские этнографы затрудняются дать удовлетворитель-

ное определение этого понятия, а отдельные исследователи, несколько опережая события, предлагают вообще отказаться от него, когда речь идет о «племенах» Индии [29, с. 210].

Вместе с тем для большинства из них в СВИ характерны преобладание натурального хозяйства (преимущественно экстенсивного земледелия), низкая степень разделения труда, социальной дифференциации и урбанизации, система предписанных статусов (половозрастные группы), ограниченное использование родного языка в качестве литературного и в системе образования (известны опыты по изданию религиозных книг или учебников). Иначе говоря, сочетание элементов первобытнообщинной формации и атрибутов современных наций — особенность малых этнических общностей СВИ.

Советские этнографы С. А. Арутюнов и Н. Н. Чебоксаров высказали мнение, что в первобытнообщинную эпоху «племя скорее должно рассматриваться не как этнос, а как часть этноса, аналогичная этнографическим группам в составе наций и народностей», и потому формой существования этноса в доисторический период целесообразно считать племенные группы или соплеменности, — скажем, не отдельные племена прокезов, а всю общность в целом [5, с. 23]. К таким соплеменностям-этносам в современной СВИ могут быть отнесены куки, чины, ади и некоторые другие. Правда, они не типичны для Северо-Восточной Индии: трудности коммуникаций в высокогорных районах способствовали обособлению отдельных племен и превращению их в самостоятельные этносы.

В новое и новейшее время соплеменности под влиянием факторов, на которых мы остановимся дальше, относительно быстро консолидируются в общности более высокого порядка. Ряд же племен-этносов, в особенности малочисленные (до нескольких десятков тысяч членов), подвергается сильному воздействию со стороны более крупных и консолидированных этносов и могут быть определены как «ассоциированные племена». В этом случае наблюдается нарушение замкнутости и стабильности социальной структуры (возникновение иной системы статусов в соответствии с такими показателями, как образование, власть, богатство; появление «своих» чужаков и других маргинальных групп), распространение в среде

новой элиты, нередко вбирающей и часть традиционного лидерства, элементов культуры соседнего крупного этноса — религиозных представлений, тех или иных правовых норм, грамотности и пр. Другими словами, ассоциированным племенем мы называем племя-этнос или какие-то маргинальные компоненты соплеменности, находящиеся на известной стадии интеграции в составе доминирующего этноса, но не ассимилированные им полностью. Длительность процесса интеграции зависит от многих факторов, в числе которых в качестве важнейших следует указать разрыв в уровнях развития контактирующих общностей, характер социального строя (эгалитарно-открытое или кастово-закрытое общество), значимость расовых, языковых и прочих различий, степень интенсивности межэтнических связей и др. Кастовая структура общества допускает включение племен на правах касты и этим содействует аккультурации, т. е. начальной стадии интеграции¹. Однако полная ассимиляция в подобном обществе чрезвычайно затруднена вследствие эндогамного характера каст и доминирующей роли узкогруппового (кастового) самосознания.

Среди терминов, служащих для обозначения этнических общностей разного таксономического уровня, особой распылчатостью и неопределенностью отличается понятие «народность». Западные исследователи, кроме немецких (*Völkerschaft* у Г. Бруннера, 1906 г., В. Е. Мюльмана, 1954 г. и др.; см. [197, с. 51—52]), его не употребляют. Советские этнографы обычно склонны понимать под ним этническую общность эпохи рабовладения и феодализма (соответственно рабовладельческая и феодальная народности), но допускают также наличие их на более поздних этапах исторического развития. Некоторые ученые (в частности В. И. Козлов) вообще отрицают потребность в этом термине [22, с. 63—67] или (С. А. Ару-

¹ Думается, «ассоциированными» могут быть этнические общности любого таксономического уровня, включая нации. Во всех многонациональных государствах происходит сближение наций по важнейшим показателям социального и культурного развития, усиливается взаимозависимость в сфере экономики и политики и формируется новая социальная общность; ее отдельные компоненты (нации) постепенно лишаются признаков, присущих этносоциальным организациям, и в перспективе способны превратиться в этнолингвистические группы единой нации. Пример швейцарцев в этом отношении весьма убедителен.

тюнов, Н. Н. Чебоксаров) считают, что народности нового времени «существуют, как правило, только во взаимосвязи с более крупной нацией» [5, с. 26], т. е. далеко не всегда обязательна стадия этнической консолидации.

Едва ли нужно доказывать, что группу племен и нацию как формы существования этноса разделяет довольно длительная стадия этноинтегрирующего процесса. Ее особенностями являются двойное этническое самосознание (принадлежности к определенному племени и более широкой общности), постепенное исчезновение эндогамности локальных групп, составляющих народность, формирование литературного языка и общей материальной и духовной культуры. В этноареале народности обязательно возникает сеть внутренних коммуникаций и вырастают города как экономические, административные и культурные центры, складывается более сложная социальная структура.

Народность может либо консолидироваться в нацию, либо (в многонациональном государстве) превратиться в ассоциированную, или вторичную². Понятие «ассоциированная народность» обозначает такие этнические общности, которые тесно связаны с соседней крупной нацией и не имеют собственной «законченной» социальной структуры. Для них первостепенную важность представляют экономические и культурные контакты с соседним этносом, иноэтнические элементы, выполняющие функции «недостающих» элементов социальной структуры (торговцы, немалая часть бюрократии, инженерно-технических кадров, рабочих), характерны полиэтнические города, нередко — дисперсное расселение, широкое использование языка соседнего этноса. «...Информационные нити, связывающие этот сгусток с какой-либо другой нацией, интенсивнее, чем нити, связующие воедино сам этот коллектив» [5, с. 26]. Таким образом, ассоциированные народности не могут рассматриваться в качестве самостоятельно функционирующего организма [8, с. 147] и тем более консолидироваться в нацию, однако их полная интеграция в рамках основного этноса зависит от многих социальных, экономических и политических фак-

² В отличие от «первичных» народностей древности и средневековья. Оба термина предложены С. А. Арутюновым и Н. Н. Чебоксаровым [5, с. 26—27].

торов и является потому чрезвычайно сложным и длительным процессом.

Консолидированные нации Индии характеризуются относительно развитой социальной структурой, включающей собственные технические и управленческие кадры, а также интеллигенцию, незначительностью различий между этнографическими группами, развитым литературным языком, который широко употребляется в школах и в официальном делопроизводстве и, естественно, двойным национальным самосознанием — чувством принадлежности к определенному национальному коллективу и к новой этнополитической общности — индийскому народу.

Ввиду ограниченного объема и конкретности задач данного очерка автор не счел возможным и необходимым подробно рассмотреть точки зрения по таким вопросам, как сущность нации, типология национализма, природа индийского федерализма и др. Центральное место здесь занимают отмеченные выше вопросы; отсутствует развернутое описание материальной и духовной культуры, языков, традиционных институтов и социальной организации отдельных этносов Северо-Восточной Индии. В этом, собственно, нет нужды, ибо в последние годы на русском языке вышли статьи и обобщающая монография С. А. Маретиной, статьи Г. М. Григорьевой (см. библиографию).

Литература о СВИ достаточно богата, но подавляющее большинство работ, как старых, так и новых, касаются колониального периода³. Актуальные вопросы рассматриваются преимущественно в исследованиях по так называемой проблеме нага, социальной структуре отдельных народностей (кхаси, гаро), племен Трипуры, Аруначал-Прадеша и в докладах, затрагивающих разные аспекты социально-политической интеграции. Работы современных индийских авторов принадлежат по преимуществу к произведениям научно-популярного жанра. Среди обобщающих трудов выделяются оригинальное исследование бенгальского ученого Ш. Чаубе

³ Исследования английских авторов колониального периода об отдельных племенах в известной мере устарели. Они не отвечают требованиям, предъявляемым сегодня к этнографическим и социологическим работам, и к тому же не отражают, естественно, социальных сдвигов, происшедших за последние сорок-пятьдесят лет.

«Политика в горах Северо-Восточной Индии», в котором предпринята удачная попытка связать автономистские движения с этническими процессами и политикой центрального правительства, а также работы Рой Бермана, посвященные СВИ.

Этот регион остается наименее изученным районом Индии и, поскольку этнополитические процессы в этой части Союза заметно ускорились, вряд ли можно рассчитывать, что в будущих фундаментальных трудах получат исчерпывающие объяснения события конца 40-х и 50-х годов.

Для анализа этих процессов в очерке использовались материалы переписей населения Индии, ежегодники, статистические справочники и пресса.

Автор выражает свою признательность коллегам по Отделу Индии и стран Южной Азии Института востоковедения АН СССР за ценные советы и критические замечания и руководству Индийского статистического института (Калькутта) за помощь при сборе материалов и организацию поездки в Северо-Восточную Индию.

Глава 1

МАЛЫЕ НАРОДЫ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ ИНДИИ: ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

Природные условия

Ландшафт Северо-Восточной Индии весьма разнообразен. Геоморфологически край делится на три района: молодые складчатые горы (Гималаи и примыкающие к ним невысокие хребты), плато Шиллонг, представляющее собой выступ полуостровной глыбы, и долину Брахмапутры, или Ассамскую долину. Последняя — экономическое и политическое ядро региона. Она протянулась с северо-востока на юго-запад примерно на 650 км, и ширина ее, за исключением участка, где к южному берегу Брахмапутры вплотную подступают горы Микир, составляет около 100 км. С севера и северо-востока долину обрамляют отроги Гималаев, на юге ее граница выражена не столь четко, сглажена предгорьями хребтов Паткай, Нага, Микир и Шиллонгского плато.

Брахмапутра — важнейшая транспортная магистраль и основная артерия СВИ — относится к числу крупнейших рек мира: ее длина около 2900 км, а водосток равен примерно водостоку Волги и Дона, вместе взятых. Она берет свое начало за пределами СВИ — течет по территории Китая (там ее называют Цангпо), вдоль Гималаев, затем в районе Ассамских Гималаев делает крутой поворот в обратную сторону и спускается к Бенгальскому заливу, образуя гигантскую дельту Ганга — Брахмапутры¹. В Ассаме ширина ее достигает 8 и более км (за-

¹ То, что Брахмапутра на своем пути пересекает Главный Гималайский хребет, вызвало к жизни ряд любопытных теорий, имевших целью объяснить это явление. Получившая распространение

метно меньше лишь в районе Гаухати). К концу муссона уровень воды в реке поднимается на 3—5 м, что часто приводит к катастрофическим наводнениям.

Ассамская долина находится в зоне муссонного климата, но в отличие от Гангской низменности средняя температура здесь в жаркий период (апрель — май) из-за обилия осадков не очень высока — примерно 30°C. Необходимости в искусственном орошении нет; наводнения представляют гораздо большую опасность, чем засухи, от которых страдают соседние районы Бихара и северной части Западной Бенгалии. Нередко бывают землетрясения. В 1950 г. сильные толчки вызвали большие разрушения и привели к изменению на отдельных участках русла Брахмапутры и ряда ее притоков.

Приблизительно $\frac{1}{8}$ территории долины покрыта лесами, среди деревьев преобладает сал — весьма ценный строительный материал. Огромные пространства занимают поросшие высоким тростником болота. Около 80% обрабатываемой площади занято под рис, остальное под чайные плантации, рапс, сахарный тростник, джут и хлопчатник. На долю Ассама падает почти половина площади чайных плантаций страны.

По характеру природных условий к Ассамской долине близка низменность в районе дельты Ганга — Брахмапутры — дистрикт Качар на юге от Шиллонгского плато, западная и южная часть Трипуры.

Наряду с этой низменностью долина Брахмапутры — самая населенная часть СВИ. Местные деревни напоминают крупные хутора, расположены на возвышенных участках или вдоль береговых валов, окружены садами банановых, манговых и хлебных деревьев, папайи и зарослями бамбука.

Горные районы Северо-Восточной Индии отличаются исключительным разнообразием природно-климатических зон. Отдельные вершины Главного Гималайского хребта превышают 7 тыс. м. В южном направлении горы становятся значительно ниже, но нигде не превращаются в холмы. Гималаи сильно возвышаются над прилегающей равниной и проникнуть в них можно лишь через

теория antecedentности, согласно которой Брахмапутра и другие гималайские реки древнее Гималаев, была подвергнута критике еще в 1919 г. Э. Х. Паскоу и Г. Е. Пилгримом (см. [54, с. 51—55]).

двуары (буки, «двери») рек. Глубокие долины притоков Брахмапутры (Бхарели, Кхру, Субансири, Дибанг, Лохит и др.), где сосредоточено практически все немногочисленное население Ассамских Гималаев,— единственные ровные участки поверхности в тех краях. Вдоль рек издавна шли пути, соединявшие Ассам и Тибет.

С юга долину Брахмапутры окаймляет система невысоких (в среднем 2 тыс. м над уровнем моря) Ассамо-Бирманских гор — хребет Паткай, горы Нага, Ренгма, Микир, Качар, Мизо, названные по этнонимам племен. Крутые склоны покрыты густыми лесами. Климат в зависимости от высоты гор над уровнем моря колеблется от жаркого умеренного до субтропического. Поскольку горы Мизо, Манипура, Северный Качар и Шиллонгское плато (Мегхалая) непосредственно примыкают к низменности в дельте Ганга — Брахмапутры, они служат первым препятствием на пути летнего муссона; тут чрезвычайно влажно. Город Черрапунджи, расположенный на южных склонах Шиллонгского плато, считается наиболее «мокрым» местом в мире.

Манипурская долина, или долина Имфала, — межгорная котловина размером 150 на 200 км являлась ядром территории древнего государственного образования.

Этносы Северо-Восточной Индии в древности и средние века

Археологические находки позволяют отнести СВИ к числу заселенных уже в период палеолита районов Азии. Многие исследователи полагают даже, что область, примыкающая к Гималаям, — это прародина человечества. В индустрии нижнего палеолита явно преобладают формы, характерные для Южной Индии, где в тот период обитали, видимо, австралоидные группы. Вместе с тем древнейшее население СВИ генетически связано с протомонголоидами. Вопрос о автохтонах представляет, однако, значительную трудность, так как этот район расположен между крупными регионами формирования неантропов и уже в далеком прошлом был местом пересечения различных ветвей. Сходные палеолитические орудия найдены в Тибете и Юньнани (КНР). Несомненно, что монголоиды в далеком прошлом на протяжении

тысячелетий глубоко проникали в Юго-Восточную Азию и восточные области современной Индии. Неолитические культуры СВИ заметно отличаются от культуры соседней области (Бенгалия — Бихар — Орисса) и обнаруживают черты местной, весьма древней традиции и формы, распространенные в ту эпоху в Юго-Восточной Азии. Последние связываются с миграцией австроазиатских (монкхмерских) элементов, к которым относятся современные кхаси Мегхалаи, антропологически родственные мундам. Ученые высказывают мысль, что кхаси ведут свое происхождение непосредственно от древнейшего населения СВИ и отошли в горы после нашествия монголоидов, говоривших на языках групп нага, куки-чин и бодо.

Бодо составляли завершающую, но наиболее многочисленную волну иммигрантов. Они распространились по всей долине Брахмапутры, в прилегающих горных районах и в результате взаимодействия с автохтонным населением этой территории из них выделились племена гаро, качари, коч, чхутия, меч, рабха, ходж, лалунг и др. [104, с. 87].

В исторический период распространение монголоидов в пригималайском районе подтверждается древнеиндийской литературной традицией. В ведах, эпосе и пуранах о киратах, восточных соседях Бхаратаварши, упоминается как о имеющих явно монголоидные черты. Сведения о них дошли до Птолемея, называющего их в своей «Географии» «киррхадай». Арии, заполонив долину Ганга, долгое время не могли продвинуться далее на восток, где в середине I тысячелетия до н. э. уже существовали крупные неарийские государственные образования: Ванга и Пундра на территории Бенгалии, Прагдждотиша — в долине Брахмапутры. В эпосе оно отождествлялось с Камарупой — государством, пришедшим в упадок лишь в конце средневековья.

По мнению многих исследователей, Камарупа включала также Куч-Бихар (княжество, впоследствии аннексированное Британской Ост-Индской компанией), Бутан, северо-восточную часть Майменсингха и, возможно, горы Гаро.

Проникновение индоариев в СВИ связано с возникновением в Северной Индии империи Гупт (IV—VI вв.). Правители этой династии подчинили Камарупу, и доли-

на Брахмапутры впервые стала частью североиндийского государства. Это создало предпосылки для распространения здесь индийской культуры, религии, индоарийских языков.

Некоторые ученые, в частности С. К. Чаттерджи, склонны думать, что именно в тот период на территории современных дистриктов Джалпайгури, Динаджпур, Дарджилинг (Западная Бенгалия) и Гоальпара (Ассам) сложилась группа близких друг к другу индоарийских диалектов [100, с. 140]. В дальнейшем население этого ареала явилось основой формировавшейся ассамской народности.

Господство Гупт было сравнительно непродолжительным; с распадом империи Камарупа вновь стала независимой. Имея в виду этнический состав и особенности культуры, С. К. Чаттерджи характеризовал ее как «индуизированную индо-монголоидную империю» [100, с. 22]. В действительности санскритизация затрагивала преимущественно элиту: властители получали статус кшатриев, санскрит был официальным языком при дворе, аристократия поклонялась божествам индустского пантеона. За исключением высших слоев общества, брахманов и других переселенцев с запада, большинство жителей в конце I тысячелетия говорили на диалектах языка бодо [100, с. 34] и придерживались доарийских верований [104, с. 392]. По описаниям китайского паломника Сюань Цзана (VII в.), Камарупу населяли люди с монголоидными чертами. О слабой санскритизации свидетельствует и тот факт, что после смерти Бхаскаравармана (VII в.) трон заняли «правители варваров» (млеччхадхинтха) из племени коч.

В средние века ход этнических процессов в долине Брахмапутры определялся прежде всего воздействием индоарийского комплекса и противоборством нескольких государственных образований.

Социально-культурная индуизация населения (влияние шло из Бенгалии и Бихара, сильнее вовлеченных в общендийские процессы) в течение многих столетий выполняла роль важнейшего этноинтегрирующего фактора. В результате постоянного притока иммигрантов из соседних районов индоарийский компонент населения постепенно становился преобладающим в долине Брахмапутры, по крайней мере в ее западной части; это со-

здавало условия для ассимиляции автохтонов. Индуизм в форме шактизма поглощал в Ассаме племенные верования и устранял серьезнейшее препятствие к ассимиляции меньшинств. Параллельно отмечалось превращение автохтонных этнических групп в касты, что сопровождалось разложением общности: политически доминирующая верхушка приобретала высокий кастовый статус, маргинальные слои занимали обычно низшее место в кастовой иерархии, а более изолированные группы в течение длительного времени оставались вне кастового общества. Ассимиляция в рамках кастовой структуры совершается чрезвычайно медленно и сейчас еще не завершена даже в пределах долины, притом что здесь, в отличие от горных районов, отсутствуют какие-либо естественные преграды для объединения. Упомянутые уже коч в зависимости от степени индуистской аккультурации и связанного с этим критерия ритуальной чистоты разделены на пять эндогамных групп, т. е. каст. Две высшие (чапра и сатбари) идут вслед за кастой калита, или кайястха, и говорят на одном из диалектов ассамского языка. Коч Гоальпары и бенгальских дистриктов, где в средние века они были ведущей политической группой, образовали касту раджбанси; в Камрупе на принадлежность к ней претендуют все индуизированные бодо. Коч горных районов (гор Гаро) сохраняют признаки самостоятельной общности и, хотя не едят говядины, еще не получили признанного места в кастовой системе [155, с. 71].

Этническая дезинтеграция коч — типичный пример индуистского варианта ассимиляции племен, подробно исследованного и хорошо известного по материалам других районов Индии и Непала. Постепенное разложение этнической группы — сущность ассимиляционного процесса, как такового, и в этом нет ничего необычного, если не учитывать специфические черты, определявшиеся характером ассимилирующей общности. Главное заключается в том, что социальная психология кастового общества мешает установить равноправные отношения и признать аккультурацию другой социальной, в том числе этнической, группы иначе, как абсорбируя ее в свою кастовую структуру. Индуистская аккультурация обязательно предполагает ассимиляцию, а в некастовых обществах между этими явлениями взаимозависимость не

столь прямая и обуславливается рядом других обстоятельств. Поэтому приобщение автохтонов к индийской, или индуистской, культуре вследствие расширения непосредственных контактов исключало возможность превращения племен в народности; речь не идет об изолированных этноареалах (Манипур).

В ходе освоения индоариями долины Брахмапутры складывались благоприятные условия для их консолидации. Компактность территории и удобное сообщение по реке создавали предпосылки к формированию единой народности. Однако политические факторы на протяжении всего средневековья действовали в противоположном направлении. С XIII в. здесь противоборствовали два крупнейших государства региона — Коч и Ахомское, или Ассам.

Первое (столица Куч-Бихар, или Коч-Бехар) занимало западную часть долины Брахмапутры, северные дистрикты современной Бенгаллии и на какое-то время подчинило мелкие государства Качари, Джайнтия, Манипур, Типперу (Трипуру), а также ряд небольших соседних княжеств. В 1581 г. единое государство распалось на собственно Коч-Бехар и Коч-Хаджо, граница между которыми совпадала приблизительно с теперешней границей между Ассамом и Бенгаллией. Правитель Коч-Бехара в 1596 г. стал вассалом Великих Моголов, и этот район окончательно переориентировался на Бенгалию. Восточный Коч, или Коч-Хаджо, неоднократно подвергался нашествиям ахомских и могольских армий и не раз переходил из рук в руки. По договору 1681 г. его западная часть — Гоальпара — отошла к Моголам, а восточная — Камруп — к Ассаму.

В восточной части долины Брахмапутры (современные дистрикты Сибсагар и Лакхимпур) находилось государство Ахемов — одной из ветви бирманских шанов, от которой позже получил свое название Ассам. Во второй половине XIII в. это государство (столица Чайрадео в дистрикте Сибсагар) одержало победу над государством Качари, занимавшим земли вдоль южного берега Брахмапутры, между ее притоками Дикху и Каланг. На востоке соседями Ахемов были Чхутня, на западе — Камруп, вошедший около 1515 г. в государство Коч. В XVII в. Ахомы постоянно воевали с Моголами, подчинили Качар и княжество Джайнтия.

Территория Ахомского государства (наряду с Камрупом и Коч) была районом формирования ассамской народности. Собственно ахомы, хотя их число несколько увеличилось в результате притока новых иммигрантов из Верхней Бирмы, составляли лишь незначительную часть населения. На протяжении нескольких веков они употребляли шанский язык и исповедовали веру предков. Уже в годы правления Судангпха (1397—1407) брахманы были советниками царя и при дворе выполнялись индуистские ритуалы. С начала XVII в. ахомы отказались от шанских имен².

В XVI в. важную роль в процессе этнической интеграции сыграло движение бхакти — вишнунитская реформация, у истоков которой стоит крупнейший религиозный деятель Ассама Шанкар Деб (1449²—1569). Открытые вишнунитами многочисленные монастыри — сатры стали очагами общеассамской культуры, их намгхары (молельни) были доступны всем индусам, независимо от касты. В этот период были созданы гимны на ассамском языке, написана первая грамматика. В восточной части долины Шанкар Деб не нашел последователей — возможно, потому, что обитавшие здесь преимущественно неарийские племена не подверглись еще полной индуизации. Бывший единомышленник Шанкар Деба — Аниродх основал здесь секту моамариа, которая из-за антибрахманской направленности его учения завоевала огромную популярность у качари, чхутия и других племен.

Таким образом, в XV—XVI вв. в западной и центральной части Ассама (современные дистрикты Гоальпара, Камруп, Дарранг и Ноугонг) и соседнем районе нынешней Западной Бенгалии (Куч-Бихар) складывалась ассамская народность. Границы этноареала ассамцев не были четкими: на западе он незаметно сливался с бенгальским этнорегионом, а на востоке распространение ассамского языка и культуры приводило к постоянному вовлечению в ассамское ядро новых элементов.

Процесс складывания относительно крупной индоарийской народности существенно менял этническую ситуацию в Северо-Восточной Индии. Индийская цивили-

² В настоящее время — это ассамоязычная этнокультурная группа среди ассамцев, хотя часть их давно слилась с ассамским этносом.

зация стала доминирующей в долине Брахмапутры и постепенно стирала этнокультурные различия между автохтонами (бодо, коч, меч, чхуття и др.). Возникшие здесь государства по уровню развития и численности населения заметно превосходили соседние княжества (племен качари, чхуття, джайнття, кхаси, гаро и др.) и оказывали на них заметное политическое и культурное воздействие. До XVI в. Ахомское государство, которое соседствовало с горными племенами, стремилось распространить свое влияние на районы их обитания. Войны с государством Коч и особенно с Могольской империей заставили Ахотов добиваться поддержки или по крайней мере нейтралитета со стороны горных княжеств. С этой целью они не только заключали политические и матримониальные союзы, но и шли на уступки племенам: нага на условия выплаты номинальной дани получили право собирать зерно и приобретать другие товары в равнинных районах; дафла, ака, аборы и мишми взимали с ассамских крестьян подать и пользовались их услугами взамен отказа от грабительских набегов на территорию Ахомского государства. На службе у губернаторов провинций — гохайнах находились люди, знавшие языки и обычаи горных племен [81, с. 144—145]. Члены этих племен, главным образом нага и мири, составляли значительную часть ахомского войска.

По имеющимся в нашем распоряжении материалам весьма трудно судить об этнических процессах, происшедших в средние века в горных районах региона. Если история Ассама сравнительно хорошо изучена (прежде всего благодаря ахомским хроникам — буранджи), то о горцах сведения чрезвычайно скудны — преимущественно сообщения ахомских летописцев о многочисленных конфликтах с нага, дафла, мири, сингпхо, абор, ака и др. и столкновениях с княжествами Чхуття, Качари, Джайнття и др.

С VII—VIII вв. в горах Северо-Восточной Индии существовало княжество Манипур [179, с. 25], известное под названиями Касэ, Катхэ, Мекхели, Магли, Моглау. Судя по сохранившимся дарственным надписям (с 849 г.), на его территории, центром которой была плодородная долина Имфала, жили этносы кхумал, луанг, мойранг и мейтхеи. Признаки индуистского влияния здесь восходят к довольно раннему периоду, однако

вплоть до XVIII в. местные властители носили явно неиндусские имена (Пакхангба, Марамба, Кхагемба и др.), что свидетельствует о чрезвычайно поверхностной санскритизации. На протяжении ста лет до установления британского протектората Манипур был объектом опустошительных вторжений бирманцев.

Государство Качари, или Хедамба, возникшее не позднее XII в. в долине Брахмапутры, включало прилегающий горный район — горы Микир и Северный Качар [67, с. 71]. В течение нескольких веков оно успешно отражало натиск Ахомов; качари в тот период заметно опережали их по уровню развития. Лишь в 1536 г. Ахомы смогли присоединить равнинную часть Хедамбы и вынудили жителей отступить на юг. Последние покинули свою укрепленную столицу Димапур (современный дистрикт Кохима, Нагаленд) и основали город Майбанг в горах нынешнего Северного Качара. В начале XVIII в. Хедамба стала вассалом Ахомов, а в 1790 г. ее правители приняли индуизм.

Княжество Джайнтия сформировалось в западной части современного штата Мегхалая не позднее XV в. В XIX в. население его практически говорило на языке кхаси, в этноареале которых к тому времени находилось несколько десятков раннегосударственных образований. Сходная ситуация была в северной, т. е. равнинной, части территории обитания гаро. К числу крупных государственных образований в пределах СВИ относилось княжество Типпера, или Трипура.

Даже эти скудные данные позволяют сделать два важных вывода, а именно: во-первых, этносы горных районов уже в средние века стояли на различных стадиях социального развития; во-вторых, в государственных образованиях отмечалась индунзация правившей верхушки и создавались определенные предпосылки для процессов этнической консолидации. В этом отношении мейтхен, типпера, качари, кхаси-джайнтия и в меньшей степени гаро заметно опережали племена нага, куки и многочисленные общности нынешнего Аруначал-Прадеша. Однако в дальнейшем в связи с притоком мигрантов, прежде всего из Бенгалии, население Типперы и Качара было оттеснено в неосвоенные горные районы и постепенно деградировало до уровня остальных племен. Вследствие вторжений бирманцев в XVIII — начале

XIX в. перед такой же опасностью оказались и мейтхен — самая консолидированная и развитая этническая общность горной части СВИ.

Итак, политическая нестабильность, природные и языковые барьеры препятствовали индуистской аккультурации горных народов, но все же этот процесс совершался — во всяком случае, в СВИ ассамское или индийское влияние было гораздо более сильным, чем влияние соседних стран — Тибета и Бирмы. Миграция, политические союзы, расширение обмена в контактных зонах содействовали появлению индуизированных анклавов в наиболее развитых и густонаселенных областях, что в конечном счете вело к превращению региона в часть индийской этнокультурной зоны.

Особенности социального строя малых горных народов Северо-Восточной Индии

В пределах региона ни один из народов не составляет абсолютного большинства населения. По данным переписи 1961 г. (т. е. до начала реорганизации), численность ассамцев равнялась 6,8 млн., сосредоточенных преимущественно в штате Ассам, бенгальцев — 2,8 млн., причем 1,1 млн. сконцентрированы в дистрикте Качар и 745 тыс. — в Трипуре (65,2% населения), немалая часть их проживает в равнинных дистриктах Ассама — Камруп (204 тыс.), Наугонг (210 тыс.), Гоальпара (185 тыс.) и др.³ Немногим более 0,5 млн. человек в качестве родного языка указали хинди, 215 тыс. — непали, 146 тыс. — ория и 69 тыс. — сантали. (Об этническом составе штатов и союзных территорий СВИ см. Приложение.)

Среди малых народов СВИ по численности выделяются мейтхен, или манипури (0,5 млн.), кхаси (363 тыс.), бодо, или равнинные качари (345 тыс.), гаро (301 тыс.), мизо (216 тыс.), трипури (212 тыс.), микиры (154 тыс.), мири (136 тыс.); нага (ок. 400 тыс.)⁴, пнары, или син-

³ По мнению многих исследователей, сведения о численности бенгальцев в Ассаме значительно занижены (подробнее см. [48, с. 337—351]).

⁴ Установление численности нага представляет значительную трудность: они не являются лингвистической группой и вопрос об отнесении к ним тех или иных племен остается спорным.

тенг (54 тыс.), реанг (63 тыс.). Остальные этнические группы насчитывают менее 50 тыс. каждая.

Природные условия определяют четкое деление Северо-Восточной Индии на два района, различающиеся по уровню экономического развития, плотности населения, этническому составу и многим другим параметрам. Понятия «горы» и «равнины» в этой части страны издавна несут политическое, социальное, этническое содержание. Ассам, после реорганизации 1969—1971 гг. включающий в основном равнинные районы и лишь незначительную часть гор (объединенный дистрикт Горы Микир и Северный Качар), принадлежит к числу среднеразвитых штатов Индии: в 1969/70 г. по уровню дохода на душу населения — 545 рупий в год — он занимал седьмое-восьмое место, заметно опережая Бихар (402 рупии), Раджастхан (488 рупий), Уттар-Прадеш (504 рупии), однако к 1974/75 г. с показателем 811 рупий (по всей Индии 988,7 рупии) попал в группу отстающих штатов [174, с. 42]. Одно из последних мест он занимает по потреблению электроэнергии на душу населения (26,6 кВт·ч в год против 99 кВт·ч по стране) и доле электрифицированных деревень (6,2% против 29,9% по Индии) [97, с. 219, 226]. Здесь находится всего 0,9% предприятий обрабатывающей промышленности страны — прежде всего деревообрабатывающей, пищевой и химической. Важнейшей отраслью является добыча нефти (4,3 млн. т в 1970 г.), ее переработка и добыча природного газа. Гидроресурсы Ассама оцениваются в 12 млн. кВт, т. е. примерно $\frac{2}{5}$ гидроресурсов Индии (30 млн. кВт), но они, по сути, еще не освоены [80, с. 18]. Штат является главным производителем чая: 755 плантаций общей площадью 176,8 тыс. га (1969) дают более 200 тыс. т этой культуры ежегодно, из них примерно 120 тыс. т вывозится — 62% экспорта индийского чая [80, с. 14].

Чрезвычайно серьезно препятствует подъему экономики недостаточность коммуникаций, связывающих СВИ с остальной страной: сообщение осуществляется преимущественно по Брахмапутре через Бангладеш и частично по единственной железнодорожной ветке, проходящей вдоль подножия Гималаев через дистрикт Джалпайгури (Западная Бенгалия). В периоды конфликтов с Пакистаном движение по реке, естественно,

прекращалось, что наносило большой ущерб хозяйству и срывало осуществление программ экономического развития⁵.

Тем не менее компактность территории, удобное сообщение по Брахмапутре, пересекающей весь этнорайон, даже при относительно невысоком уровне капиталистического развития способствовали объединению ассамцев. Они принадлежат к числу наиболее консолидированных индийских наций (наряду с тамилами, бенгальцами и другими народами Западной и Южной Индии). Ассамская буржуазия уже в колониальный период вела борьбу в двух направлениях: против засилья бенгальцев во всех сферах политической и экономической жизни провинции и против автохтонных меньшинств. Провозглашение независимости не устранило межэтнических противоречий. Правительство штата, пользуясь предоставленной автономией, проводило курс на ассамизацию: резко сократилось число бенгальских школ, ассамцам оказывалось предпочтение при приеме на государственную службу, делались шаги для распространения языка ассамов в этноареалах так называемых племен. Ассамская буржуазия, отстаивая необходимость сохранения единого Ассамы и подчеркивая его роль как центра индийской цивилизации на Северо-Востоке, в действительности стремилась удержать районы, населенные этническими меньшинствами, для расширения сферы деятельности. Это неизбежно вело к обострению отношений в регионе, к росту антиассамских настроений.

В большинстве горных районов Северо-Восточной Индии ассамцы заметно уступают бенгальцам: в дистрикте Горы Кхаси-Джайнтия в 1961 г. проживали 31,7 тыс. бенгальцев и 10,2 тыс. ассамцев, в Горах Гаро — соответственно 21,3 тыс. и 16,1 тыс., в Манипуре — 10 тыс. и 0,3 тыс., в объединенном дистрикте Горы Микир и Северный Качар — 23,5 тыс. и 21,7 тыс. [93, с. 25—27], в Трипуре бенгальцы — основная масса населения; в огромной своей части это переселенцы из бывшего

⁵ До 1978 г. Ассам входил в группу штатов, получающих дотации от центрального правительства. По рекомендации шестой финансовой комиссии ему было выделено 2545,3 млн. рупий — больше получила лишь Орисса (3047,3 млн.). Однако седьмая финансовая комиссия не включила его в группу восьми «дефицитных» штатов на период 1979—1984 гг. [205, 16.XII.1978, с. 18].

Восточного Пакистана, крестьяне. Роль их в политической жизни Ассама, включавшего до реорганизации 1969—1971 гг. почти все горные районы, далеко не пропорциональна их удельному весу; решающим влиянием пользуется ассамская буржуазия. Противоречия между ассамцами и бенгальцами практически не влияют на их отношения с малыми горными народами. В местных условиях определяющее значение имеет деление на «племенных» и «неплеменных», отражающее стадиальные различия в уровне развития и закрепленное конституцией и рядом законодательных актов.

Наряду с крупными народами — ассамцами и бенгальцами — в СВИ, как отмечалось, обитают народности, каждая из которых насчитывает менее полумиллиона человек (кхаси, гаро, мизо, нага, микиры и др.) и около сотни мелких этнических общностей. Их детальная характеристика возможна лишь в рамках специального исследования. Как правило, авторы, описывающие жизнь горных этносов, среди общих признаков указывают наличие общин, некоторых социальных институтов (вождь племени, дом холостяков), важную роль переложного земледелия, верования. В научно-популярных работах непропорционально много внимания уделяется некоторым чертам этнопсихологии, в частности воинственности, обычаям (охота за головами) и т. д.

Основой хозяйства горных народов Северо-Востока является земледелие. Здесь с древних времен преобладает подсеčno-огневой способ, при котором период активного использования участка в несколько раз короче восстановительного периода⁶. В литературе о СВИ этот способ, известный также у племен ряда районов мира, обозначается ассамским словом «джхум», хотя в отдельных этноареалах есть свои названия: «багама» у гаро, «мингкхалум» и «ширти» у кхаси, «рит» у микиров, «теконглу» у ао нага, «аднадик» у ади, «хукуйсмонг» у ренг и др. В зависимости от климата, характера почвы и прочих природных факторов продолжительность цикла колеблется в очень широких пределах. Обычно выж-

⁶ Оседлым земледелием издавна занимается лишь апа тани (Аруначал-Прадеш), ангами нага, в последние десятилетия оно распространяется у кхаси, гаро; ведущим способом оно является в равнинных районах Трипуры, в долине Имфала (Манипур) и в ряде других районов.

женный участок леса используется для выращивания продовольственных культур два (у гаро, мизо, микяров, лхота нага, ао нага, ади) или даже один год (у кхаси, мао, хмар, реанг). Восстановительный период составляет от двух-трех (мао, мизо, хмар) до десяти (лхота нага, ао нага), а в некоторых случаях 30 лет [93, с. 182]. Джхум относится к малоэффективным, экстенсивным методам земледелия: обследование, проведенное в Трипуре, показало, что при одиннадцатилетнем цикле для пропитания одного человека в течение года требуется в общей сложности 9,24 га [126, с. 24—25].

В начале 70-х годов площадь, где практиковался джхум, и численность населения, которое содержалось за счет этого способа возделывания земли, выражались в следующих цифрах [163 с. 47];

	Площадь, тыс. га	Население, тыс.
Аруначал-Прадеш . . .	70,3	270
Манипур	50,0	300
Мизорам	60,0	260
Трипура	17,0	100

Ввиду крайне низкой производительности джхум и усиления эрозии вследствие уничтожения лесов правительство всячески поощряет переход на более передовые методы земледелия. Однако результаты пока весьма скромные. Главное препятствие заключается в том, что у большинства горных народов переложное земледелие — не только основа производственного цикла, но и базис всей жизни. Это результат адаптации сравнительно немногочисленных групп населения в горной местности, «один из элементов сложного производственно-общественного комплекса, находящегося в теснейшей связи с окружающей его природной средой» [41, с. 74].

Резкий прирост населения вследствие иммиграции и большей доступности медицинской помощи привел к нарушению экологического баланса и со всей остротой поставил вопрос о переходе к более производительным способам земледелия. Однако их невозможно внедрить в течение действия нескольких пятилетних планов, ибо создание террас — в высшей степени трудоемкий и длительный процесс, неизбежно связанный, кроме того, с разложением замкнутого натурального хозяйства (из-за

невозможности выращивать на террасах все необходимые культуры) и заменой его преимущественно товарным. Это, в свою очередь, предполагает коренные социальные изменения и наличие развитой системы коммуникаций.

Важнейшим социальным институтом у горных народов остается община. Она, по мнению С. А. Маретиной, относится к соседскому типу при сохранении различной степени родовых связей. У нага и гаро, например, родовые группы по-прежнему являются базой социальной жизни, тогда как у некоторых групп чни роль таких связей ничтожна [37, с. 13]. В недавнем прошлом общинное землевладение при индивидуальном пользовании наделами было ведущей формой собственности на землю, однако эта система принимает все более формальный характер, и право пользования постепенно превращается в право владения [37, с. 13—14]. Общинные земли включают непахотные участки, земли рода (у нага, гаро и кхаси) и землю дома холостяков, обычно пахотную. Поскольку последние две категории встречаются далеко не у всех этносов, можно говорить о доминировании в масштабах СВИ одной группы общинных земель — непахотных. Орошаемые площади у гаро и других народностей — собственность отдельной семьи.

Распад общинного землевладения здесь еще отнюдь не завершился. У некоторых племен, скажем, у хмар и черо (Манипур), обрабатываемые наделы не закрепляются за семьями или кланами и считаются собственностью общины.

Современное аграрное законодательство Аруначал-Прадеша, Мегхалаи и Нагаленда, продолжая законодательство колониального периода (постановление о горах Чин 1896 г.), предусматривает общинное землевладение наряду с индивидуальным. В автономном дистрикте Горы Микир и Северный Качар, в Мизораме и Манипуре в годы независимости права общин значительно урезаны.

В жизни многих народов (нага, гаро, и др.) важное место занимал дом холостяков — «морунг». В. Хартвиг, тщательно исследовавший его роль у нага в конце XIX — начале XX в., в качестве важнейших функций этого института называет участие юношей в экономической и военной организации племен [138, с. 172]. Пре-

крашение междоусобицы, распространение христианства и появление школ привело к утере им военных, ритуальных и образовательных функций, а потребности индивидуального хозяйства подрывали саму основу его существования. Фактически в горных районах СВИ морунг утратил свое былое значение; теперь нередко все сводится к собраниям холостяков и ночлегам в доме вождя, старосты или школьного учителя [130, с. 25]. Индийские авторы отмечают, что падение роли морунга способствовало усилению индивидуализма, росту преступности и употребления спиртных напитков [82, с. 22]. Новые социальные институты, которые завершают его вытеснение, выполняют лишь специализированные функции.

По конфессиональной принадлежности население рассматриваемых районов делят, как правило, на три группы: индусов, последователей местных, «племенных», по классификации индийской статистики, культов и христиан. Число мусульман и буддистов невелико. Согласно материалам переписи 1971 г., индусы составляют большинство в Манипуре (58,97%), Трипуре (89,55%), ассамских автономных дистриктах Горы Микир (90,27%) и Горы Северный Качар (77,03%). В Аруначал-Прадеше отправляются преимущественно местные культы, но 21,99% населения исповедуют индуизм (в дистрикте Лохит — 49,96%) [102, с. 242—243]. Христиане преобладают в Мизораме (86,09%), Нагаленде (66,76%) и образуют значительную группу жителей Мегхалан (46,98%), Манипура (26,03%), дистрикта Горы Северный Качар (21,87%). Мусульмане сосредоточены главным образом в Ассаме (ок. 25%), совсем немного их в Трипуре и Манипуре (примерно 7%) и в дистрикте Горы Гаро (Мегхалая — 5,39%).

Христиане СВИ представлены баптистами, пресвитерианами, адвентистами седьмого дня и последователями других протестантских сект. Церковные организации Нагаленда и Манипура входят в Совет баптистских церквей СВИ; Мизорама, дистриктов Горы Микир и Горы Северный Качар — в Объединенную церковь Северной Индии; Мегхалай — в эти две, а также в Общество зарубежных миссий американских баптистов, Совет адвентистов седьмого дня, Церковь Индии, Пакистана, Бирмы и Цейлона и т. д.

Северо-Восток — единственный «племенной» район Индии, где христианство является важным фактором социального и политического развития. Оно ускорило распространение грамотности среди горцев, способствовало их приобщению к современной цивилизации и воспрепятствовало процессу возникновения племен-каст, обычно располагающихся на нижних ступенях кастовой иерархической лестницы. Вместе с тем различная конфессиональная принадлежность в немалой степени содействовала сохранению и усилению напряженности межэтнических отношений и провалу попыток административного объединения СВИ вокруг ассамского ядра. Индусско-мусульманские конфликты и воинствующие призывы индуистских коммуналистских организаций к «поглощению» христиан вызывали обоснованные опасения этнических меньшинств Ассама относительно их будущего и стимулировали развертывание автономистских движений. В этих условиях христианство, хотя оно в значительной мере разрушало традиционные племенные институты, тормозило ассимиляцию и, выступая в качестве поборника прав «зарегистрированных племен», добилось быстрого увеличения численности верующих. После провозглашения независимости Индии доля христиан в ряде этноареалов поднялась в несколько раз (см. приложение).

Хотя подробная характеристика малых горных народов при теперешнем уровне изученности их социальной структуры, языков, проблем этногенеза и других вопросов этнографии представляет методологические и практические трудности, целесообразно, на наш взгляд, дать краткое описание важнейших из этих общностей.

Кхаси обитают преимущественно в восточных дистриктах штата Мегхалая. Ближайшие их соседи — ассамцы на севере и северо-востоке, димаса качари на востоке, бенгальцы Бангладеш на юге и гаро на западе. По уровню социально-экономического развития и степени этнической консолидации это одна из наиболее развитых народностей в регионе.

Язык кхаси относится к мон-кхмерской семье и никак не связан с языками других этнических общностей СВИ. Отмеченные переписями населения языки ппар, или синтенг (54 тыс. носителей в 1961 г.), джайнтия (ок. 15 тыс.), вар и бхой представляют собой диалекты, на

которых говорят локальные группы. На языке кхаси создаются произведения художественной литературы, выпускается периодика, на нем ведется преподавание в начальных школах. В конституции Индии он не назван в числе официальных языков⁷, и эти функции в Мегхалае выполняет английский.

В дистрикте Горы Кхаси расположен Шиллонг — крупнейший город региона, бывшая столица Ассама, однако представители этноса составляют здесь относительно малую часть населения. Подавляющая масса кхаси проживает в сельской местности и занята в земледелии. Под влиянием бенгальцев и ассамцев они почти полностью перешли на террасное и поливное земледелие — выращивают картофель, с которым впервые познакомились полтора века назад, рис, кукурузу и разнообразные товарные культуры: хлопок, орехи арековой пальмы, бетель, пряности. Видное место в их хозяйстве занимает садоводство (апельсины, ананасы, персики, абрикосы, сливы, лимоны, гуава и пр.). В пределах этноареала наблюдается специализация отдельных районов по производству различных культур.

Община у кхаси соседского типа, преимущественно эндогамная. Общинной собственности на пахотную землю нет, однако земля может быть продана, заложена, сдана в аренду лишь в рамках общины [35, с. 110]. Социально-имущественная дифференциация у них более выражена, чем у других народностей и племен СВИ: об этом свидетельствует, в частности, тот факт, что в их этноареале самый высокий удельный вес безземельных сельскохозяйственных рабочих — 9,72% (1961) лиц, занятых в сельском хозяйстве (у гаро — 1,85%, нага — 1,22%, племен Трипуры — 5,14%) [93, с. 72]. Выделяются кхаси и по другому показателю социально-экономического развития: в 1961 г. в земледелии насчитывалось 75,91% экономически активного населения, в то время как у других горных народностей — более 90% [93, с. 71].

Отличительная особенность социального строя — матрилинейная структура: родство и наследование иму-

⁷ Официальные языки включаются в Восьмое приложение, дополняющее ст. 344(1) и 351 конституции. Первоначально в списке было 14 важнейших языков Индии, в 1967 г. в него был включен еще синдхи.

щества идет по материнской линии. Сущность и элементы этой структуры подробно рассмотрены в недавно вышедших работах С. А. Маретиной; здесь уместно лишь добавить, что у христиан и локальной группы вар фактическими наследниками являются все дети независимо от пола [76, с. 72]. Это заметно меняет картину, поскольку около 48% общности — христиане.

Кхасское общество довольно консервативно. В общественной и политической жизни важную роль играют бывшие правители миниатюрных княжеств — сиемы и лингдохи. Популярными остаются почитание предков, культ камней и различные формы древних верований. Несмотря на все изменения, социальная и географическая мобильность кхаси остается низкой.

В течение многих веков они сравнительно тесно общались со своими соседями — ассамцами и бенгальцами, однако это не оказало заметного воздействия на их материальную и духовную культуру. Следы индуистского влияния сохранились главным образом у этнографической группы джайнтия: они почитают корову (и, естественно, не едят говядины, выделяясь этим среди ненндуизированных горцев СВИ) и устраивают праздник в честь Дурги.

В прошлом видное место в социальной жизни занимал дом холостяков, теперь вполне современные молодежные клубы приобщают молодых людей не только к спорту (особенно футболу) и художественной самодеятельности, но и к трудовой деятельности [35, с. 111]. Влияние христианства и традиций матриархата и обусловливает довольно независимое положение женщины в кхасском обществе. По уровню их грамотности автономные дистрикты Горы Кхаси и Горы Джайнтия далеко опередили Ассам, Западную Бенгалию и большинство других штатов Индийского Союза.

Исследования социальных институтов и их эволюции у кхаси [37; с. 76] позволяют видеть в последних сложившуюся народность. Вопрос о том, сформируются ли они в отдельную нацию или образуют нацию вместе с гаро — второй крупнейшей народностью Мегхалаи, в настоящее время и в обозримом будущем остается открытым.

Гаро населяют горы того же названия и примыкающую к ним часть долины Брахмапутры. Район их обитания лежит значительно ниже центральной части Шил-

лонгского плато, горы здесь покрыты джунглями, долины притоков Брахмапутры во многих местах заболочены, поэтому он длительное время оставался одним из наиболее труднодоступных уголков СВИ. Даже в наши дни наиболее удобные пути сообщения между автономными дистриктами Горы Гаро и Горы Кхаси проходят через территорию Ассама.

По языку и антропологическим признакам этот народ близок к качари и другим бодо, матрилинейная система родства и традиционные верования сближают его с кхаси, а некоторые обычаи, например охота за головами, бытовавшая у них еще в прошлом веке, — с нага, племенами Юньнани и Юго-Восточной Азии. Гаро делятся на 10—12 локальных групп: амбенг, атонг, акаве, мачи и другие, в число которых нередко включаются и коч. Каждая группа состоит из крупных матрилинейных подразделений — чачи, или качи (сангма, марак, момни, шира, аренг), объединяющих по нескольку кланов — мачонг. Часть мачонга в конкретной деревне называется «махари»; до недавнего времени она была основной социальной ячейкой общества гаро, так как, в сущности, представляла собой общину. Члены двух махари, принадлежащих к разным чачи, обычно связаны брачными узами, что обуславливает дуалистическую основу общины (подробнее см. [35, с. 99—102]). Это выражается, в частности, в том, что должность старосты деревни — нокма — занимает мужчина, женатый на представительнице рода первопоселенцев. Судебных полномочий старейшины не несут. В христианских поселениях община выполняет более заметные социальные функции: она распределяет фонды, образуемые из штрафов и различных сборов; церковный приход как бы скрепляет разрушающиеся общинные связи.

Социально-имущественная дифференциация у гаро зашла достаточно далеко. В их системе ценностей богатству отводится первое место, и достойным человеком считается лишь тот, кто способен обеспечить благополучие и процветание семьи [130, с. 106]. Общинные формы собственности на землю сохраняются преимущественно у амбенг — западных гаро; здесь земля номинально считается собственностью главного махари, а прочие семьи обладают лишь гарантированным правом пользования. У остальных групп практика общинного распределения

участков даже под джхум отсутствует. Огороды, сады и постоянно обрабатываемые долинные наделы (террасирования почти нет) фактически являются собственностью семьи и могут отчуждаться с формального согласия махари [130, с. 75—76]. Отношения частной собственности проникают и в семью: холостякам в качестве источника личного дохода отводится участок (джхум или постоянно обрабатываемый), жены и дочери нередко содержат собственную птицу, изготавливают пиво на продажу. И другие члены семьи, в том числе ее глава, не вправе претендовать на эту собственность без соответствующей денежной компенсации.

Гаро сравнительно рано подверглись культурному влиянию Запада. К концу XIX в. в местах их обитания действовали миссионерские школы, издавались книги, а с 1897 г. и журналы на языке гаро. К концу колониального периода появились первые оригинальные произведения художественной литературы.

Несмотря на сохранение локальных различий между отдельными группами этой этнической общности, она представляет собой сложившуюся народность.

К таковой следует отнести также *мизо*, населяющих союзную территорию Мизорам и соседние районы Манипура, Трипуры и Бирмы. Этноним мизо («горец») недавнего происхождения: был принят в качестве самоназвания группой родственных племен, ранее известных как лушай (наименование одного из кланов). По языку и культуре к ним близки пави (6,8 тыс. человек), лакхер (9,5 тыс.), хмар (3,1 тыс. в Мизораме; большинство сосредоточено в Манипуре), куки (11,7 тыс.). Эти группы, особенно пави и лакхер, могут быть классифицированы в качестве ассоциированных племен, тяготеющих к народности мизо.

В отличие от кхаси, нага и групп бодо, это сравнительно новый этнос в Северо-Восточной Индии: процесс их переселения из гор Чин (территория нынешней Бирмы) завершился лишь к концу прошлого столетия. В течение XIX в. лушай регулярно совершали набеги на Качар, Манипур и дистрикт Силхет в целях грабежа и охоты за головами. Лишь в 1890 г. над ними был установлен контроль колониальных властей Индии.

До упразднения института вождей (1955) лушайские лалы занимали доминирующее положение в жизни об-

щины. Земля считалась их собственностью, они же назначали себе помощников из членов деревенского совета, вершили правосудие и получали установленную долю урожая с остальных общинников. Привилегиями пользовались и родственники вождя: не платили «рен-ты» и обладали правом первыми выбирать участок джхум. Должность эта обычно доставалась представителям господствующего клана лушаев — сайло. Община содержала глашатая, жреца и кузнеца.

Семья мизо патрилинейна, патрилокальна. Наследование идет исключительно по мужской линии; имущество переходит к младшему сыну, если глава семьи специально не распорядился выделить определенную часть другим сыновьям. Женщины в решении дел общины участия не принимают. Дом холостяков вследствие прекращения междоусобицы в колониальный период постепенно утратил свое значение и затем окончательно исчез.

В хозяйстве мизо преобладает подсеčno-огневое земледелие; скотоводство (крупный рогатый скот, свиньи) играет подсобную роль. При сравнительно низкой плотности населения (15 человек на кв. км, в 2—3 раза ниже, чем в Нагаленде, Мегхалае и Манипуре) союзная территория в основном обеспечивает себя продовольствием. Правда, после отмены института вождей земля стала с точки зрения общинников «ничейной», на ее обработку обращается меньше внимания и продуктивность земледелия значительно упала [82, с. 16].

В Мизораме есть только один город — административный центр Айджал, в котором в 1961 г. насчитывалось 14,3 тыс. человек, главным образом мизо (более 88%) [93, с. 10]. Деревни здесь отличаются от деревень в других этноареалах своими крупными размерами: в пунктах с числом жителей более 500 сосредоточено около половины населения [93, с. 9].

Почти все мизо (96%) исповедуют христианство. 50,9% их грамотны. На языке мизо преподают в школах, выпускается несколько газет и более десятка религиозных и общественно-политических журналов. Этим языком в качестве второго владеет значительная часть этнических меньшинств союзной территории, и он выступает здесь средством межэтнического общения.

Относительно высокий уровень грамотности, наличие литературного языка, компактность территории и кон-

фессиональная общность при развитии коммуникаций и формировании более сложной социальной структуры (в частности, вследствие урбанизации) — необходимые предпосылки для консолидации народности в нацию.

К группе куки-чин, помимо мизо, относится множество (до 69) племен. Как самоназвание этноним куки не используется, ибо считается презрительной кличкой, придуманной населением равнин. Дисперсное расселение в пределах СВИ, обилие синонимичных этнонимов и неузученность племен этой группы практически исключают возможность установления их общей численности и характерных черт.

По количественному показателю выделяются тхадо Манипура (48 тыс. в 1961 г.), хмары, сконцентрированные в Манипуре (ок. 15 тыс.) и в Мизораме, пави, лакхер и пр. В общинах центральной фигурой остается вождь, который считается собственником всей общинной земли. Часть куки, включая тхадо, ведут полукочевой образ жизни. В целом эти группы можно рассматривать как ассоциированные племена, постепенно ассимилируемые соседними народностями. В Манипуре менее половины тхадо (23 тыс.) сохранили свой язык, в Мизораме племена куки переходят на язык мизо. В большинстве своем они христиане, но в некоторых областях (например, в Трипуре) свыше 40% — индусы. Превращению в этническую общность препятствуют дисперсное расселение, отсутствие единого языка, а также административные и политические факторы.

Нага еще в прошлом веке представляли собой группу племен, обладавших рядом сходных черт материальной и духовной культуры. Процессы этнической консолидации в течение последних трех-четырех поколений привели к возникновению этнической общности, которая стала центром притяжения для периферийных нага, обитающих в соседних с штатом Нагаленд районах. Вопрос о типе этнической общности нага весьма сложен. В литературе отдельные их группы (например, ао, сема, коньяк, ангами, лхота в Нагаленде, тангкхул, мао, кабун в Манипуре) принято называть племенами, однако этот термин применяется ко всем автохтонам Северо-Востока Индии, кроме ассамцев и манипури. Политические и общественные деятели нага говорят о «нации нага», хотя в Индии даже крупные народы обычно не относят к

нациям, поскольку этот термин отождествляется с государством. С. А. Маретина, отметив, что «из-за наблюдающейся диспропорции в уровнях развития экономики и национального самосознания для этнической общности нага трудно подобрать адекватное определение», называет их «единой этнокультурной группой», «группой племен и народов» [35, с. 115—117], а иногда отдельные их группы, скажем коньяк, — народностями [35, с. 132]. Парадоксальное на первый взгляд появление национального самосознания у общностей, сохраняющих многие черты родо-племенного строя, в новейшее время является скорее правилом, чем исключением. Подробнее этот процесс рассмотрен в последующих главах, здесь же отметим, что, с нашей точки зрения, нага — народность, ядро которой составляет западная группа: ангами, сема, ренгма, лхота и, видимо, ао (центральная). Эти племена допустимо классифицировать как ассоциированные. Коньяк, тангкхул, зелианг, мао и другие периферийные группы в возрастающей степени тяготеют к ядру этнообразования, но в настоящее время могут быть отнесены к категории племен. Ускоренный процесс консолидации нага остро ставит вопрос о границах между Нагалендом и соседними штатами Северо-Востока и является одной из наиболее актуальных политических проблем региона.

По уровню социально-экономического и культурного развития нага заметно отстают от кхаси и по некоторым показателям от мизо, но заметно опережают большинство племен Аруначал-Прадеша и многие другие племена СВИ. Основное занятие — подсечно-огневое земледелие, у наиболее развитых групп, например ангами, чакхесанг, практикуется террасирование горных склонов: в 60-е годы площадь орошаемых полей составляла 19,2 тыс. га (в том числе 13,9 тыс. в дистрикте Кохимы, т. е. в этноареале ангамов и чакхесанг), а площадь под джхум — 80,3 тыс. га [93, с. 202].

Для общины нага характерно сочетание соседских и родовых отношений и структур. Вплоть до новейшего времени деревня у них представляла собой крупнейшую единицу территориальной организации⁸ во главе с вож-

⁸ Индийский исследователь Н. Тхакар отмечает, что Нагаленд — это «конгломерат автономных, самостоятельных деревень-государств», в которых по сей день все важнейшие вопросы решаются деревенскими лидерами [193, с. 324—325].

дем или деревенским советом, где в мирное время вождь не являлся важной фигурой (ангами, ао, лхота, ренгма, сангтам и др.). Все деревни делаются на «кварталы» — хели, которые В. Хартвиг определяет как подразделения сельской общины [138, с. 159—160]. В прошлом хели нередко окружались системой укреплений, призванных отражать набеги извне и других хелей. Существенная роль здесь принадлежала домам холостяков: на них возлагались функции защиты и приобщения молодых людей к трудовой деятельности. Вследствие прекращения междоусобицы у большинства групп нага (сангтам, чанг, сема, ангами, кабуи, марам) этот институт постепенно исчез, у некоторых (коньяк, лхота) трансформировался в своего рода клуб.

Общинная собственность распространяется, как правило, на непахотную землю, преимущественно леса, в которых все члены вправе охотиться и собирать дары природы. Основная часть земель находится в собственности отдельных семей, реже — кланов. Социальная стратификация наиболее ярко выражена у коньяков: у них наблюдается деление на «народ» — бен и «аристократию» — анг. Видимо, это деление обусловлено исторически (анг — название рода) и не является результатом имущественной дифференциации. Анг, за исключением «великих ангов» — священных вождей коньяков, не сложились в эндогамную группу [35, с. 135—136].

Согласно данным переписи 1971 г., 66,76% населения Нагаленда — христиане. Эту религию исповедуют также некоторые племена нага Манипура и других соседних районов, кроме дистрикта Тирап в Аруначал-Прадеше. 27,33% жителей грамотны. Средством межэтнического общения служит английский язык и нагами — смесь асами, бенгали и языков нага, главным образом ангами.

Несмотря на сложный комплексный характер рассматриваемой этнической общности и значительные локальные различия, отдельные группы, по крайней мере их образованная элита, с изменением условий проявили активное стремление к единству. Консолидация этой народности — следствие процесса аккультурации, проходившей под воздействием политических факторов.

Микиры — основное население дистрикта Горы Микир, выделенного из объединенного дистрикта Горы Микир и Северный Качар. Район их обитания представля-

ет собой невысокие (500—1000 м над уровнем моря) холмы, окруженные с трех сторон ровными и широкими долинами Брахмапутры и ее притоков. В языковом отношении микиры близки к куки, а в культуре их много общего с нага и кхаси. Долгое время они входили в состав Ахомского государства и подверглись сильному влиянию ассамцев. Равнинные микиры практически уже ассимилированы ими. Общая численность микиров, по материалам 1961 г., — 121 тыс., причем в дистрикте Горы Микир и Северный Качар проживали 116,9 тыс., из них более половины (51,9%) владели в качестве второго ассамским языком [93, с. 28]. В колониальный период при переписях религия микиров определялась как анимизм, или «племенные культы», но в 1961 г. 75% их отнесены к индуизму, 14,2% — к последователям «микирской религии» и 10,3% — к христианам [93, с. 48]. По уровню грамотности (12,1% в 1961 г.) заметно отстают от других этнических общностей СВИ, исключая племена Аруначал-Прадеша.

Самоназвание микиров — *арленг*. Они разбиты на четыре эндогамные группы, которые в свою очередь подразделяются на экзогамные куры. Деление на патрилинейные экзогамные кланы, наличие дома холостяков и подсечно-огневое земледелие сближает их с другими горными этносами. По принятой нами классификации, микиры составляют ассоциированную народность.

К той же категории принадлежат качари, народ группы бодо. Из общего числа их 237 тыс. 93,6% исповедуют индуизм и 6,16% — христианство [93, с. 45]. Подавляющая масса качари ассимилируется ассамцами и бенгальцами (в дистрикте Качар). Несколько более изолированы от крупных народов димаса качари, или горные качари (67,3 тыс. в 1961 г.), однако и среди них на родном языке говорит немногим более половины (39,9 тыс.) этнической общности, а 22,9% владеют ассамским в качестве второго языка [93, с. 28].

Димаса качари занимаются преимущественно поливным земледелием, в ряде деревень практикуется также подсечно-огневой способ обработки земли. В сельской общине большим авторитетом пользуются старосты (кунаг) и традиционные жрецы (ходжан).

Особенно пестрым этническим составом отличается союзная территория Аруначал-Прадеш (см. приложе-

ние). В социально-экономическом и культурном отношении — это один из самых отсталых районов Индии. Здесь предельно низкий удельный вес городского населения (3,12%), чрезвычайно малый процент грамотных (9,34). Хотя уровень развития многочисленных племен неодинаков, у всех них, во всяком случае до 60-х годов, отсутствовали какие-либо признаки современных форм этнического самосознания и политического движения. Многие исследователи сходятся на том, что большинство их являются частью крупных этнолингвистических групп, что несколько упрощает картину и позволяет наметить возможные направления этнической консолидации.

Наиболее представительную группу родственных племен образуют *ади* (дистрикт Сианг, 76% населения). Их насчитывается 80,3 тыс. (1961). Вся группа делится на две подгруппы, одна из которых объединяет падам, миньонг, паси, пангги, шимонг, бори, ашинг и тангам, другая — галлонгов, рамо, бокаров и пайлибо. Говорят они на близких диалектах, но в материальной культуре и социальной организации их имеются существенные различия. В прошлом для обозначения ади обычно применялся термин «абор»; в последние десятилетия он вышел из употребления. К аборам нередко причисляли также тагинов, с точки зрения языка и культуры занимающих промежуточное положение между дафла и ади, но больше тяготеющих к последним.

В группу дафла наряду с собственно дафла (15,7 тыс.) обычно включаются нисси, багги и ряд мелких племен, в результате чего общая численность ее достигает 60,3 тыс. человек (1961), или около $\frac{1}{5}$ населения Аруначал-Прадеша. Свыше половины — 35 тыс. сосредоточены в дистрикте Субансири (60,5% населения); они образуют самую крупную группу также в дистрикте Каменг.

Главное занятие жителей союзной территории — переложное земледелие, правда, ряд племен полностью (апа тани) или частично перешли на террасирование; в хозяйстве некоторых важную роль играет скотоводство (монпа, дафла) и торговля с соседними племенами (монпа, шердукпен, ака, апа тани). По языку и культуре кхамба, монпа, шердукпен, тагин, ади в разной степени близки к тибетцам, исповедуют буддизм ламаистского толка; тангсам, кхампти, сингпхо — к соседним этносам Бирмы и выступают адептами буддизма хинаяны. Дея-

тельность христианских миссионеров в Аруначал-Прадеше запрещена, и христиан здесь немного — 0,79% населения. Число индусов сравнительно быстро возрастает: в дистрикте Лохит, по данным переписи 1971 г., к ним относится половина жителей, а в целом по союзной территории их доля равна 22%. У племен здесь сохраняется прочная община, возглавляемая вождями или советами. Только у дафла превалируют родственные семьи (нередко более десятка), занимающие длинный дом с соответствующим количеством очагов. Власть главы такой семьи еще недавно была неограниченной.

Из-за низкой плотности населения в Аруначал-Прадеше, видимо, ни одна этническая группа сама по себе не может сложиться в народность. Названные выше племена, образующие группы ади и дафла, постепенно превращаются в ассоциированные. Если процесс приобщения к индийской культуре и интеграция вообще будет проходить быстрее, чем укрепление контактов между соседями, то при незначительном развитии этнического самосознания племена союзной территории не обязательно должны составить консолидированные общности.

Трипура и Манипур — национальные штаты с относительно большим удельным весом этнических меньшинств. В первом около 65% населения бенгальцы; крупнейшие меньшинства — трипури, или типпера (189,8 тыс. в 1961 г.), и реанг (56,6 тыс.) — допустимо отнести к категории ассоциированных племен. Вплоть до новейшего времени они лишь номинально подчинялись правителю Трипуры: во главе каждого отдельного племени стоял вождь (рой), который поддерживал связь с махараджей через специального представителя двора [162, с. 41]. По конфессиональной принадлежности они индусы, но продолжают поклоняться своим божествам и наряду с брахманами содержат оджхан — служителей прежних культов. Более мелкие этнические группы, например чакма (22,4 тыс.) и магх (10,5 тыс.), исповедуют буддизм, среди куки (5,5 тыс.) распространены индуизм (57,6%) и христианство (42,4%).

Племена штата очень мало изучены. Согласно местным представлениям, трипури делятся на две группы: пуран трипури, ведущих происхождение от местного кшатрийского рода, и деши трипури — трипурско-бенгальских метисов. Как правило, они занимаются полив-

ным земледелием. Делами общины управляет панчайт во главе с выборным старостой — сардаром.

Реанг обитают в горных районах и занимаются подсечно-огневым земледелием. Среди них большим влиянием пользуются вожди четырнадцати локальных групп. Трипури и реанг говорят на языке ветви бодо; в качестве второго языка значительная часть их (соответственно 35,74 и 22,96%) употребляет бенгали.

Чакма переселились в Трипуру из района Читтагонгских гор. Говорят они на одном из бенгальских диалектов, исповедуют буддизм. В их общине главную роль играет вождь. Сравнительно недавними переселенцами являются и магх. До XVII в. они обитали в Бирме; по языку и религии близки бирманцам.

Ряд племен, занимавшихся подсечно-огневым земледелием, еще в колониальный период перешел к оседлому земледелию (джаматна и около $\frac{1}{3}$ ноатна). Подобный процесс ускорился в независимой Индии благодаря осуществлению специальных программ по внедрению новых агротехнических методов. Как показывают исследования, этот переход способствует разложению общины и чрезвычайно быстрому росту имущественного неравенства [162, с. 126—129].

Племенное население Трипуры подвергается сильному влиянию со стороны бенгальского большинства. Здесь довольно широко распространено знание бенгали — официального языка штата. На нем ведется преподавание в школах, издаются газеты и журналы, бенгальская письменность используется для издания немногочисленных книг на языке трипури, или кокборок. Среди бенгальцев здесь в 2 раза больше грамотных, чем среди представителей меньшинств, и они в основном формируют интеллигенцию, армию чиновников, мелких предпринимателей и торговцев. Доминирующее положение их содействует ассимиляции племен, и маловероятно, что последние превратятся в этнические общности более высокого уровня. Некоторые мелкие племена ассимилируются более крупными (трипури, джаматна). Так, в период 1931—1961 гг. численность ноатна по этой причине сократилась с 27,6 тыс. до 16 тыс. [162, с. 17—18]. Видимо, лишь трипури могут сложиться в ассоциированную народность.

В Манипуре $\frac{2}{3}$ населения составляют манипури, или

мейтхеи. Политическое единство их этноареала, восходящее к древности, культурные традиции, богатая литература, а также достаточно высокий уровень социально-экономического развития и национальное самосознание указывают на то, что манипури сложились в нацию. Они не включены в официальные списки «зарегистрированных племен», для преодоления отсталости которых конституция предусматривает специальные льготы и меры.

Численность населения штата, отнесенного к этой категории, достигала в 1971 г. 334,5 тыс. человек. Перепись 1961 г. зафиксировала 28 племен, большинство которых принадлежало к одной из двух групп — нага или куки. Согласно материалам обследования, в первую входят кабуи (29,2 тыс.), тангкхул (43,9 тыс.), мао (28,8 тыс.), кача нага (9,7 тыс.), маринг (7,8 тыс.), ком, анал, марам, чиру и другие мелкие этносы — в общей сложности более 140 тыс. человек. Группа куки, родственная мизо, включает тхадо (48 тыс.) хмар (15,4 тыс.)⁹, пайте (17 тыс.), вайфэй (8,2 тыс.), зои (6,8 тыс.) и др. — свыше 96 тыс. Среди племен первой группы все отчетливее проявляется стремление к объединению с нага Нагаленда. Для куки центром притяжения служит этноарел мизо.

В целом этническая ситуация в горных районах штата чрезвычайно сложна и определяется как взаимодействием отдельных племен (из 48 тыс. тхадо лишь 23 тыс. говорят на родном языке, остальные употребляют соседние диалекты куки, из 29 тыс. кабуи — 16,5 тыс.), так и влиянием на них манипури (в 1961 г. 28,3% тангкхул, например, владели языком манипури), нага и мизо. Ссылаясь на это, правительства Нагаленда и Мизорама предъявляют к Манипуру территориальные претензии. Помимо языкового родства важное значение имеет религиозный фактор: индуизм среди членов племен не распространен и большинство нага и куки Манипура исповедуют христианство или придерживаются своих верований. Очевидно, они постепенно превращаются в народности, но несоответствие этнических и политико-административных границ значительно осложняет и процесс консолидации, и проблему межэтнических отношений в районе вдоль бирманской границы.

⁹ Принадлежность хмар к группе куки признается не всеми.

Глава 2

ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В КОЛОНИАЛЬНЫЙ ПЕРИОД

Завоевание Южной Азии англичанами положило начало глубокой и всесторонней трансформации традиционного общества. Установление общей верховной власти в пределах субконтинента, развитие капитализма, возникновение современных политических институтов, системы образования, новой идеологии и другие факторы обусловили коренной поворот в истории народов Индии и дали направление социальным, в том числе этническим, процессам. В специальных исследованиях отмечалось, что эти процессы определяются в основном историческим наследием, полученным от колониального периода; фактом единой государственности, в пределах которой происходит развитие населяющих страну народов; влиянием внешнеполитических факторов, и среди них прежде всего конфликтными отношениями с Пакистаном (см. [65, с. 82]). В независимой Индии возрастает значение нового фактора — национальной политики правительства, имеющей целью прежде всего упрочение единства государства. Впрочем, «новизна» эта относительна: во-первых, подход к национальным проблемам в немалой степени был определен правовыми и политическими нормами колониального режима, и, во-вторых, реально проводимая политика в национальном вопросе была и остается компромиссом между программными установками и необходимостью, продиктованной этнической ситуацией, которая сложилась в основном в колониальных условиях.

Стремление остановиться на этнических процессах в предшествующий период оправдано и потому, что тема эта почти не исследована. Работы Дж. Г. Хаттона, Дж. П. Миллса, С. Э. Пиля и других английских авто-

ров содержат детальные описания преимущественно социальной организации и материальной и духовной культуры отдельных племен, главным образом нага. Вопросы социальной структуры этнических общностей СВИ занимают центральное место в трудах современных ученых: С. А. Маретиной [35—39], В. Хартвига [138], Д. Н. Маджумдара [153], М. Ч. Госвами [129; 130], Х. фон Фюрер-Хаймендорфа [122; 123] и т. д. В Индии опубликованы работы по культуре и религии народов Северо-Восточной Индии и несколько фундаментальных исследований, посвященных периоду колониального завоевания (см. библиографию). Проблемам этнической консолидации и роли факторов, возникших вследствие чужеземного господства, в них уделяется сравнительно мало внимания. Чрезвычайно интересная попытка рассматривать современные автономистские движения малых народов СВИ как результат явлений, обусловленных политикой англичан, предпринята в монографии Шибаникин-кара Чаубе. Хотя автор почти не пользуется этнографической терминологией и основной упор делает на политико-правовые и культурные аспекты, у него есть цельная концепция этнополитического процесса.

В годы колониального владычества в Индии достаточно четко определились два направления этнического процесса: рост национального самосознания отдельных народов и упрочение и развитие общендийского самосознания [65, с. 63]. При всей сложности и неоднозначности этого процесса, вызванной региональными (Север и Юг), этническими и кастовыми различиями, в тот период крупные народы консолидировались в нации и создавались новые предпосылки их союза в составе единого государства. На Северо-Востоке страны, в районах, населенных племенами, складывалась особая ситуация, отличная от положения в остальных этнорегионах.

Бедность природных ресурсов, трудности сообщения и необходимость обеспечить безопасность долины Брахмапутры, имевшей для англичан немаловажное хозяйственное значение, были главными постоянными факторами, определившими колониальную политику в этой части Индии. Конкретные военные и политические меры в значительной степени зависели от хода покорения ее.

История завоевания горных районов Ассама подробно освещена в работах индийских авторов [79; 84; 146;

149], в данном разделе мы ограничимся кратким изложением основных ее этапов.

Подчинение Бенгалии в результате битв при Плесси (1757) и Буксаре (1764) неизбежно вело к возникновению контактов с государством Ахомов и соседними племенами — гаро, кхаси, джайнтия, типпера, качари и лушан. Колонизаторам потребовалось, однако, более ста лет, чтобы установить свою власть или косвенный контроль над районами обитания этих племен.

В 1760 г. англичане аннексировали Читтагонгские горы, а в следующем году совместно с войсками бенгальского наваба участвовали в походе против правителя Типперы. Вскоре же отряд колониальных войск направился в Манипур для оказания помощи в войне против бирманцев, но вынужден был задержаться в Качаре, а затем вернуться обратно. Эти походы служили главным образом разведывательным целям: Британская Ост-Индская компания имела весьма смутное представление о географии, природных ресурсах и экономическом значении СВИ и стремилась добыть данные о военном потенциале Ассама (государства Ахомов), Куч-Бихара, Бутана, Сиккима, Аракана, княжеств кхаси и гаро. «Для Компании стратегической северо-восточной границей Бенгалии являлись все горные хребты, окружавшие ассамскую долину, ведь безопасность ее бенгальской территории зависела, от „мирного поведения“ жителей не только ближайших пограничных гор, но и таких независимых областей, как Качар, Ассам, Манипур и, далее, Бирма. Потенциальной угрозой могла стать любая сила, которая в состоянии была пройти вдоль Брахмапутры в центральную и восточную Бенгалию», — пишет индийский ученый [79, с. 63]. Пока колонизаторы не завладели долиной Брахмапутры, Северо-Восточная Индия представляла для них интерес прежде всего как территория, через которую пролегал один из возможных путей в Тибет и западные районы Китая. Миссии Богля в Бутан и Тибет (1774) и Тэрнера в Бутан (1783) позволили руководству Компании получить некоторые сведения о перспективах торговли в СВИ и за ее пределами и об экономических возможностях плодородной долины Брахмапутры. Сбором информации занимался также назначенный в 1774 г. агент Компании в Гоальпаре.

Во второй половине XVIII в. Ахомское государство —

крупнейшее политическое образование в нынешних пределах региона — переживало период упадка. После правления Рудра Сингха (1696—1714), которого местная историческая традиция считает величайшим правителем Ассама, покорившим горные княжества и племена, положение государства ухудшилось. Участились набеги дафла, а позже микиров, на территорию вассального Манипура неоднократно вторгались бирманцы, в Верхнем Ассаме в 1769 г. вспыхнуло восстание под руководством секты моамариа, последователи которой (дом, мораны, качари, хари, чхуття и другие низшие касты и племена) выступали против привилегий брахманства. Восстания моамариа повторились в 1782 и в 1786—1790 гг. Правитель Гауринатх Сингх (1780—1794) был вынужден обратиться за помощью к своим бывшим вассалам — правителям Качара, Джайнтии и Манипура, но, не получив действенной поддержки, связался с английским коллектором в Рангпуре. Генерал-губернатор Корнуоллис распорядился направить в Ассам военную экспедицию в составе 360 человек. Отряд находился там с ноября 1792 г. до июля 1794 г. и, преследуя врагов Гауринатха, дошел до Джорхата, но был отозван.

В государстве началась анархия. Садню захватило горное племя кхампти (1794), после смерти Гауринатха поднялись жители Камрупа, племена сингпхо и дафла, по всей долине вновь активизировались моамариа. Ахомский двор обсуждал вопрос о том, чтобы вслед за Куч-Бихаром признать себя вассалом Компании, которая смогла бы положить конец смуте [124, с. 230]. В разгар дворцовой борьбы один из изгнанных вельмож пригласил на помощь бирманцев; после двух вторжений в 1816—1817 и в 1819 гг. они оккупировали всю долину за исключением небольшой части, удержанной моамариа. Бирманцы посадили на ахомский трон своего ставленника Чандраканта, но тот стал плести интриги против своих союзников. Противники бирманцев использовали территорию Рангпура в качестве убежища, и это явилось поводом для конфликта между английской администрацией и бирманскими военачальниками.

В конце 1823 г. Компания провозгласила княжество Качар своим протекторатом и направила туда отряд. 17 января 1824 г. произошло первое столкновение между

английскими и бирманскими войсками, а 5 марта была объявлена война. Уже к концу марта колониальный отряд (ок. 3 тыс. человек) занял Гаухати, в мае с моря был взят Рангун. Англичане установили протекторат над княжеством Джайнтия и заключили соглашение с правителем Манипура, однако муссонные дожди помешали их дальнейшему продвижению. Военные действия в Ассаме возобновились с наступлением сухого сезона и завершились капитуляцией бирманцев (31 января 1825 г.).

По условиям мирного договора 1826 г. Бирма отказывалась от притязаний на Ассам, Качар и Джайнтию. Долина Брахмапутры и прилегающие горные районы стали частью владений Компании. Из тех княжеств, которые заключили с ней соглашения в период первой англо-бирманской войны, лишь Манипур сохранил формальную независимость, хотя колониальная администрация контролировала внешние сношения и постоянно вмешивалась в его внутренние дела¹.

Зачастую англичане сталкивались с упорным сопротивлением горцев. Население аннексированных княжеств (кхаси, джайнтия и др.) до середины XIX в. неоднократно поднимало восстания, возглавлявшиеся правителями или их потомками. Но в конечном счете оно смирилось со своим положением. Гораздо большую стойкость проявили общества, жившие в условиях родо-племенного строя, — нага, лушан, аборы, дафла и др. По сложившейся в условиях военной демократии системе ценностей на первое место ставилась индивидуальная доблесть мужчины-воина, а не богатство или власть; воспитание мальчиков и юношей в домах холостяков вырабатывало способность к организованным действиям — важнейшему условию успешного налета на чужую деревню или защиты собственной. Селения нага и некоторых других племен располагались в местах, удобных для обороны, окружались системой укреплений, подходы к ним тщательно маскировались. Не удивительно, что именно нага оказали англичанам яростное сопротивление. С 1839 по 1850 г. колониальная администрация направил

¹ После манипурского восстания 1891 г. генерал-губернатор в специальном разъяснении указал, что это княжество издавна было «подчиненным подопечным государством (state), зависимым от Верховной Державы», т. е. Великобритании (см. [137, с. 55]).

ла против них десять военных экспедиций, в которых участвовали до тысячи сипаев (1850), но, как отмечает Т. Ао, «никаких осязаемых результатов не достигли, если не считать многочисленных сожженных деревень, человеческих жертв и усиления враждебности со стороны населения» [70, с. XIV—XV].

В 1851 г. англичане, занятые борьбой против афганцев на другом конце Индии, решили прекратить дальнейшие операции на территории нага. Генерал-губернатор Дж. А. Дальхузи заявил: «Мы ничего не выиграем, аннексировав этот дикий народ и его голые холмы». Он полагал, что «легче и дешевле» предотвратить набеги нага, «отказавшись от захвата их земель, ограничиваясь созданием эффективной системы охраны» вдоль границ колониальных владений и «не вмешиваясь в междоусобицы и конфликты этих дикарей» (цит. по [70, с. 43—44]).

Тактика невмешательства не дала желаемых результатов: в течение пятнадцати лет нага совершили не менее 22 набегов, убили 55 человек и увели в плен 113 [70, с. 47]. В 1865 г. власти Бенгалии рекомендовали возобновить карательные походы и расположить военные гарнизоны в крупнейших деревнях. В 1875 г. были аннексированы земли ангамп и лхота, а к концу 80-х годов сдались сема и ао. Для поддержания спокойствия в их селениях были оставлены отряды военной полиции общей численностью до 700 человек.

В 1871—1872 г. колониальные войска сломили сопротивление лушаев и аннексировали их территорию.

Огромные трудности англичане испытали также в ходе подчинения племен современной союзной территории Аруначал-Прадеш. Бхотии, дафла, миджи, ака, адн, мишми и др. в прошлом не только успешно отражали натиск ахомских войск, но и сами регулярно нападали на жителей долины Брахмапутры в целях грабежа. В XVIII—начале XIX в. с ослаблением Ахомского государства правители Ассама вынуждены были разрешить им собирать в определенном размере *посу* — дань с населения пограничной полосы. Британская администрация тоже предпочитала откупаться, заменяя по возможности натуральную посу денежной. Вожди ака получали ее до 1857 г., бхотии Курнапары — до 1899 г. [98., с. 6, 10]. В восточном секторе пограничной зоны (современ-

ный дистрикт Каменг) англичанам удалось проникнуть в горы севернее Шергаона лишь к концу колониального периода: патрулирование района началось в 1939 г., а через два года в Рупе расположилось подразделение ассамских стрелков. Военный пост в Диранг-Дзонге, севернее Рупы, был установлен в 1944 г. в связи с попытками тибетских властей собирать налоги в Таванге и стремлением распространить свою юрисдикцию на области вплоть до Шергаона, признанные по конвенции 1914 г. территорией Индии [98, с. 23]. Дафла, обитающие в южной части нынешних дистриктов Каменг и Субансири, несмотря на предоставленную им возможность собирать посу и многочисленные карательные экспедиции, так и не смирились.

Наибольшей воинственностью среди гималайских племен отличались аборы, само название которых стало синонимом слов «дикарь», «грабитель», «разбойник» и впоследствии было заменено на более нейтральное «ади». Подобно другим племенам, они взимали посу, которая в 1877 г. была заменена денежной компенсацией, но не отказались от набегов на равнину. Во время карательного похода 1894 г. колониальный отряд потерял 40 сипаев, после чего власти прекратили выплату посу. В 1911 г. ади убили 46 британских подданных, в том числе помощника политического представителя в Садин У. Уильямсона и английского врача. Осенью того же года многочисленный отряд под командованием генерала Бауэра занял Кебанг. Для осуществления эффективного контроля над аборами был назначен специальный чиновник с резиденцией в Пасигхате и открыты посты военной полиции в Кобо, Пасигхате и Балеке.

Положение в этом районе оставалось неустойчивым. В 1927 г. вспыхнула война между племенами миньонгов и пангли, в которую вскоре включились падамы. С незначительными перерывами она продолжалась почти десять лет. В 1938 г., по случаю предстоявшего отделения Бирмы от Индии, в Ротунге и Пангине были размещены войска, а через несколько лет основаны военные посты в Риге и Карко. Однако, как и в остальной части Северо-Восточной пограничной зоны, эффективно контролируемая территория не достигала «линии Мак-Магона», формально признанной в качестве границы между Индией и Тибетом.

Несколько иной была ситуация на крайнем востоке СВИ. Несмотря на воинственность мишми, английские чиновники добирались до Рима, отошедшей по Симлской конвенции (1914) к Тибету. Близость Садни и сравнительно удобное сообщение по долине р. Лохит делали этот район более доступным.

Население современного дистрикта Тирап, который граничит с Бирмой и этнорегионом нага, после подавления восстания сингпхо 1843 г. не доставляло хлопот колониальной администрации. Формальное присоединение этой территории завершилось в 1904—1905 гг.

Таким образом, за 140 лет своего господства англичане, в сущности, не завершили даже политической интеграции региона в рамках Британской Индии и только в последние годы правления приблизились к границе, установленной Симлской конвенцией. Столь медленное продвижение объясняется не только упорным сопротивлением населения СВИ, но и отсутствием экономических стимулов завоевания, а также серьезной угрозы владычеству англичан со стороны соседнего Тибета и Китая.

* * *

В ходе завоевания этноареалов племен и в последовавшие за их подчинением десятилетия постепенно складывалась политика колониальных властей. Уже первое знакомство с местными жителями убедило англичан в необходимости изменить прежние, средневековые формы отношений, сложившиеся между племенами и более развитыми крупными народами. Получение дани или, напротив, выплата субсидий, налаживание обмена, организация защиты равнинного населения от набегов, которые стали значительно чаще после роспуска феодальных воинских отрядов, отправленные правосудия требовали разработки комплекса мер, призванных обеспечить поддержание спокойствия и порядка в колонии.

Британская Ост-Индская компания столкнулась с проблемой Северо-Восточной Индии, уже имея определенный опыт управления районами, населенными племенами — пахариа (малер) гор Раджмахал, колами, санталами, хо и др., — что послужило первоначальным образцом для политики в отношении СВИ; особый подход к этому району Индии сложился позже, к концу XIX в.

Главная проблема в зоне контактов малых и круп-

ных народов заключалась в том, что установление британского господства и аграрная политика англичан ускорили процесс обезземеливания «племенных жителей»; земли их теми или иными путями переходили в руки более предприимчивых представителей крупных народов. Это, в свою очередь, приводило к конфликтам. Разбирательство их затруднялось различиями в правовых нормах племен (обычай), народов (индусское и мусульманское право) и законов колониальной администрации. Чтобы избежать конфликтов, которые нередко выливались в массовые волнения, она выделяла в качестве особых горные районы, на которые не распространялись законы, действующие в колонии, запрещала земельные сделки. В 1782 г. горы Раджмахал были объявлены «нерегулируемой зоной», напоминавшей резервации североамериканских индейцев. Формально ею управляло «горное собрание» племенных вождей, фактически — английский коллектор.

В соответствии с этим же принципом в 1821 г. северо-восточная часть Рангпура, прилегающего к Ассаму, была изъята из-под юрисдикции властей дистрикта и передана в ведение специального гражданского комиссара, назначаемого генерал-губернатором и совмещавшего функции коллектора и судьи. По рекомендации Дэйвида Скотта, агента генерал-губернатора на северо-восточной границе, в 1822 г. было принято постановление, по которому правосудие и вся гражданская власть в аннексированных районах гаро целиком сосредоточивались в руках гражданского комиссара северо-восточного Рангпура. Позже модифицированная система управления была введена в Горах Кхаси и Джайнтия. Губернатор Бенгалии Сесил Бидон в 1862 г. писал, что горцы «должны понять и почувствовать силу правительства благодаря простой системе управления, которая отвечает нынешним условиям их жизни и обстоятельствам... и, по возможности не затрагивая существующих институтов... приобщает их к цивилизации и порядку» (цит. по [152, с. 242]).

В 1869 г. колониальная администрация приняла Закон о Горах Гаро, гласивший, что впредь любые постановления генерал-губернатора будут применяться к этому дистрикту лишь в специально оговоренных случаях. Двумя годами спустя по решению губернатора Бен-

галии этот закон был распространен на английскую часть Гор Кхаси и дистрикты Горы Джайнтия и Горы Нага.

Единые принципы управления племенными районами были сформулированы позже в Законе об управлении Индией 1870 г. и специальном Законе XIV 1874 г. (см. [127, с. 78]). Согласно первому, вводилась категория зарегистрированного (т. е. занесенного в специальные списки) дистрикта. Таковыми были объявлены Ассам, Аджмер-Мервал, Кург, Андаманские острова, дистрикты Горы Читтагонг, Сантальские парганы, Чхотанагпур, Ангул-Мачал в Бенгалии и ряд дистриктов Пенджаба. По второму, в список были включены племенные районы провинций Бомбей, Мадрас, Центральных провинций, Объединенных провинций и Центрально-индийского агентства.

Суть выделения «зарегистрированных дистриктов» заключалась в том, что этой мерой юридически оформлялась и систематизировалась сложившаяся практика исключения племенных районов из сферы действия законов, применяемых в Британской Индии. Местные власти получили право с санкции генерал-губернатора в совете объявлять о действительности или недействительности различных законов или их пунктов в этих дистриктах, назначать чиновников для осуществления гражданской и судебной власти, контролировать расходы и доходы.

Положение Ассама как пограничного района, большой удельный вес «племенного населения» и размеры территории его обитания определили более видное место во внутривнутриполитической жизни проблем этнических меньшинств СВИ по сравнению с любой другой частью Индии, кроме Северо-Западной пограничной зоны. Колониальное правительство не ограничило провозглашением Ассама «зарегистрированным дистриктом» и приняло ряд специальных мер. К 70-м годам прошлого века англичане накопили уже достаточно большой опыт в управлении регионом и, как легко убедиться по литературе того периода, хорошо знали его специфику. На это указывают законы о «внутренней линии» (1873) и пограничных зонах (1880).

В постановлении 1873 г. говорилось, что правительство может определить и время от времени менять «ли-

нию, которая будет именоваться „внутренней“, и запретить любому подданному, живущему за ее пределами, поселяться в этом районе». Чиновникам вменялось в обязанность не вмешиваться в дела племен, обитающих в зоне «политического контроля», и следить лишь за тем, чтобы они воздерживались от враждебных действий по отношению к соседним районам Британской Индии или подолечным княжествам (native states). «Политический контроль» должен был осуществляться специально назначенными представителями, которые в случае необходимости могли вызвать на помощь войска [175, с. 158—160]. Если контроль оказывался недостаточно эффективным, за «внутренней линией» создавались военные посты и отдельные звенья гражданской администрации.

До 1882 г. эта линия отделяла только пограничные с Тибетом дистрикты Ассама (современный Аруначал-Прадеш) и восточную часть гор Нага, однако постепенно очерченная ею территория увеличивалась, и к 1942 г. за «внутренней линией» оказались горные районы Ассама, за исключением гор Кхаси, Гаро и Джайнтия.

На практике все это свелось к тому, что индийцам, проживающим в других, в том числе соседних районах, запрещалось проникать на территории горных племен Ассама, где фактически были созданы резервации. Такая мера была рассчитана на то, чтобы не допустить заселения данных районов бенгальцами, хлынувшими в плодородную долину Брахмапутры после присоединения Ассама. Столкновения между иммигрантами и воинственными горцами неизбежно привели бы к полной анархии и нарушению хозяйственной жизни во всем регионе, экономическое значение которого быстро возрастало в связи с бурным развитием чайных плантаций (подробнее см. ниже). Установление «внутренней линии» содействовало стабильности в горных районах и оградило племена от возможной ассимиляции, но почти полный разрыв контактов с равнинным населением приостановил процесс индустской аккультурации и роста общинного сознания. «Внутренняя линия», сохранившаяся по сей день, сыграла тормозящую роль в культурной и политической интеграции племен СВИ в рамках индийского общества.

По закону о пограничных зонах Ассама [102, с. 16] главный комиссар провинций получил право с санкции

генерал-губернатора отменять любой закон, действующий в пределах пограничной зоны, которую «населяют или посещают варварские, либо полудивилизованные племена». В 1882 г. была образована пограничная зона Дибругарх в северо-восточной части Ассама, где обитали наиболее отсталые гималайские племена. Позже это постановление распространилось на Горы Нага, Горы Кхаси-Джайнтия, Горы Микир. Смысл этой меры заключался в том, что в пограничных зонах главный комиссар Ассама мог, в сущности, ввести чрезвычайное положение.

В 1911 г. на дистрикты Горы Северный Качар, Горы Микир, Горы Гаро, Горы Кхаси-Джайнтия и Горы Нага было распространено Постановление 1896 г. о Горах Чин, и заместитель комиссара — главный чиновник в дистрикте — получил право выслать за его пределы любое нежелательное лицо и вводить некоторые налоги: на дома, кланы и деревни.

Таким образом, колониальная администрация разработала применительно к горным районам СВИ целый комплекс административных мер, которые предоставляли местной бюрократии исключительно широкие полномочия в решении вопросов, связанных с управлением, и позволяли эффективно контролировать контакты горцев с населением более развитой равнинной части Ассама. Политика изоляции горных районов, превращения их в резервации проявлялась в различных формах: гаро и кхаси, этнорегион которых не был отделен «внутренней линией» от Ассама и Бенгалии, сохраняли возможность более тесного общения с жителями этих провинций, в то время как нага, лушан (мизо) и гималайские племена на своей территории лишь эпизодически сталкивались с ними. Понятие «индеец» в этих условиях легко приобретало значение «чужак». Различия в образе жизни, социальной психологии, религии, системе ценностей, языке усиливали у горцев чувство отчужденности в гораздо большей степени, чем у населения многочисленных княжеств, формально не являвшихся частью Британской Индии. Политике изоляции придавалась форма покровительства, защиты от эксплуатации ростовщиками и торговцами — выходцами из более развитых районов, заботы администрации о сохранении привычного образа жизни и земель. «У горных племен Северо-Восточной

Индии практически не было основания жаловаться на могучих, но доброжелательных англичан», — отмечает индийский ученый Л. К. Махапатра, сравнивая положение племен в СВИ и других районах страны [194, с. 404]. На самом деле колонизаторы преследовали сугубо практические цели — предотвращение беспорядков, которые неизбежно должны были возникать вследствие массового переселения бенгальцев, и, на более позднем этапе, отрыв воинственных племен от национально-освободительного движения народов Индии.

* * *

Англичане господствовали в СВИ 100 (в горных районах) — 150 (в долине Брахмапутры) лет. Хотя они проводили в целом консервативную политику, сам факт объединения региона под единой верховной властью, его присоединение к Индии и стабилизация политической обстановки создали предпосылки для изменения хода этнопроцессов и в первую очередь для ускорения консолидации ряда этнических общностей. Следующие факторы сыграли в этом решающую роль: установление мира и прекращение междоусобицы как результат подчинения СВИ общей верховной власти; создание четкой административно-территориальной системы; превращение племенной элиты в социальную группу и возникновение устойчивых внутригрупповых контактов; расширение экономических связей между горными и равнинными районами Ассамы; распространение христианства; приобщение племен к современной культуре; консолидация ассамцев в нацию и обострение межнациональных отношений в Ассаме.

Миру на Северо-Востоке британская администрация в Индии придавала большое значение, ибо набеги горцев на равнинные районы вызывали панику населения, подрывали престиж властей и наносили ущерб хозяйству. Как говорилось ранее, для усмирения племен применялась и военная сила (особенно по отношению к аборам, нага, дафла), и различные методы мирного регулирования: выплата субсидий, назначение на должности, открытие рынков у границ ассамского этнорегиона и др. Этой же цели должна была служить политика невмешательства в их внутренние дела и введение прак-

тики «политического контроля» над племенами, обитавшими за «внутренней линией». Впрочем, эта мера оказалась недостаточно эффективной, и колониальная экспансия, несмотря на ее убыточность, прекратилась лишь с достижением естественных географических рубежей. В стратегически важных пунктах власти оставляли небольшие гарнизоны, во многих районах осуществлялось регулярное патрулирование. Идеального «порядка» англичане все же не добились: набегов и столкновений между отдельными деревнями или племенами стало меньше, но они продолжались.

Стабилизация обстановки в горных районах СВИ имела более серьезные последствия, чем на остальной территории Индии. Войны между государствами и грабительские походы были обычным явлением на всем субконтиненте, однако они чередовались с длительными периодами затишья. В доколониальный период в Северо-Восточной Индии сосуществовали общности и социальные организмы стадияльно различных уровней. Наиболее сильные государства, главным образом в долине Брахмапутры, не могли подчинить и затем ассимилировать горные племена. При отсутствии крупных государственных образований в районах их расселения, что обусловлено неразвитостью хозяйства и трудностями коммуникаций, этноинтегрирующие процессы шли крайне медленно. В течение двух тысячелетий по соседству с равнинными государствами сохранялся чрезвычайно пестрый племенной мир. Ранние государственные образования отмечались в этнорегионах кхаси, гаро, качари. Как правило, они представляли собой крохотные княжества: в крупнейшем сиемстве кхаси — Нонгкреме (Кхириме) в 1871 г. насчитывалось всего 20,5 тыс. человек, а в некоторых менее 1 тыс. [133, ч. 2, с. 67]. В ряде мест укрепленная деревня или нестойкий союз нескольких деревень являлись самой крупной территориальной единицей, пределы которой нельзя было покинуть без риска для жизни. У нага обычными были столкновения между хелами одного поселения. Миграции, не прекращавшиеся вплоть до конца прошлого века, вызывали цепную реакцию и придавали междоусобице затяжной характер.

Все это тормозило прирост численности населения, и у многих племен она не достигала минимальной вели-

чны, необходимой для дальнейшей этнической эволюции. Особенно опустошительными были войны, например нашествия бирманцев в первой четверти XIX в. По некоторым данным, только в Манипуре, одном из самых больших государственных образований СВИ, число убитых и уведённых в Бирму составило почти 300 тыс.; в долине Имфала осталось лишь около 3 тыс. взрослых мужчин [179, с. 54, 79].

Преращение войн положило начало постоянному приросту населения, как свидетельствуют следующие данные (тыс.) [193, прилож. X, с. XXX—XXXII]:

	1901 г.	1911 г.	1921 г.	1931 г.	1941 г.	1951 г.
Горы-Гаро	138,3	158,9	179,1		223,6	242,1
Горы Кхаси-Джайнтия .	202,2	235,1		289,9	332,3	386,1
Горы Лушай (Мизо) . .	82,4	91,2	98,4	124,4	152,8	196,2
Горы Нага	102,4	149,6	161,0	178,8	189,6	213,0
Манипур	284,5	346,2	384,0	445,6	512,1	577,6
Трипура	173,3	229,6	304,4	382,4	513,0	639,0

Прирост был не очень высоким, но довольно ровным. Относительно резкие скачки (у нага в 1901—1911 гг., в Трипуре) объясняются охватом переписью новых территорий в первом случае и значительным притоком иммигрантов во втором.

Постепенно создавались предпосылки для преодоления замкнутости отдельных деревень и общин, расширения связей между ними. В горных районах, где этническая фрагментарность определялась природными условиями, лишь длительный, на протяжении жизни нескольких поколений, мир мог обеспечить воздействие остальных факторов этнической консолидации.

Стабилизация обстановки в СВИ сопровождалась проведением четкого административно-территориального деления. Первоначально Ассам входил в состав Бенгалии, но затем был преобразован в провинцию главного комиссара и сохранил этот статус до конца колониального господства, включая период 1905—1911 гг., когда вместе с Восточной Бенгалией составлял отдельную провинцию.

Административная система Ассама сложилась в основном в 1870—1874 гг. Провинция была разбита на ряд дистриктов, причем три горных: Горы Кхаси-Джайнтия, Горы Гаро и Горы Нага. Позже были созданы дистрик-

ты Горы Микир и Северный Качар и Горы Лушай. Манипур и Трипура оставались княжествами фактически до реформы 1956 г. В 1914 г. из северной части дистриктов Дарранг и Лакхимпур, где обитали гималайские племена, была образована Северо-Восточная пограничная зона, включавшая три сектора.

По численности населения Ассам занимал последнее место среди провинций Британской Индии: в момент отделения от Бенгалии (7 февраля 1874 г.) здесь насчитывалось всего 2,4 млн. человек (без Манипура и Трипуры), из них около 2 млн. в долине Брахмапутры. Приняв это во внимание, колониальные власти в том же году присоединили к нему дистрикт Силхет, в котором проживали примерно 1,7 млн. бенгальцев, преимущественно мусульман. Население трех горных дистриктов не превышало 290 тыс. человек (1872): Гор Кхаси-Джайнтя — 141,8 тыс., Гор Нага — 68,8 тыс. (неполные данные) и Гор Гаро — 80 тыс. (оценка: перепись в этом дистрикте не проводилась) [133, ч. II. А, с. 58].

В результате административных реформ 1874 г. этническая ситуация в Ассаме резко изменилась: провинция объединила две доминирующие этнические общности, противоречия между которыми оттеснили на второй план проблему отношений с этническими меньшинствами.

Преследуя главную цель — «умиротворение» племен, англичане создали в горных районах административную систему, которая в основном соответствовала этническим и географическим рубежам общностей и, в сущности, сводилась к образованию относительно крупных дистриктов. Таковыми были «однонациональные» Горы Гаро, Горы Кхаси-Джайнтя, Горы Лушай. Дистрикт Горы Нага объединил группу племен, обладавших многими сходными чертами материальной и духовной культуры, однако значительная часть их осталась в княжестве Манипур, Северо-Восточной пограничной зоне, Бирме. В районе Ассамских Гималаев этнолингвистические факторы игнорировались; плотность населения тут была крайне низкой, ареалы этнической консолидации еще не определились, и власти разделили Северо-Восточную пограничную зону на три сектора, руководствуясь соображениями удобства управления.

Появление «национальных» дистриктов не покончи-

ло полностью с раздробленностью (по новой административно-территориальной системе сохранялось большинство мелких княжеств и автономных общин), но то обстоятельство, что в рамках отдельных дистриктов было достигнуто объединение ряда общностей и создана одна из важнейших предпосылок ускорения этнической консолидации (кхаси, гаро, мизо) или возникновения новых ареалов этнообразования (нага), имело решающее значение для дальнейших этнопроцессов. «Современная административная система способствовала преодолению изоляции деревень и интеграции групп населения в пределах дистрикта (Гор Гаро.— А. П.)»,— справедливо отмечает кхасский историк, профессор Гамлет Баре [76, с. 57]. Независимо от субъективных намерений англичан и специфики колониальной политической структуры, государство объективно стимулировало консолидацию этносов различного таксономического уровня.

Механизм воздействия административно-территориального фактора на процесс этнообразования достаточно прост. Если территориальная единица в основном совпадает с этническим ареалом или включает группу стабильно однотипных общностей, то с течением времени (длительность периода определяется степенью развития коммуникаций, плотности населения и некоторыми другими показателями) возникает внутренняя, относительно замкнутая сеть информационных связей², усиливается горизонтальная мобильность населения. Через несколько поколений понимание разницы между «своим» и «чужим» дистриктом даже в случае лингвистической неоднородности (Горы Нага) при прочих благоприятных условиях приводит к появлению двойного самосознания: узкоэтнического — принадлежности к определенному племени (ангами, ао) и этнополитического — принадлежности к новой общности (нага). Третий уровень — общеиндийское самосознание — у горных народов Асса-

² Этот аспект этнической консолидации был подчеркнут К. В. Дейчем, который писал: «Принадлежность к тому или иному народу основывается в значительной степени на распространенности дополнительных социальных коммуникаций. Они выражаются в способности эффективнее общаться (по широкому кругу вопросов) с членами своей группы, чем со стоящими вне ее» [113]. Механизм действия инфосвязей в племенных группах, народностях и нациях был подробно показан советскими этнографами С. А. Арутюновым и Н. И. Чебоксаровым [5].

ма имел сугубо политическое содержание (ввиду ограниченных контактов и существенных различий в образе жизни, культуре и социальной психологии) и вплоть до конца колониального периода был выражен слабо.

Для Северо-Восточной Индии типично включение в состав административно-территориальной единицы одной сравнительно крупной общности и нескольких меньшинств. В этом случае, если у последних нет центров этнического притяжения за пределами дистрикта, возникают предпосылки к превращению их в ассоциированные общности, а затем и к ассимиляции доминирующим этносом. Подобная ситуация сложилась в дистриктах Горы Лушай, Качар, Горы Микир и Северный Качар, княжествах Манипур и Трипура и отчасти в других районах. В Качаре и Трипуре доминирующим этносом стали бенгальцы, в Горах Микир и Северный Качар на эту роль претендуют ассамцы, в Горах Лушай и Манипуре меньшинства постепенно ассимилируются соответственно лушайями (мизо) и мейтхейями (манипури). Относительно медленные темпы ассимиляции (они ускорились к концу колониального периода и в годы независимости) объясняются необходимостью преодолевать стадильные, культурные и языковые (по крайней мере на уровне билингвизма) различия и включаться в социальную структуру доминирующего этноса. В этом смысле кастовое общество имеет некоторое преимущество на стадии аккультурации, ибо может вбирать меньшинство в качестве племенн-касты, однако дальнейшая ассимиляция совершается крайне медленно.

Административно-территориальное объединение как этнообразующий фактор оказывает влияние прежде всего на лидерство традиционных единиц (княжеств, групп деревень, общин) и способствует *превращению элиты в социальную группу*, связанную определенной солидарностью, или, пользуясь социологическим термином, референтную группу.

Колонизаторы не считали целесообразным расходовать средства на создание в горных районах СВИ специальных административных органов и обычно использовали метод косвенного управления. Вожди лушаев, димаса качари и некоторых племен нага, ласкары у гаро, долои у джайнтия руководили вверенными им деревнями, занимались разбирательством мелких судебных

нсков, взимали налоги (там, где они были введены). Значительную автономию сохранили главы ххасских княжеств — сиемы, сирдары, лингдохи, находившиеся с администрацией в договорных отношениях.

Английские должностные лица, управлявшие дистриктами, более или менее регулярно созывали совещания этих представителей власти на местах. Контакты лидеров с чиновниками, а также друг с другом вели к осознанию общего статуса и общности интересов. Ограниченность их полномочий — они были лишены малейшей возможности оказывать влияние на решение проблем дистрикта — исключала почву для образования клика по кровнородственному, территориальному или этнолингвистическому признаку и способствовала развитию групповой солидарности.

Следствием зарождения социальных групп, характеризующихся известной сплоченностью, было появление различных ассоциаций: культурных организаций, клубов, политических партий, кружков и т. д. Подобные элитарные организации были основаны в горных районах СВИ в первой четверти нынешнего века: «Джайнтия дарбар» (совещательный орган, состоявший из представителей деревень) в 1900 г., «Клуб нага» в 1918 г., Кхасский национальный дарбар в 1923 г. В период между первой и второй мировыми войнами они постепенно превращаются в политические партии. К концу колониального периода уже во всех горных дистриктах, за исключением Северо-Восточной пограничной зоны, имелось по несколько организаций, однако они возникли скорее в результате общей активизации политической жизни накануне провозглашения независимости, чем этнической консолидации.

«Политические партии возникают в условиях кризиса феодального общества и формирования капиталистического общества. Таким образом, процесс возникновения политических партий является существенным аспектом разрушения традиционных структур власти аристократии и замены их более открытыми объединениями граждан», — пишет польский социолог Е. Вятр [9, с. 324]. Применительно к Северо-Восточной Индии нужно в этой связи отметить два важных обстоятельства. Во-первых, несмотря на изоляцию региона от более развитых районов страны, политическая аккультурация его была частью

процессов, проходивших в рамках единого государства, т. е. речь идет о зависимом политическом развитии, которое в данных условиях неизбежно опережало социальную эволюцию (в других случаях возможно и отставание, особенно вследствие колониальных деформаций общественного развития). Во-вторых, политические партии здесь представляли собой ранние формы подобных организаций: пользуясь терминологией Макса Вебера, их следует определить как аристократические группировки (у хаси, гаро), или политические клубы (преимущественно новой элиты нага, мизо, мейтхеев и др.). Массовые партии в СВИ, в отличие от более развитых районов Индии, в колониальный период не сложились.

Появление такого рода ассоциаций в обществе, где важную роль продолжали играть родо-племенные связи, — важнейшая особенность новой и новейшей истории СВИ. Стадиальное несоответствие политической надстройки характеру социально-экономических отношений и всей социальной структуре, в которой классовая дифференциация еще слабо выражена, наложило глубокий отпечаток на характер автономистских движений, начавшихся после ликвидации британского колониального господства, и на политические процессы в этом районе.

Приобщение горных народов к политической жизни было крайне ограниченным и поверхностным, и по степени активности этнические меньшинства Ассама далеко отставали от крупных народов Индии. Наряду с объективными причинами (общая отсталость, преобладание натурального хозяйства, трудности коммуникаций и пр.) негативную роль в этом сыграла политика колониальных властей. В период подъема национально-освободительного движения британская администрация приняла меры к тому, чтобы усилить изоляцию племен и воспрепятствовать процессу политической аккультурации или по крайней мере не допустить распространения идей антиколониальной борьбы.

Конституционная реформа (Закон об управлении Индией) 1919 г. практически не коснулась горных районов Северо-Востока, ибо дистрикты, населенные племенами, были объявлены «частично исключенным» районом. Суть меры заключалась в том, что принятые Законодательным собранием Ассама законы касательно этих районов могли отменяться губернатором; кроме того, дист-

рихты не получили права избирать своих представителей в законодательное собрание (весь «частично исключенный» горный район был представлен одним членом, которого назначала колониальная администрация). Реформа 1935 г. существенно не изменила положения: Горы Нага, Горы Лушай, Северный Качар и Северо-Восточная пограничная зона были отнесены к группе «исключенных», а Горы Гаро, Горы Кхаси-Джайнтия (без Шиллонга — административного центра провинции) и Горы Микир — «частично исключенных» районов. Обе группы фактически остались в ведении губернатора, сохранившего по отношению к ним дискреционные полномочия. Разница между двумя группами была лишь в том, что население второй выбирало своих представителей в легислатуру провинции. Местные власти Ассама высказывались за отделение горных дистриктов и передачу их в ведение генерал-губернатора, так как это избавило бы местное правительство от обязанности нести расходы по управлению ими. Сумма расходов на управление «исключенными» районами устанавливалась сверху, а для «частично исключенных» определялась Законодательным собранием Ассама. Рассматривая горные районы как бремя (дефицит бюджета здесь составлял около 650 тыс. рупий в год), правительство провинции не было заинтересовано в их развитии.

В колониальный период заметно расширились и стабилизировались *экономические связи* между равнинными и прилегающими к ним горными районами, хотя в целом характер хозяйства и искусственные барьеры (особенно «внутренняя линия») препятствовали экономической интеграции в масштабах всего региона.

В процессе завоевания этих районов британская администрация рассчитывала, что их присоединение принесет определенные выгоды. В отчете властей Бенгалии 1872/73 г. высказывались, например, такие суждения о территории, населенной гаро: «Есть все основания верить, что страна (гаро.— *А. П.*) богата многими естественными продуктами. Торговля хлопком тут всегда была значительной... и губернатор считает, что, вместо того чтобы сжигать его в наказание за бесчинства, как нам приходилось, к сожалению, делать иногда, можно было бы найти здесь новый источник для снабжения Манчестера... Предполагается, что древесина в горных

районах также ценная... и правительство имеет основание рассчитывать на хорошую прибыль от разработки леса в разумных пределах. Считается, что (здесь) очень много диких слонов, и, очевидно, их отлов в скором времени принесет прибыль» [133, с. 36]. В числе других возможных источников дохода в официальных документах фигурировали производство каучука, шелка, добыча каменного угля, нефти, железной руды, известняка и торфяка.

Эти расчеты колониальных властей оказались необоснованными. Трудности сообщения, малочисленность населения и приверженность племен к традиционным методам хозяйствования создавали большие сложности для широкого внедрения технических культур и развития товарного хозяйства вообще. Стоимость экспорта в эти районы (включая Бутан) в 1876/77 г. составляла лишь 272,2 тыс. рупий, причем $\frac{2}{3}$ суммы приходилось на Бутан (198,4 тыс.), импорта — 224,4 тыс. рупий. Доход от продажи опиума в 1875/76 г. равнялся всего 593 рупиям, тогда как в равнинной части Ассама выручка превысила 1,2 млн. рупий [134, ч. 2, с. 115].

По уровню экономического развития провинция сильно отставала от соседних — Бенгалии и Бихара, тем не менее специализация способствовала превращению ее в важное звено колониальной экономики. В дистрикте Лакхимпур и в малых масштабах в районах обитания кхаси-джайнтя, гаро и в дистрикте Сибсагар добывали каменный уголь. В Верхнем Ассаме (Маргхерита, Дигбой) местная нефтяная компания и «Бирма ойл компани» (с 1921 г.) получали 63—67 млн. галлонов нефти ежегодно. Наличие древесины создавало предпосылки к возникновению деревообрабатывающей промышленности: в 1918 г. в Ассаме начала действовать первая в Индии фанерная, в 1925 г. — спичечная фабрики.

В Северо-Восточной Индии было налажено производство ряда товарных культур: джута (около $\frac{1}{4}$ общендийского), картофеля, табака. В целом, однако, место Ассама в колониальной экономике определялось главной отраслью хозяйства СВИ — выращиванием чая. Первые опыты (у племени сингпхо) относятся к 1837 г. Через двадцать лет площадь под чайными плантациями расширилась до 4 тыс. акров, а продукция составила 760 тыс. фунтов [133, ч. 11 А, с. 9]. В дальнейшем объем

производства чая возрастал; в 1921 г. он достиг 234,4 тыс. фунтов (по Индии — 345,2 тыс.). Площадь чайных плантаций за этот период увеличилась в 100 раз, а капиталовложения уже в 1903 г. оценивались в 14 млн. ф. ст. [124, с. 409]. В 30-е годы доля Ассама в мировом производстве чая достигала примерно $\frac{1}{4}$ [142, с. 1140].

Экономическое развитие, оказавшее чрезвычайно большое влияние на межнациональные отношения, характеризовалось тремя особенностями:

1) промышленность Ассама оставалась крайне неразвитой — в 1950 г. в провинции насчитывалось только 89 зарегистрированных промышленных предприятий (из 7099 по Индии), на которых работали 6351 человек [142, с. 945];

2) в годы колониального господства заметно увеличился разрыв в уровне развития горных и равнинных районов. Обследование 1955 г., результаты которого в целом применимы и к более раннему периоду, показало, что в микирских деревнях доход на душу населения равнялся 43,4 рупии, т. е. был в 3 раза меньше, чем в равнинных дистриктах Ассама, и в 4 раза ниже среднендийского показателя [131, с. 58];

3) расширение плантационного хозяйства и прочие менее важные сдвиги в экономике непропорционально мало отразились на социальной структуре ассамцев. Индийским предпринимателям принадлежало лишь 16% площади под чаем, но и в эту немногочисленную группу входили в основном бенгальцы. Ассамцы составляли весьма незначительную долю и среди плантационных рабочих: власти вербовали последних в Бенгалии и в Бихаре, где аграрная перенаселенность и упадок традиционных ремесел создавали избыток рабочей силы. Ассамцы, не говоря уже о горных племенах, в сущности, стояли в стороне от зарождавшегося капитализма, и это обстоятельство в сочетании с численным преобладанием³ и доминирующей ролью бенгальцев в экономической, политической и культурной сферах способствовало возникновению межэтнической напряженности в провинции.

Таким образом, вследствие административного объединения ассамского этноареала, нескольких бенгальских

³ По данным 1941 г., из общей численности населения Ассама (9 640 394 человек) бенгальцы составляли 4 526 528, племена — 2 420 966 (около 45%), ассамцы — 2 692 900.

дистриктов и горных районов, населенных племенами, и неравномерности экономического развития отдельных частей провинции этнические различия в Северо-Восточной Индии в возрастающей степени начали совпадать с социально-экономическими противоречиями. Для региона в целом противоречия между бенгальцами, ассамцами и племенами стали важнейшей особенностью этнической ситуации, притом что в отдельных дистриктах и этноареалах имелись свои особенности и различия.

В долине Брахмапутры бодо и коч образовывали меньшинство населения, и социально-политическое положение здесь в значительной степени определялось противоречиями между бенгальцами (прежде всего в западных дистриктах) и ассамцами. Племена, обитавшие на территории, расположенной за «внутренней линией» (нага, мизо, жители Северо-Восточной пограничной зоны), и население княжества Манипур оставались в известной мере изолированными и менее вовлеченными в конфликты с ассамцами и бенгальцами. Кхаси, джайнтия и гаро заметно упрочили свои контакты с ними, но не подвергались слишком сильному давлению с их стороны: горные районы ничем не привлекали равнинных земледельцев.

Иная ситуация сложилась в Трипуре, которая после завоевания англичанами была открыта для колонизации. Сюда хлынул поток переселенцев из восточных дистриктов Бенгалии (современный Бангладеш), и за срок лет — 1901—1941 гг. — численность населения увеличилась в 3 раза — с 173,3 тыс. до 513 тыс. Племена Трипуры лишились большей части своих земель, отступали дальше в горы. Ухудшение экономического положения сопровождалось уменьшением их этноареалов, появлением ощутимых бенгальских анклавов, что в конечном счете создавало непреодолимые препятствия для этнической консолидации. (В сходном положении оказались «равнинные» племена — бодо, коч, качари и др., а также микиры и димаса качари, районы обитания которых были менее изолированными). Экономические факторы, в свою очередь обусловленные географическими и характером природных условий, в целом тормозили процессы консолидации «равнинных» племен и превращения их в общности более высокого таксономического уровня.

Несмотря на диспропорции и противоречивость эко-

номического развития СВИ, здесь наблюдались заметные изменения в этнопроцессах. В ареалах этнических меньшинств Ассама начало складываться товарное хозяйство, в некоторых районах (Горы Кхаси-Джайтия, Манипур) возникали хозяйства капиталистического типа. Рост обмена, торговых связей горцев с населением равнинных районов в какой-то степени нейтрализовал изоляционистскую политику колониальной администрации, нарушал традиционную замкнутость общин. Рынок стал выполнять важную функцию источника информации и контактов как со «своими», так и с «чужаками» и тем способствовал расширению кругозора племенного населения, осознанию им своего отличия от соседей, говоривших на других языках и обладавших несколько иной культурой. В этом смысле экономические факторы влияли на развитие этнического самосознания и ускоряли этноинтегрирующий процесс, но их воздействие было в основном косвенным и гораздо более слабым, чем в ассамском этнорегионе, не говоря уже о Бенгалии и других прибрежных районах Индии⁴.

Многие индийские исследователи и специалисты по делам племен усматривают одну из главных причин возникновения националистической идеологии у горных народов СВИ, особенно у нага и мизо, в распространении христианства. Представляется, однако, что роль его в данном отношении не следует преувеличивать: конфессиональная принадлежность сама по себе, без других показателей (лингвистических, социально-экономических, географических и пр.) не может выступать в качестве этноразличительного фактора. К тому же зачастую игнорируется то обстоятельство, что в колониальный период христианство в СВИ не получило значительного распространения. Хотя первые миссионеры появились

⁴ В данной связи необходимо отметить, что было бы упрощением рассматривать общность экономической жизни в качестве обязательного признака нации. «Анализ понятия экономической общности,— пишет В. И. Козлов,— приводит к выводу, что эта общность свойственна не столько нации, сколько государству, и определяется не этническими, а политическими границами» [22, с. 34]. Ю. В. Бромлей предложил экономическую общность рассматривать как «совокупность людей, объединенных едиными производственными отношениями» [8, с. 44], что вполне применимо к развитым странам, но едва ли подходит в качестве признака обществ, для экономики которых характерна многоукладность.

уже в 20-е годы прошлого века, результаты их деятельности были очень скромными: вплоть до 1931 г. включительно в отчетах о переписи населения среди гаро, кхаси-джайнтия, куки, лакхер, мизо, хмар, племен нага: кабуи, кача, пайте, тангкхул и прочих этнических групп, христиане не отмечены. Правда, к материалам переписей следует, очевидно, относиться критически, так как другие источники сообщают о сравнительно многочисленных христианских общинах. Сомнение в достоверности отчетов вызывают также данные о практически невозможных случаях массового обращения в индуизм⁵.

Важнейшим результатом деятельности европейских и американских миссионеров явился переход в христианство значительной части племенной элиты. Поскольку среди горцев индуизм был распространен мало и, значит, представления о ритуальном, или кастовом, статусе не играли заметной роли, местное лидерство относительно легко принимало новую веру: в процессе аккультурации менялась система ценностей и христианство приобретало престижный характер. На первых порах привлекательность его определялась, видимо, наличием собственного храма, здание которого выделялось на фоне местных форм «архитектуры». К концу колониального периода в связи с определенным прогрессом во всех сферах жизни повысилось представление о значении образования, современной медицины и иных элементов цивилизации, доступных фактически лишь благодаря миссионерам. Проблема выбора религии решалась «анимистами» в пользу христианства и по другой причине: санскритизация открывала доступ в индусское общество на очень жестких условиях (на правах низшей касты), тогда как принятие христианства могло дать ощущение превосходства над «идолопоклонниками» — индусами. К моменту провозглашения независимости Индии церкви в горных районах СВИ обладали достаточно большим влиянием, и в условиях, когда ассамцы оказались в положении доминирующего большинства, это привело к массовому

⁵ Так, по материалам переписи 1901 г., 98,79% (73,9 тыс.) меч считаются «анимистами», а через десять лет уже 73,84% отнесены к индусам [93, с. 48]. Подобные случаи (меч — не единственный пример) вызывают недоумение, ибо включение племени в кастовую иерархию обычно происходит медленно, на протяжении жизни нескольких поколений.

обращению в христианство. Но оно, как справедливо отмечает Чаубе, не обеспечило единства горных народов СВИ на основе конфессиональной общности [102, с. 39]. В области культуры и социальной психологии распространение этой религии означало, что наряду с прежними различиями между ассамцами и горцами появились новые, более сложные и более устойчивые.

Немалое значение для ускорения этноинтегрирующих процессов имело приобщение племен к современной культуре, которое происходило через церкви и, в меньшей степени, вследствие деятельности британской администрации и расширения контактов с соседями.

В доколониальный период ни один из горных народов СВИ, кроме манипури, не имел своей письменности. Создание ее, выпуск первых книг, грамматик и словарей — заслуга миссионеров. Они открыли в этноареалах племен школы (в первой половине XIX в.), переводили на местные языки отдельные части Библии, занимались врачеванием, пропагандировали начальные знания по санитарии и гигиене. Однако в развитии системы образования результаты до второй мировой войны были невелики: в 1901 г. среди кхаси-джайнтия и лушаев (мизо) грамотных было всего 2,25 и 1,18% соответственно, в 1931 г. — 3,23 и 5,68%, у других племен — еще меньше [93, с. 38—39]. Резкий скачок в распространении грамотности отмечен в самом конце колониального периода. К 1951 г. дистрикт Горы Лушай по данному показателю занял первое место в регионе — 31,14%, Объединенный дистрикт Горы Кхаси-Джайнтия (19,06%) также превзошел среднеассамский уровень (18,25%). Примечательно, что у горцев грамотность среди женщин была значительно выше, чем у жителей равнинных дистриктов (10,16 против 7,57%) и достигала иногда 14—17% (мизо и кхаси-джайнтия). Вместе с тем индуизированные племена дистрикта Горы Микир и Северный Качар по этому признаку (5,8%, а среди женщин — 2,17%) далеко отставали от ассамцев и, тем более, от «христианских» племен [131, с. 278].

Медленное распространение грамотности до второй мировой войны было связано прежде всего с тем, что традиционное общество (если не считать малочисленной элиты) не испытывало потребности в ней. Война, японская оккупация некоторых районов Северо-Востока

и подъем политической активности накануне достижения независимости Индии резко повысили интерес к достоверной информации; ее не могли заменить слухи и обмен мнениями на рынке. С другой стороны, даже низкий уровень грамотности (2—5%), характерный для более раннего времени, означал, что практически в каждой деревне имелись люди, которые были в курсе важнейших событий и могли выполнять роль источника информации. Образованная элита в горных районах складывалась в течение всего колониального периода. Окончив местные миссионерские школы, отдельные представители племен получали высшее образование в колледжах и университетах (прежде всего в Бенгалии); несколько гаро еще в конце XIX в. с этой целью отправились в США [76, с. 61]. В середине нынешнего века в большинстве горных дистриктов Ассамы не хватало квалифицированных специалистов для осуществления программ экономического развития, но недостатка в образованных политических лидерах явно не было.

Главным следствием распространения христианства и образования было изменение исторического субстрата⁶: новые нормы и институты (церковь, школа) раздвигали границы, в которых могли происходить социальные и политические сдвиги, делали горцев более восприимчивыми к новым идеям и представлениям. Ряд этносов СВИ в конечном счете оказался более подготовленным к участию в политических движениях, чем низшие слои кастового общества в целом более развитых районов.

На формирование этноцентрических установок элиты меньшинств, а через нее и массы горцев очень сильно воздействовали противоречия между ассамцами и бенгальцами и ассамская националистическая идеология.

Для консолидации ассамской нации решающим было прекращение войн и ликвидация политической раздробленности в пределах их ареала. Ранее отмечалось, что ассамцы уже в средние века сложились в народность, обладавшую общей материальной и духовной культурой, однако дальнейшей интеграции препятствовало сохранение нескольких государств с ассамским этническим

⁶ Под историческим субстратом подразумевается «совокупность унаследованных от прошлого институтов, взглядов, обычаев» [9, с. 361], т. е. те аспекты культуры (в широком смысле слова), которые играют роль политических факторов.

ядром (Камруп, Ахомское) и неустойчивость политических границ. Английское завоевание устранило это главное препятствие, и при прочих благоприятных условиях (компактность территории, удобное сообщение по Брахмапутре) преодоление сохранившихся к середине XIX в. этнографических различий между отдельными компонентами народности могло завершиться в исторически минимальные сроки.

Установление колониального господства оказало, впрочем, двойственное влияние на этнические процессы: ликвидировав раздробленность, британская администрация стала проводить политику, которая в целом тормозила естественный ход консолидации ассамцев, придавала ему специфичность. Возникновение капиталистического уклада (чайные плантации, предприятия горнодобывающей и деревообрабатывающей промышленности, производство джута и др.) не сопровождалось пропорциональным ростом социальной мобильности и существенно не нарушало замкнутости сельской общины. Сфера деятельности ассамцев во второй половине XIX — первой половине XX в. не только не расширялась, но, скорее, даже сужалась: традиционные ремесла приходили в упадок, подавляющую массу плантационных рабочих, как говорилось, составляли иммигранты из Бенгалии и Бихара, административный аппарат, системы просвещения и медицинского обслуживания стали, по сути, монополией бенгальцев, торговля сосредоточилась в руках марвари и бенгальцев. Подобная усеченная социальная структура этнической общности (иноэтничный состав верхних и наиболее динамичных слоев) служит одним из главных признаков незавершенности процесса национальной консолидации и, если она сохраняется продолжительное время, неизбежно усиливает напряженность отношений между автохтонным населением и доминирующим меньшинством.

Этническая ситуация в Ассаме осложнялась тем, что ассамцы здесь не были в большинстве. Присоединение к провинции с относительно небольшой численностью жителей (2,4 млн.) густонаселенного бенгальского дистрикта Силхет (1,7 млн.), возможно, с точки зрения англичан, оправдывалось соображениями экономического порядка, ибо могло содействовать внутренней колонизации Ассамы и снижению аграрной перенаселенности восточ-

ных районов Бенгалии. Но в результате его резко изменилась этническая ситуация в Ассаме: на Силхет приходилось 41,6% населения провинции, а в последовавшие десятилетия численность бенгальцев продолжала быстро возрастать, особенно в дистриктах Ноугонг и Гоальпара и в княжестве Трипура. В 1931 г. в этих районах они составляли соответственно 34,4, 54,0 и 44,7% населения [47, 342]. К 1941 г. бенгалли в качестве родного языка использовали 4,5 млн. человек, или 45% населения провинции, в то время как ассамы — 2,7 млн. [180, с. 215].

Превращение ассамцев в меньшинство в некоторых частях их этнического ареала и, главное, доминирующее положение бенгальцев во всех сферах общественно-политической, культурной и экономической жизни, преобладавшие бенгальского языка — официального языка Ассамы в 1836—1882 гг. вызывало острое недовольство ассамцев, особенно образованной части, ущемляло их национальные чувства. Завершающая стадия консолидации ассамской нации сопровождалась борьбой за культурные и экономические права, отодвигавшей на второй план задачи антиколониального движения. Возникновение таких организаций, как «Сарбаджаник сабха» (Общество простых людей) в Джорхате (1884), Ассамская ассоциация (1903; в 1921 г. она вошла в состав ИНК), Ассамская конференция студентов (1916), «Ассам сахитья сабха» (Ассамское литературное общество, 1916) и др. (см. [116, с. 36—47]), кампания за изгнание бенгальцев из провинции (движение «Бонгал кхеада» — букв. «Изгнание бенгальцев» в 30-е годы), локальная патриотическая тематика в творчестве ряда крупных литераторов — Камалаканта Бхаттачария (1858—1936), Лакшминатха Безбаруа (1868—1938), Хитесвара Барбаруа (1876—1939), Раджиниканта Бардолой (1867—1939) (см. [7]), — акции ассамских политических и культурно-просветительских организаций свидетельствовали о том, что антибенгализм стал характерной чертой, а в определенные периоды даже платформой ассамского национализма и на уровне социальной психологии оттеснял общендийский национализм, который складывался в ходе освободительного движения и, по крайней мере до 1947 г., во многих этнорегионах субконтинента успешно нейтрализовал напряженность межнациональных отношений. Противоречия между ассамцами и бенгальца-

ми ослабляли антиколониальную борьбу и потому были на руку англичанам. Британская администрация до последних дней старалась культивировать эти противоречия в Северо-Восточной Индии.

Антибенгализм, порожденный колониальной политикой, придал ассамскому национализму воинственность и даже агрессивность по отношению к этническим меньшинствам провинции. В конкретных формах это проявилось позже, после провозглашения независимости страны и образования правительств штата, получившего достаточно широкую автономию по конституции Индии. Однако уже в колониальный период эти черты ассамского национализма усиливали недоверие горных этносов к населению равнин и в сочетании с другими факторами (различия в уровне развития, социально-экономической структуре, религии, культуре) вызывали напряженность в отношениях между ними. Развитие этноцентристских установок у горных народов ускорило возникновение у них националистической идеологии, представляющей собой комплекс традиционных стереотипов, видоизмененных под влиянием христианства и заимствований из локального ассамского национализма.

* * *

Рассмотренные выше факторы при всей их неравнозначности и разной степени воздействия в отдельных этноареалах региона определили здесь ход и основные направления этнических процессов. За время колониального господства сменилось три-четыре поколения людей — срок, вполне достаточный для того, чтобы качественное изменение этнической ситуации стало вполне очевидным. Даже самое поверхностное сравнение кхаси, гаро, нага, мизо, манипури второй половины XIX и середины нынешнего века приводит к заключению, что, несмотря на сохранение ряда важнейших особенностей социального строя и образа жизни этих общностей, произошли кардинальные сдвиги в их социальной структуре и духовной культуре. Подъем национально-освободительного движения, вторая мировая война и усиление политической деятельности накануне достижения Индией независимости послужили мощным толчком для ускорения тенденций этнополитического развития СВИ.

Перед второй мировой войной даже наиболее разви-

тые горные дистрикты Ассама (Горы Кхаси-Джайнтя, княжества Манипур и Трипура) по уровню политической активности далеко отставали от соседних равнинных районов. Освободительное движение, пробудившее к политической жизни население не только города, но и деревни Индии, очень поверхностно затронуло горные районы СВИ, по существу даже не коснувшись исключенных дистриктов. Этот факт отмечают многие индийские исследователи и политики. Неру, выступая на конференции, посвященной «зарегистрированным племенам», сказал: «Мы должны помнить, что племенные жители не разделяли испытаний сотен миллионов индийцев. Наша борьба за свободу оказала некоторое влияние на племена Центральной Индии, однако пограничные районы Ассама, например, остались почти незатронуты ею... Не только из-за недостатка инициативы с нашей стороны. Британские власти не разрешали нам ездить туда. Вот почему вести о нашем освободительном движении доходили до этих людей в виде случайных слухов...» [167, с. 3].

В 1937 г., после столкновений между кхаси и бенгальцами в Шиллонге, было основано отделение Индийского национального конгресса в Горах Кхаси-Джайнтя. Возглавил его адвокат Макдональд Кхар-Конгор, ранее член Кхасского национального дарбара. Последователей у него не было, и местное отделение ИНК существовало лишь номинально. Некоторые представители горных племен входили в ассамскую организацию ИНК. Среди них выделялся кхасский политический деятель Джеймс Джой Мохан Никольс-Рой.

Он в 1904 г. закончил колледж им. Дафферина в Калькутте и по возвращении в Шиллонг занялся предпринимательством, а позже образовал фирму «Юнайтед фрут компани». В 1921 г. Никольс-Рой был избран членом законодательного совета Ассама. Он принял участие в основании первой кхасской партии — Кхасского национального дарбара и стал ее секретарем. В 1926 г. вступил в ИНК и дважды — в 1927—1929 и 1937—1938 гг. — находился на посту министра в провинциальном правительстве. Будучи одним из самых видных политических деятелей Ассама, он впоследствии стал членом Учредительного собрания [142, с. 472].

Руководство ИНК в конце 30-х годов предпринимало специальные попытки вовлечь в борьбу население гор-

ных районов СВИ. В Шиллонг приезжал председатель ИНК Субхас Чандра Бос, в марте 1939 г. в Трипуре проводилась 52-я сессия Конгресса. Однако этих одиночных акций оказалось недостаточно, чтобы создать здесь базу партии и потеснить местные националистические организации, влияние которых быстро возрастало.

Вторая мировая война послужила ускорителем политических процессов в горных дистриктах СВИ. Северо-Восток был единственным районом Индии, ставшим театром военных действий между Японией и союзниками.

Потерпев поражение в Бирме, остатки британских войск 14 мая 1942 г. через р. Чиндвин отступили в Маннипур. В Ассаме, в районе Ледо, расположились также две китайские дивизии под командованием американского генерала Стиллуэлла, командующего войсками США в регионе Китай — Индия — Бирма. В Бенгалии и СВИ находились наряду с британскими американские войска и авиация [181, с. 45—46]. Большое сосредоточение войск союзников в регионе было связано с тем, что Ассам имел важное стратегическое значение, закрывая подступ к равнинным районам Индии со стороны Бирмы и Китая, а кроме того, оставался единственным путем для оказания помощи Китаю в войне против Японии. Важнейшей базой английских войск стала долина Имфала. От способности удержать ее мог зависеть «исход будущей кампании в Бирме, поставки по воздуху в Китай и даже судьба всего Китая» [106, с. 497]. Общая численность войск в Маннипуре и Горах Нага составляла около 155 тыс. человек [106, с. 501].

В марте 1944 г. японская армия численностью 84 тыс. человек и дивизия «Индийской национальной армии» (7 тыс. солдат и офицеров), сформированной из военнопленных индийцев, начали наступление. В течение нескольких месяцев они блокировали долину Имфала и Кохиму, но к концу июля остатки армии — менее 31 тыс. человек — ушли за Чиндвин. Дивизия «Индийской национальной армии» практически была ликвидирована. Потери англичан составили 16,7 тыс. человек убитыми, ранеными и пропавшими без вести [106, с. 504—506].

Краткие сведения о масштабах военных операций в СВИ показывают, что по значимости и интенсивности последние далеко превзошли столкновение с колонизаторами в XIX в. Часть населения, особенно нага и мейт-

хеи, непосредственно участвовали в борьбе против японцев, приобщились, так сказать, к международным событиям, но и для пассивного большинства этот период означал расширение политического горизонта, новые понятия о мире, проблемах Индии и своем месте в ней.

Побочным, но немаловажным следствием войны было резкое увеличение торговли. В целях обеспечения войск продовольствием гражданская администрация установила высокие цены на продукцию сельского хозяйства, тем самым стимулируя производство товарных культур. Н. К. Рустомджи, в те годы занимавший административный пост в дистрикте Силхет у границы с Трипурой, писал, что «через год после объявления о том, что мы предлагаем высокие цены на поставляемые войскам овощи, часть дистрикта превратилась в сплошной огород» [181, с. 46]. Именно тогда у кхаси, гаро, мейтхев и некоторых других этносов СВИ ускорился процесс складывания товарно-денежных отношений и наметились более глубокие сдвиги в социальной структуре.

Политическая деятельность в регионе активизировалась после окончания второй мировой войны. Заявление лейбористского правительства Великобритании (15 марта 1947 г.) о готовности предоставить Индии независимость горные лидеры восприняли с узкоэтнических позиций: оно вызвало опасение относительно статуса их районов в составе независимого государства. Политически сознательная часть населения в горных дистриктах отдавала отчет в том, что после ухода колонизаторов доминирующую роль в СВИ станут играть ассамцы и бенгальцы, а интересы этнических меньшинств, их стремление отстоять свой образ жизни и свои обычаи не будут учитываться. Племенная элита понимала, что она может лишиться привилегированного положения, и приложила немало усилий, дабы добиться гарантий сохранения своего статуса. Традиционное лидерство старалось подогревать недоверие горцев к населению равнины, запугивало их тем, что ассамцы и бенгальцы отберут у племен земли, закроют церкви и т. д. Пропаганда подобного рода нередко достигала цели, ибо опиралась на сложившиеся в колониальный период представления и соответствующую интерпретацию реальных событий и фактов. Даже в пределах СВИ, где положение племен в общем было значительно лучше, чем во внутренних

районах Индии, меньшинства подвергались эксплуатации пришлых ростовщиков, торговцев, землевладельцев, в ряде мест, как отмечалось (особенно в Трипуре), иммигранты из Бенгалии оттесняли горцев с лучших земель.

В этих условиях важную роль начали играть также религиозные различия. Волна коммуналистских столкновений, которая прокатилась по всей стране в связи с сепаратистской политикой Мусульманской лиги, резня в Калькутте в августе 1946 г. (4700 убитых, 15 тыс. раненых, 150 тыс. беженцев), заявления лидеров индусских коммуналистских организаций, приезд В. Саваркара порождали тревогу у христиан Северо-Восточной Индии и стремление к той или иной форме самоизоляции. Положение осложнялось и тем, что английские власти (миссия С. Криппса) и Мусульманская лига добивались включения Ассама в состав Пакистана [116, с. 103—107]. В такой ситуации планы некоторых представителей колониальной администрации, предусматривавшие особый статус для СВИ, находили поддержку у националистических организаций меньшинств региона.

Политическая ассоциация кхаси-джайнтия в марте 1946 г. направила памятную записку государственному секретарю по делам Индии и С. Криппсу. Выражая благодарность за признание самобытности кхаси, сиемы просили помочь в создании «кхасской федерации», которая обладала бы широкой культурной и политической автономией в рамках «суверенного Ассама» [102, с. 67—68]. Горный союз, основанный в 1946 г. Макдональдом, бывшим конгрессистом, выступил за образование автономного Горного штата. Национальный совет нага в начале 1947 г. принял резолюцию о необходимости сформировать временное правительство нага, а по истечении десятилетнего срока пересмотреть его полномочия. Конференция дистрикта Горы Лушай высказалась за полную автономию, исключая вопросы обороны и внешних сношений. В Манипуре временный совет, учрежденный махараджей, разработал и принял конституцию, намечавшую создание совета министров и законодательного собрания, т. е. превращение княжества в конституционную монархию. За автономию выступила также Федерация кхасских княжеств.

Иначе говоря, политические организации практически всех этнических меньшинств региона (кроме племен

современного Аруначал-Прадеша, где таких организаций не было) ратовали за ту или иную форму автономии в рамках Индии. Эта позиция свидетельствовала о том, что, несмотря на политику изоляции, различия в уровне социально-экономического развития и культуре, в колониальный период в целом завершилась интеграция северо-восточной окраины в составе Индии. Большинство горных лидеров не поддержало планов отделения своих районов и сохранения их в качестве колонии Великобритании (так называемый план Куплэнда) и не выдвинуло идеи образования крохотных независимых государств.

В самом общем виде господство англичан в СВИ имело те же последствия, что и в других колониальных районах мира: колониализм, по словам М. С. Лазарева, «создавал новые и относительно устойчивые этнотерриториальные комплексы, в которых со временем начали развиваться автономные и, как правило, необратимые национальные процессы» [30, с. 25]. Специфика СВИ выражалась лишь в том, что эта часть субконтинента была периферией Британской Индии и выполняла в ее структуре роль буфера, сцепленного с империей только в военном и административном отношении. Поэтому чужеземное владычество почти не оказало разрушающего воздействия на традиционные институты и порядки (если не считать утраты значения дома холостяков, в результате прекращения междоусобицы) и не способствовало преодолению различий в уровнях развития горных и равнинных этносов. Более того, культурные различия заметно возросли, поскольку процесс индустской аккультурации у большинства горных этносов прекратился и был заменен христианизацией. Это одно из парадоксальных явлений в истории СВИ: присоединение к Индии (вследствие колониального завоевания) усилило социальное и культурное обособление малых народов в связи с возникновением нового водораздела между горцами-христианами и равнинными жителями — индусами. Другая необычная черта общественного развития этой части субконтинента заключается в том, что в рамках традиционной, в немалой степени родо-племенной структуры сложилась образованная вестернизированная элита (священники, учителя, представители традиционного лидерства), способная организовать вполне современные политические движения.

Глава 3

АВТОНОМИЯ В СОСТАВЕ АССАМА

После достижения Индией независимости первостепенной задачей стала ликвидация политической раздробленности, доставшейся в наследство от колониального периода. На княжества, формально не входившие в состав Британской Индии, падало 45% территории и 23% населения. На этом фоне проблема интеграции горных районов Северо-Востока представляется крайне незначительной, и ей обычно уделяется минимальное внимание в работах, посвященных вопросам объединения страны и ликвидации княжеств [14; 160 и др.]. Кроме того, в СВИ было всего лишь два княжества (Манипур и Трипура), которые можно отнести к группе автономных государственных образований (из общего числа около 50), сохранившихся на субконтиненте. Включение в состав Индии Манипура и Трипуры, а тем более кхасских княжеств осуществилось достаточно гладко. Вопрос политико-административной интеграции тем самым был решен, и некоторое время (до завершения реорганизации штатов 1956—1964 гг.) проблемы малых народов региона оставались на втором плане. Запоздалая оценка сложности межнациональных отношений в СВИ, а также определенная медлительность в проведении реорганизации в известной мере явились причиной того, что положение здесь и сегодня более трудное, чем в любой другой части Индии.

Статус этнических меньшинств и место в политической структуре государства зависели от нескольких моментов: активности их выступлений за свои права, национальной политики правительства и политико-административной системы, сложившейся в СВИ. В период, когда единое индийское государство находилось еще в стадии становления, контуры политического устройства

лишь вырисовывались, а обстановка в стране была чрезвычайно непростой и постоянно меняющейся. Проблема горных районов не исключала возможности самых разнообразных решений.

Конгресс не имел четко сформулированной программы по национальному вопросу, но в целом позиции партии на отдельных этапах ее деятельности достаточно ясны. Б. Г. Тилак еще в 1891 г. призывал к созданию административных единиц на лингвистической (т. е. национальной) основе. Борьба народов Южной и Западной Индии за образование лингвистических провинций, бенгальцев — за воссоединение Бенгалии (1905—1911), а также возвращение округа Силхет и другие национальные движения оказали заметное влияние на руководство правящей партии. Если в 1915—1916 гг. М. К. Ганди и А. Безант возражали против учреждения комитета ИНК для этнорегиона андхра, то уже в 1917 г. в Андхре и Синде отделения Конгресса были построены по национальному, а не территориально-административному принципу. Стремясь направить национальные движения в русло антиколониальной борьбы, ИНК принял резолюцию о реорганизации партии по «лингвистическим провинциям» (1920) и постановил, что рабочим языком местных отделений должен быть соответствующий язык (1921). Вся территория страны была поделена на 21 «провинцию Конгресса», где использовались тринадцать важнейших языков, включая ассамский. С тех пор создание лингвистических провинций, населенных крупными народами, стало программным требованием партии и почти неизменно включалось в ее предвыборные манифесты.

Следует, однако, отметить, что Конгресс никогда не признавал многонационального характера Индии: лидеры антиколониального движения придерживались распространенной в англоязычных странах точки зрения об идентичности нации и государства и полагали, что индийцы как жители Индии являются нацией, объединяющий различные языковые, культурные, религиозные и прочие общности, а также племена. Подобное отождествление было неизбежным в условиях чужеземного гнета, особенно если учитывать, что процесс консолидации крупнейших этнических общностей хронологически почти совпадал с ростом освободительного движения. На его

завершающем этапе идея «единой индийской нации» приобрела новое содержание и политическую остроту в связи с появлением теории «двух наций» (индусской и мусульманской) и сепаратистскими устремлениями Мусульманской лиги.

Нужно сказать, что и в колониальный период, и после достижения независимости некоторые политические организации («Хинду махасабха», РСС и др.) открыто выступали с призывами к «индианизации» этнических и религиозных меньшинств под угрозой лишения их гражданских прав и за образование теократического индуистского государства — «хинду раштра». Подобного рода шовинистические призывы были отвергнуты лидерами ИНК, но находили отклик в ряде районов Северной и Западной Индии, в меньшей степени — в Ассаме. Воинствующий индусский коммунизм представлял собой чрезвычайно опасную для единства Индии тенденцию, усиливая сепаратистские устремления неиндуизированных меньшинств.

Идея «единой индийской нации» была политическим лозунгом, не лишенным прогрессивного содержания, но научно не обоснованным, и нередко вводила ведущих деятелей Конгресса в заблуждение, умаляя важность и актуальность национального момента. Уже в 1928 г. Всепартийный комитет, возглавляемый Мотилалом Неру, в своем докладе называл в качестве критериев выделения провинций «язык, волю народа, административную целесообразность, включая географическое положение, экономические ресурсы и финансовую стабильность» [110, с. 7]. Иначе говоря, национальный признак выдвигался лишь как один из (причем не обязательно главных) критериев для создания административно-территориальных единиц. Этих принципов ИНК придерживался на протяжении сорока лет, вплоть до второго этапа реорганизации штатов, вызванного подъемом борьбы малых народов за автономию.

Обобщая позицию партии в национальном вопросе, В. И. Казаков писал: «Это не значит, что Индийский национальный конгресс имел всеобъемлющую, детально разработанную программу решения национального вопроса в стране и последовательно проводил ее в жизнь. Такой программы у Конгресса не было. Он не возглавил борьбу за улучшение положения национальных

меньшинств, племен; ставя вопрос об образовании лингвистических провинций, Конгресс не требовал расширения прав этих провинций. Он рассматривал образование лингвистических провинций только как фактор, способствующий укреплению единства страны, а не как неотъемлемое право народа на самоуправление. На следующем этапе, в изменившихся исторических условиях, эта ограниченная позиция партии привела к отрицанию ею идеи создания лингвистических провинций и к задержке проведения реорганизации штатов» [17, с. 34—35].

Негативное отношение руководства Конгресса к идее широкой децентрализации и автономии в колониальный период было в значительной степени обусловлено сепаратистскими настроениями части мусульманского населения и князей, а в первые годы независимости — последствиями раздела страны, проблемой Кашмира, Хайдарабада и другими проявлениями центробежных тенденций. Укрепление единства Индии после изгнания англичан было отнюдь не академической проблемой. Эта задача не могла решаться посредством проведения конституционных экспериментов. Еще в 1928 г. индийский автор П. С. Сивасвами Айер в книге «Конституционная проблема Индии», признавая необходимость децентрализации, предупреждал о возможности возникновения сепаратизма (из-за расовых, религиозных, языковых и иных различий), который способно сдержать лишь «влиятельное и сильное централизованное управление». «Федеративная система наподобие американской или австралийской, — писал он, — несомненно будет содействовать активизации сепаратистских сил и партикуляристских тенденций и препятствовать упрочению Индийской империи» (цит. по [180, с. 187]). Аналогичные суждения высказывали некоторые члены Учредительного собрания. С учетом международного положения Индии, в особенности индо-пакистанского конфликта и обстановки внутри страны, образование федерации с сильным центром было максимальной уступкой, на которую могло пойти правительство независимой Индии в целях удовлетворения требований крупных народов.

Выбор федеративного устройства не свидетельствовал, естественно, о том, что проблема межнациональных отношений окончательно решена: присущая государству функция создания нации (см. [9, с. 350]), что в многона-

циональном государстве означает упрочение единства новой социально-политической общности, оставалась главной и ей в немалой степени были подчинены все остальные функции, в том числе внешняя и организационно-хозяйственная. Без преувеличения можно сказать, что по сложности и масштабам этнонациональных проблем Индия заметно выделяется среди остальных многонациональных стран мира.

Вошедшие в Союз провинции и княжества отличались крайней разнородностью по уровню социально-экономического развития и политической зрелости. Поскольку это обстоятельство затрудняло создание единой политико-административной системы, все штаты по конституции, вступившей в силу 26 января 1950 г., были разделены на четыре группы. Группу А составили бывшие провинции Британской Индии, в том числе Ассам. В рамках провинциальной автономии в этих штатах создавались законодательные и исполнительные органы власти, компетенция которых определялась конституцией. В группу В вошло восемь бывших княжеств и их союзов, конституционными главами (раджпрамукхами) здесь стали бывшие князья. Группа С включала территории центрального подчинения: город Дели и княжества Аджмир, Бхопал, Кург, Химачал-Прадеш и Биласпур, Куч, Манипур, Трипура, Виндхья-Прадеш. Эти территории управлялись губернаторами, главными комиссарами или правительствами соседних штатов. Андаманские и Никобарские острова образовали отдельную группу.

Манипур и Трипура были переданы в ведение главных комиссаров, которые назначались президентом и подчинялись министерству штатов. «Им предписывалось привести систему управления, судопроизводство, доходы, финансы и полицию новых провинций в соответствие с административными решениями Дели» [160, с. 418]. 15 октября 1949 г. главный комиссар распустил законодательное собрание и кабинет министров, объявил об отмене конституции Манипура и взял управление княжеством в свои руки.

Сложное положение сложилось в Трипуре. В результате раздела Индии она пострадала больше, чем любой другой район СВИ: почти вся равнинная часть княжества, в том числе личные земли махараджи площадью

около 600 кв. миль, отошла к Пакистану, административный центр — Агартала — оказался непосредственно у пакистанской границы. Торговля Трипуры в колониальный период была ориентирована на восточные дистрикты Бенгалии, включенные в Пакистан; с ними княжество составляло единый экономический район. Связь с Ассамом была крайне затруднена из-за отсутствия дороги и дальности расстояния — более 500 км (между ними пролегал территория Качара и дистрикта Горы Северный Качар и Горы Микир). В этом отношении районы обитания качари, гаро и кхаси, также в прошлом связанные с восточнобенгальским рынком, находились в более выгодном положении из-за близости долины Брахмапутры. Ситуация в Трипуре осложнялась большим притоком беженцев из Восточного Пакистана: к 1951 г. население ее достигло 639 тыс. человек, причем доля автхтонного снизилась до 37%.

В 1946 г. центральное правительство приступило к разработке программы по улучшению положения меньшинств, отсталых и «племенных» районов. Призыв к ликвидации фактического неравенства и гарантированию прав меньшинств отразился в «Резолюции целей», которая была внесена на обсуждение Учредительного собрания Джавахарлалом Неру и впоследствии вошла в преамбулу конституции. Специальный комитет принимал участие в подготовке проекта последней. Из 50 (позже 72) членов комитета 13 представляли «племенные и исключенные районы» [196, с. 53]. Для подготовки рекомендаций по отдельным вопросам было создано пять подкомитетов: основных прав, меньшинств, «племенных и исключенных районов» Северо-Восточной пограничной зоны, «племенных и исключенных районов» Северо-Западной пограничной зоны (поскольку северо-западный район вошел в состав Пакистана, этот подкомитет не был открыт) и других исключенных районов.

Подкомитет племенных и исключенных районов Ассама возглавил главный министр Гопинатх Бардолой. В него входили также Никольс-Рой — министр в правительстве Ассама и член Учредительного собрания, Алиба Имти Ао — секретарь Национального совета нага и А. В. Тхаккар — общественный деятель из племен Центральной Индии и председатель подкомитета исключенных районов вне Ассама. В первой половине 1947 г.

члены подкомитета совершили поездку по некоторым горным дистриктам и кооптировали в его состав по два представителя от каждого дистрикта.

В отчете, законченном в июле 1947 г., подчеркивалось, что «у горных жителей даже исключенных районов не наблюдается отсутствие политического сознания. Возможно, что оно не без подстрекательства со стороны некоторых элементов было направлено на то, чтобы внушить мысль о независимом статусе, в рамках которого лишь внешние сношения будут регулироваться в соответствии с договором или соглашением» [186, с. 19].

Как уже отмечалось, в 1945—1947 гг. в Северо-Восточной Индии возникло значительное число политических организаций. Некоторые из них впоследствии сыграли видную роль в жизни региона: Национальный совет нага, созданный на основе Племенного совета дистрикта Гор Нага, Союз мизо, Национальная конференция гаро, Политическая ассоциация кхаси-джайнтия, за которой стояли кхасские снемы, Горный союз, Племенной совет Северного Качара, «Кербиа дарбар» (Микирское собрание) и т. д. Все эти объединения не имели ни стабильной организации, ни массовой базы и были, по существу, политическими кружками, лидеры которых в лучшем случае выражали интересы элиты отдельных этнических общностей, но не меньшинств региона в целом. Однако сам факт появления таких лидеров, как Никольс-Рой (ИНК), А. З. Физо, Алиба Имти Ао (Национальный совет нага), Уильямсон Сангма (Национальная конференция гаро) и другие, свидетельствовал о далеко зашедшем процессе политической аккультурации.

В отчете говорилось также об усилении этнической консолидации. Обращая внимание на общую отсталость дистрикта Горы Гаро, авторы, например, указывали: «...после второй мировой войны население Гор Гаро начало явно осознавать свою общность вследствие роста грамотности, более тесного общения с негаро в сфере торговли и бизнеса в годы войны, влияния освободительного движения в соседних районах, возвращения бывших военнослужащих гаро, получивших представление о развитых странах, и прежде всего роста числа учителей-лидеров в деревнях и церковных приходах» (цит. по [199, 2.IV.1970]). Подчеркивалась аналогичность ситуации и в других дистриктах, притом что воздейст-

вне отдельных факторов было неодинаковым. Члены подкомитета пришли к заключению, что для жителей всех горных дистриктов характерно стремление к локализации «племени» в пределах одной территориальной единицы.

Как социально-политическое явление, движение малых народов СВИ за самоопределение было однотипным с движением крупных народов Южной и Западной Индии за создание национальных штатов. Недостаточность политической зрелости и организованности (по сравнению с борьбой крупных народов) в известной степени «компенсировалась» культурно-религиозными различиями и крайне слабым влиянием идей индийского государственного национализма. Иными словами, организации этнических меньшинств СВИ легко могли обратиться к сепаратизму и повести за собой значительную часть населения, что было бы крайне нежелательно для центрального правительства, учитывая уязвимое положение этого пограничного района.

Дальнейший ход событий во многом зависел от того, насколько верно подкомитет Бардолая сможет оценить этнополитическую обстановку в СВИ и насколько эффективными окажутся меры центра в решении национального вопроса. Естественно, при подвижности и изменчивости этнической ситуации, как таковой, речь шла не об окончательном решении: в первые годы независимости главная задача заключалась в том, чтобы удовлетворить минимальные требования этнических общностей в целях предотвращения политических потрясений и возникновения сепаратистских движений.

Рекомендации подкомитета племенных и исключенных районов Северо-Восточной пограничной зоны были одобрены Учредительным собранием и внесены в конституцию в виде Шестого приложения, дополнившего соответствующие статьи. Это был комплекс законодательных мер, затрагивавших специфические проблемы Ассамы и не распространявшихся на остальные районы, населенные меньшинствами. Вместе с тем ряд статей, гарантирующих права меньшинств и отсталых групп населения, касались этих групп в масштабе всего государства, в том числе и северо-восточных районов.

Ст. 29, пункт 1 конституции провозглашала право любой группы, имеющей особый язык, письменность или

культуру (т. е. фактически подразумевались этнические общины и этнографические группы), сохранять эти атрибуты самобытности. В пункте 2 той же статьи указывалось, что ни одному гражданину не может быть отказано в приеме в учебные заведения, содержащиеся государством или получающие помощь из государственных фондов, только по мотивам религиозной, расовой, кастовой принадлежности или языка. Ст. 30 предусматривала право всех религиозных и лингвистических меньшинств открывать свои учебные заведения, а государство обязывалось не допускать дискриминации в оказании им помощи.

Несколько статей касалось использования региональных языков. Легислатуры штатов получили право признавать в качестве официального один или несколько языков (ст. 345). Для этнических меньшинств особенно важной была ст. 347, по которой президент Индии, «если он пришел к убеждению, что значительная часть населения» штата желает, «чтобы было признано употребление языка, на котором оно говорит», может отдать распоряжение об официальном признании этого языка на территории штата или его части для тех или иных целей. Однако вообще конституция отразила дифференцированный подход к языкам крупных народов, с одной стороны, и этнических меньшинств — с другой. Следуя традиции ИНК, авторы ее составили список 14 языков (Восьмое приложение) в качестве официальных для отдельных этнорегионов. Значительно позже, в 1958 г., комиссар по делам лингвистических меньшинств разъяснил: «Видимо, существует распространенное представление, что 14 языков, указанных в Восьмом приложении, — единственные языки, признанные в Индии. Это представление определенно неверное. В статьях, гарантирующих защиту лингвистических меньшинств, Восьмое приложение не упоминается, и нет никаких оснований полагать, что эти гарантии касаются только четырнадцати языков» [196, с. 46]. Силы закона данное разъяснение, естественно, не имело. До 1957 г. в конституции ничего не говорилось об использовании языков меньшинств в школах в качестве средства и предмета обучения. Нечеткость формулировки или отсутствие ряда актуальных положений, которые обеспечивали бы охрану интересов меньшинств, были одной из причин, обусло-

вивших рост автономистских движений в ряде штатов, особенно в Ассаме.

Как и в законодательстве колониального периода, в конституции сохранились категории «зарегистрированных (внесенных в специальные списки) каст и племен». Принимая во внимание отсталость этих групп населения и их неспособность соперничать с более развитыми народами, она предоставляла им ряд льгот: резервирование мест в нижней палате парламента (ст. 330) и легислатурах штатов (ст. 334), предлагала учитывать их притязания при назначении на государственную службу «в той мере, в какой они (притязания) совместимы с поддержанием эффективности администрации» (ст. 335). В сущности, здесь лишь декларировался определенный принцип, но не содержалось никаких гарантий его соблюдения.

Включение племен в специальный список осуществлялось президентом или парламентом (ст. 342). Статья 275 предусматривала ежегодные дотации правительством штатов для поднятия благосостояния таких племен или совершенствования управления на их территориях. Исполнительная власть Союза оставляла за собой право отдавать распоряжения штатам, где обитают «зарегистрированные племена», относительно составления и претворения в жизнь планов, имеющих важное значение для подъема их благосостояния (ст. 339 (2)).

Предписывалось создание специальных инстанций по наблюдению и контролю над развитием племенных районов. Согласно статье 339(1), президент может, а по истечении десяти лет (т. е. в 1960 г.) должен создать комиссию, которая «докладывает об управлении включенными в список территориями, а также о благосостоянии зарегистрированных племен». Он же определяет состав, полномочия и процедуру работы комиссии. Такая комиссия была образована в предусмотренный конституцией срок (1960), однако и до того в соответствии со ст. 338 назначался специальный чиновник по делам «зарегистрированных каст и племен». Он был обязан изучать все вопросы, связанные с гарантией в отношении зарегистрированных каст и племен, и докладывать президенту и обеим палатам парламента. Первый подобный чиновник был назначен 18 ноября 1950 г. Первоначально он имел статус секретаря министерства, однако позже приравни-

вался к «заведующему отделом». Полномочия его четко не обозначались, но фактически функции его заключались в том, чтобы: 1) оценивать степень осуществления финансируемых центральным правительством программ по улучшению благосостояния племен; 2) выступать в роли представителя центрального правительства при неправительственных организациях, получающих дотации от центра; 3) изучать их отчеты; 4) информировать центр о программах повышения уровня жизни племен, разрабатываемых правительствами штатов [196, с. 132].

Хотя центральное правительство взяло на себя финансирование программ, направленных на ликвидацию фактического неравенства, и оставляло за собой право контроля над их выполнением, вопросы подъема благосостояния «зарегистрированных племен» в целом были переданы в компетенцию штатов. По ст. 164(1), в Бихаре, Мадхья-Прадеше и Ориссе «учреждается должность министра, ответственного за благосостояние племен» и в случае необходимости «зарегистрированных каст» и других отсталых групп населения.

Следуя административной практике колониального режима, конституция сохранила категорию «зарегистрированных территорий». Согласно ст. 244, управление этими территориями и «зарегистрированными племенами» осуществляется в рамках Пятого приложения, а в Ассаме — Шестого приложения.

В Пятом приложении говорится, что эти районы создаются по распоряжению президента (§ 6). Губернатору штата поручается ежегодно или по требованию последнего отчитываться об управлении ими. Исполнительная власть штата распространяется на указанные районы, однако центральное правительство сохраняет за собой право отдать распоряжения штатам по вопросам, касающимся управления «зарегистрированными районами» (§ 5, п. 2 и 3).

В штатах, где таковые имеются, создавались консультативные советы по делам племен, включавшие до 20 членов, $\frac{3}{4}$ которых составляли представители племен в легислатуре штата. Этот орган наделялся совещательными функциями по таким вопросам, касающимся их благосостояния и развития, которые могут быть переданы на рассмотрение совета губернатором. Число членов совета, порядок проведения заседаний и другие анало-

гичные вопросы решались согласно правилам, принятым губернатором.

Он, как и в колониальный период, наделялся обширными полномочиями в управлении зарегистрированными территориями: мог посредством публичного уведомления отменять и модифицировать любой закон, утвержденный парламентом или легислатурой штата, издавать предписания в интересах поддержания мира и «доброе управления», в частности запретить или ограничить продажу земли племенными жителями, регулировать ее распределение, а также деятельность ростовщиков. Однако он не обладает дискреционными полномочиями: не должен издавать никаких предписаний, не посоветовавшись с консультативным советом; кроме того, все предписания вступают в силу лишь после их одобрения президентом.

Таким образом, совещательные функции консультативного совета по делам племен не определялись конституцией и были оставлены на усмотрение губернатора. Он наделен обширными правами как представитель центрального правительства и конституционный глава штата, но положение его в федеративной структуре Индии двойственно. В обычной ситуации он лишь формально одобряет законопроекты, принятые легислатурой штата (ст. 200), исполнительную же власть осуществляет совет министров, созданный для того, чтобы «помогать и советовать губернатору в выполнении им его функций» (ст. 163). С точки зрения деятельности консультативного совета по делам племен это означает, что компетенция последнего фактически определяется правительством штата, но контролируется центром как через губернатора, так и посредством прямых распоряжений, возможность которых предусмотрена § 3 Пятого приложения. В случае роспуска правительства штата и введения президентского правления совет автоматически распускается (ведь $\frac{3}{4}$ его состава — члены законодательного собрания), и его обязанности переходят к органу, создаваемому губернатором и выполняющему указания центрального правительства.

Выделение «зарегистрированных районов» и образование консультативных советов не означает предоставления этническим меньшинствам автономии (подробнее см. [29; 40]). Такие районы обычно не совпадают с дистриктами, границы коих устанавливаются без учета этни-

ческих рубежей, и, кроме того, в штате может быть создан только один совет по делам всех «зарегистрированных племен». В этом отразилась распространенная в Индии точка зрения, согласно которой так называемые племена приравниваются к низшим кастам и прочим отсталым группам населения. Вопрос об объединении этноареалов относительно крупных народностей и формировании автономных единиц внутри штатов последовательно ставила лишь Коммунистическая партия Индии. Еще до провозглашения независимости, в 1945 г., этот принцип был сформулирован Аджоем Гхошем (см. [74, с. 16]) и с тех пор является одним из программных требований КПИ.

Положительное значение мер, предусмотренных Пятым приложением, заключалось в том, что центральное правительство сохраняло контроль над управлением районами, населенными этническими меньшинствами, и могло вмешаться в случае, если они подвергались различным формам дискриминации и эксплуатации. На деле же положение племен зависело не от наличия тех или иных конституционных гарантий, а от расстановки политических сил в штатах и политики местных властей.

По сравнению с упоминавшимися статьями конституции и Пятым приложением Шестое приложение — очень подробный, объемный документ, включающий двадцать один развернутый параграф. Подзаголовок — «Постановления об управлении территориями племен в штате Ассам»¹ — определяет его как важнейший комплекс конституционных мер по решению проблем племен СВИ (кроме Манипура, Трипуры и частично образованного в 1954 г. Северо-Восточного пограничного агентства — НЕФА).

Параграф 1 Приложения предусматривал создание внутри Ассама следующих автономных дистриктов: Объединенный дистрикт Горы Кхаси-Джайнтия, Горы Гаро, Горы Лушай (в 1954 г. переименован в Горы Мизо), Горы Нага, Горы Северный Качар, Горы Микир. Если в пределах автономного дистрикта проживало несколько племен, губернатору предоставлялось

¹ По Закону о реорганизации Ассама 1971 г., слова «в штате Ассам» заменены на: «в штатах Ассам и Мегхалая и союзной территории Мизорам».

право выделить автономные районы. В каждой территориальной единице создавались дистриктные и районные советы, состоящие не более чем из 24 членов, часть которых (не свыше четырех) назначалась губернатором, а остальные избирались населением.

Законодательные функции советов касались вопросов использования земельных угодий, каналов и русл для сельскохозяйственных целей, регулирования практики переложного земледелия (джхум), управления лесами (кроме заповедных), образования деревенских и городских комитетов и определения их полномочий, назначения вождей и глав племен и преемства этих должностей, наследования имущества, брака, социальных обычаев. Все законопроекты, принятые советами по этим вопросам, подлежат одобрению губернатором Ассама (§ 3).

Советы наделялись правом учреждать суды и передавать разбор судебных дел между членами «зарегистрированных племен» деревенским советам. Высший суд Ассама сохранял такую юрисдикцию в отношении исков и дел, «какую время от времени губернатор может устанавливать приказом». Последний же определял компетенцию судов в автономных единицах, но в целом Гражданско-процессуальный кодекс 1908 г. и Уголовно-процессуальный кодекс 1898 г. не применялись.

Дистриктные советы одновременно являлись исполнительными органами власти. Согласно § 6, им предоставлялось право строить и открывать начальные школы (и, в частности, решать, на каком языке должно вестись обучение), амбулатории, рынки, загоны для скота, переправы, рыбные промыслы, дороги и водные пути и управлять этими объектами.

В автономных административных единицах создавались фонды. Советы наделялись правом устанавливать и взимать налоги на землю, постройки, профессии, торговлю, животных, средства транспорта, товары, сборы на содержание школ, амбулаторий и дорог.

В связи с тем что племена в Индии подвергались эксплуатации со стороны ростовщиков, специальный параграф (10) предусматривал право совета издавать предписания о контроле над ссудными и торговыми операциями нечленов племени — проверять наличие лицензии, определять максимальный размер процента, следить за ведением счетов ростовщиками. Постановления

по этим вопросам принимались большинством в $\frac{3}{4}$ голосов.

Эти органы привлекались и к обсуждению бюджетных наметок относительно поступлений и расходов, касающихся автономных дистриктов, если они производились из средств штата.

В рассматриваемых дистриктах действие законов парламента и легислатуры штата ограничивалось, но по сравнению с законодательством колониального периода это ограничение было более упорядочено. Акты Законодательного собрания штата по вопросам, находящимся в компетенции совета, не применялись без его специального постановления, причем допускалось внесение изменений или исключений.

Обширные полномочия в управлении автономными единицами сохранил губернатор. Он мог во всякое время назначить комиссию для изучения и составления доклада по любому вопросу, касающемуся управления автономными дистриктами и районами, в частности состояния просвещения, медицинского обслуживания и средств сообщения; необходимости какого-либо нового или специального законодательства; осуществления законов, правил и предписаний, изданных советами. Доклад такой комиссии вместе с рекомендациями губернатора направлялся Законодательному собранию Ассамы. Губернатор мог возложить на одного из министров штата ответственность за благосостояние автономных округов и автономных районов.

Согласно § 15, он обладал правом отменить любой закон или решение совета, если приходил к убеждению, что это способно создать угрозу безопасности Индии, либо приостановить действие закона и принять необходимые меры. Наконец, он мог по рекомендации комиссии распустить совет и объявить о проведении новых выборов, взять управление на себя либо же поручить это любому другому органу на срок до одного года.

Несколько иным было конституционное положение Северо-Восточной пограничной зоны, административных единиц Горы Абор и Горы Мишми и племенной территории нага (вне дистрикта Горы Нага). (Юридически они приравнивались к Андаманским и Никобарским островам.) Шестое приложение или отдельные его пункты применялись к этим районам по решению губернатора с

предварительного одобрения президента, причем любой район или часть его таким же порядком могли быть исключены из списка. До специального публичного уведомления управление ими осуществлялось президентом Индии через губернатора Ассама, который действовал по своему усмотрению.

Поправки и изменения, вносимые в Шестое приложение, не рассматривались как поправки к конституции, и, следовательно, для их принятия достаточно было просто большинства.

Таким образом, автономия, предоставленная важнейшим этническим меньшинствам Ассама, была довольно ограниченной. Вне компетенции советов остались аграрное законодательство, управление промышленными предприятиями, поддержание общественного порядка, руководство государственными службами, системой среднего образования. Все эти вопросы находились исключительно в ведении штата, не говоря уже о тех, которые относились к сфере законодательства центра и штатов. Вместе с тем даже усеченная автономия давала заметное преимущество по сравнению с полумерами Пятого приложения. Такие крупные «зарегистрированные племена», как гонды (3,9 млн.), санталы (3,1 млн.), бхилы (2,5 млн.), ораоны (1,4 млн.), мунда (1,1 млн.) и другие этнические меньшинства Центральной и Западной Индии, были разделены границами штатов и не получали никаких форм самоуправления и в тех дистриктах, где они составляли подавляющую массу населения.

Столь дифференцированный подход правительства независимой Индии к малым народам Северо-Востока с одной стороны, и прочих районов Индии — с другой, не лишен объективных оснований. По ряду признаков — компактность этнической территории, отсутствие ассимиляционных процессов, слабое влияние индуистской культуры, иная конфессиональная принадлежность, уровень грамотности и т. д. — кхаси, мизо, гаро, нага резко отличаются от меньшинств Центральной и Западной Индии. Хотя и в разной степени, эти маргинальные группы на большей части страны постепенно ассимилируются крупными народами: превращаются в племена-касты, перенимают индуистские обычаи, усваивают язык своих более развитых соседей (бхилы, например, уже говорят на гуджарати, маратхи, хинди и пр.). При всей медлен-

ности процесса, обусловленной кастовым характером и крайне низкой социальной мобильностью сельского общества, у многих меньшинств он стал практически необратимым, что позволяет говорить о них как об ассоциированных этнических общностях, в социально-экономической и культурной сферах тесно связанных с соседними крупными народами. Это препятствует развитию этнического самосознания и развертыванию стабильных автономистских движений.

На подход правительства Индии к проблеме меньшинств Северо-Востока оказали влияние также соображения политической целесообразности: и внезапное нарушение изоляции горных районов, и отказ предоставить самоуправление могли вызвать массовые волнения в наиболее уязвимом пограничном районе Индии. Главная задача виделась в интеграции племен в рамках общендийской социально-политической структуры, но сама эта цель и методы ее достижения в течение последовавших десятилетий оставались источником постоянной полемики [188, с. 119—122].

Идеологическим обоснованием политики интеграции, с одной стороны, и автономистских движений — с другой, был государственный национализм и несколько разновидностей локального национализма. Поскольку эта проблема занимает важное место в данной работе, а типология националистической идеологии продолжает быть предметом дискуссии, кажется необходимым сделать небольшое отступление, вернуться к вопросам терминологии и уточнить использование тех или иных дефиниций.

В ряде исследований советских авторов слово «национальный» трактуется весьма широко и включает понятие «этнический»: «В расширенном понимании понятие „национальное“ относится не только к нации, но и к народностям и родо-племенным общностям» [51, с. 28]. В этом смысле оно зачастую употребляется в словосочетаниях «национальные чувства», «национальное самосознание», которые характеризуют «такие уровни общественного сознания, отражающие различные стороны национального, на которых еще не происходит теоретического оформления взглядов на национальные проблемы» [51, с. 34]. Подобное расширенное толкование обычно встречается в работах по проблемам национализма, но

крайне редко в этнографических исследованиях; оно внесло бы путаницу при рассмотрении как процессов консолидации, так и при сравнении стадияльно различных общностей. Мы придерживаемся точки зрения, в наиболее сжатом виде сформулированной Ю. В. Бромлеем: «Нации хотя и далеко не идентичные, но однопорядковые явления с такими донациональными этническими общностями, как племя и народность» [8, с. 25], т. е. понятие «этническое» шире, чем «национальное», и включает последнее. Слово «национальный» используется нами только в узком смысле для обозначения явлений, связанных с существованием нации или возникших в донациональных этнических общностях под влиянием другой нации или наций (например, «националистическая идеология»). Применительно к донациональным общностям в настоящей работе употребляется понятие «этнический» и производные от него «этноцентризм», «этническое самосознание», «этническая психология», «этническая ситуация», «этнополитическое развитие» и др.

Для обозначения комплекса традиционных представлений об исключительности «своей» этнической общности мы применяем термин «этноцентризм» в узком смысле. В донациональных этнических общностях современности этот термин неизбежно охватывает элементы национализма — как правило, идеологии образованной элиты — и трибализма². Национализм малых народов СВИ не вписывается ни в добуржуазный («феодальный»), ни в буржуазный национализм и может быть в наиболее общем плане отнесен к категории национализма в переходных социальных структурах современной эпохи [51, с. 60, 68]. По своему месту в идеологической жизни сегодняшней Индии национализм нага, мизо и некоторых других этносов изучаемого региона есть локальный национализм, направленный против общендийского государственного национализма, сложившегося в ходе освободительного движения.

² Некоторые зарубежные исследователи считают трибализм одной из форм национализма [183, с. 263]; в советской литературе он трактуется чрезвычайно узко: утверждают, например, что основой трибализма служат «идеи племенного партикуляризма, обожествление духов предков и освящение власти племенных вождей» [51, с. 93]. В Индии подобные представления можно обнаружить лишь у самых отсталых племен.

В Республике Индия проблема отношений между общенациональным и локальным приобрела чрезвычайно важное значение. Государственный национализм, под которым подразумевается «идеологическая доктрина государственно-бюрократической элиты, прежде всего заинтересованной в укреплении государственно-политического единства в рамках существующих границ» [39, с. 11], выступает модификацией национальной идеологии освободительного движения и имеет в Индии, в отличие от большинства развивающихся стран [52, с. 183], относительно широкий социальный базис. Изолированность горных народов СВИ от национально-освободительного движения определила появление водораздела между государственным и локальным национализмом, который не был преодолен и после провозглашения независимости: при социально-экономической отсталости и живучести многих черт родо-племенной структуры характерный для государственного национализма протекционизм — внешний (защита от конкуренции иностранных монополий) и внутренний (от угрозы поглощения и разорения мелких и средних предпринимателей национальными монополиями) [52, с. 192], секуляристские и эгалитаристские лозунги неактуальны, а нередко и противоположны интересам элиты этнических меньшинств СВИ.

В этих условиях традиционный этноцентризм и стремление к сохранению своего образа жизни, боязнь ассимиляции и эксплуатации развитыми соседними народами (ассамцами, бенгальцами) интерпретируются образованной элитой (оперирующей современными политическими терминами), получают известное теоретическое обоснование и превращаются в систему взглядов, которую допустимо обозначить как националистическую идеологию. В ее популярном варианте, рассчитанном на неграмотное, не обладающее политическим опытом большинство населения, доминирует эмоциональное восприятие действительности, традиционные стереотипы, призывы к защите извечной «свободы», «родных гор», обычаев и т. д. При использовании организационных методов политической борьбы, средств массовой информации и демонстрационного эффекта подобная пропаганда в минимальные сроки может привести к распространению националистических настроений

и формированию массовой националистической психологии. Подобного рода «национализм» непосредственно не зависит от уровня этнической консолидации, отличается (по сравнению с национальным самосознанием консолидированных наций) значительной нестабильностью и скорее напоминает политическую платформу со всеми ее слабостями и преимуществами. Думается, такой подход дает ключ к разгадке парадоксального «национализма племен» и в значительной мере снимает академический вопрос о соответствии или несоответствии «национализма» уровню их социально-экономического развития и степени этнической консолидации. Эти показатели в сочетании с другими факторами определяют лишь возможность возникновения этнополитических движений, но отнюдь не степень их активности и конечные цели.

* * *

Принципы автономии, сформулированные в Шестом приложении,— это компромисс между позицией властей Ассама и требованиями горных лидеров. Первые резко выступили против предоставления малым народам каких-либо форм автономии. Выступая в Учредительном собрании, Р. К. Чаудхури, в частности, сказал: «Мы хотим ассимилировать племена, но до сих пор у нас не было такой возможности... Здесь (в Шестом приложении.— *А. П.*) проявляется старая сепаратистская тенденция, ибо вы хотите оградить их от нас. В конечном счете вы создадите „Трайбалстан“, как вы уже создали Пакистан» (цит. по [102, с. 86]). Джавахарлал Неру и Валлабхаи Патель воздержались от высказываний по этому вопросу, а председатель комитета по подготовке проекта конституции Б. Р. Амбедкар разъяснил, что Шестое приложение базируется на принципах, сходных с теми, которые легли в основу политики правительства США в отношении индейцев [185, с. 86]. Никольс-Рой, возражая представителям Ассама, заявившим, что «горы (т. е. горные дистрикты СВИ.— *А. П.*) получили слишком много», указал, что, по мнению горных жителей, они получили крайне ограниченную автономию [102, с. 94].

Традиционная, а в немалой степени и новая, элита отдельных дистриктов СВИ восприняла Шестое приложение отрицательно. Кхасский дарбар незначительным

большинством отверг резолюцию о его принятии. Скептически отнеслась к Шестому приложению Национальная конференция Гаро. Национальный совет нага в 1950 г. уже перешел на экстремистские позиции и выступал за отделение от Индии и образование независимого Нагаленда.

Советы автономных дистриктов (кроме Гор Нага) были образованы в 1952 г. Уже в первые годы их функционирования обнаружилось, что они, как правило, не стали эффективными органами самоуправления из-за нечеткости разделения полномочий между ними и властями штатов и из-за того, что в отдельных горных дистриктах прочные позиции сохраняла традиционная элита.

В Шестом приложении сфера компетенции советов формально была установлена достаточно четко, но там ничего не говорилось о координации деятельности с правительством Ассама. Представители горных дистриктов не привлекались к обсуждению планов экономического развития, что давало повод для жалоб на «дискриминацию». В высшей степени неопределенным было положение заместителей комиссаров, назначаемых правительством штата: они не входили в состав советов и одновременно являлись высшей инстанцией исполнительной власти в пределах дистрикта. Нередко трения возникали из-за того, что правительство штата (формально губернатор) пользовалось правом по своему усмотрению назначать часть членов совета. Все это неизбежно вело к столкновениям между дистриктами и штатом.

Область законодательной власти советов на практике оказалась весьма ограниченной: многие законопроекты, направленные на защиту интересов этнических меньшинств, были объявлены недействительными Высшим судом Ассама. В частности, он аннулировал принятый советом дистрикта Горы Мизо закон о коммерческой деятельности лиц, не принадлежавших к «зарегистрированным племенам». Решение мотивировалось тем, что подобный закон несовместим с идеей равенства (ст. 14—15 конституции). В другом случае был признан недействительным акт дистрикта Горы Кхаси-Джайнтия об ограничении продажи земли неплеменному населению на том основании, что подобный закон выходит за пределы компетенции совета; Верховный суд подтвердил решение Высшего суда Ассама [102, с. 101—102].

«Данный вопрос имеет определенное политическое значение,— отмечал по этому поводу Ш. Чаубе.— Ведь горцы рассматривали Шестое приложение как специальную гарантию, и решение вопроса о равенстве перед законом не соответствует его духу. Какая необходимость в Шестом приложении, если равнинное и горное население ставится в одинаковое положение в отношении торговли и приобретения земли? Разве не стремился подкомитет Бардолоя защитить землю и скудные ресурсы горцев от бессовестных жителей равнин?» [102, с. 102]. Эти акции властей штата свидетельствовали о том, что автономия в рамках Шестого приложения недостаточно эффективна, чтобы гарантировать экономические и политические права малых народов Ассама, и подтверждали обоснованность опасений, высказывавшихся горными лидерами накануне провозглашения независимости Индии и в период работы Учредительного собрания.

Деятельность дистриктных советов в некоторых случаях была парализована конфликтом с традиционным лидерством. Советы состояли преимущественно из образованных людей — адвокатов, учителей, христианских священников, предпринимателей. Интересы этих представителей формировавшихся средних слоев шли вразрез с интересами вождей племен, старост и др. Наиболее выраженный характер поляризация приняла у мизо: Союз мизо, члены которого составляли большинство в совете дистрикта, выступал с «четкой экономической программой борьбы против привилегий вождей» [102, с. 160—161]. Сложная обстановка создалась в дистрикте Горы Кхаси-Джайнтия; в 1950 г. губернатор Ассама официально признал сиемов в качестве глав низших административных единиц (в основном отдельных деревень). После образования совета сиемы автоматически превращались в чиновников, подчиненных ему. В действительности же они сохранили свою власть (в том числе судебную), привилегии и мало считались с новыми властями дистрикта — в бывших сиемствах не были созданы деревенские советы, сиемы самостоятельно назначали старост, по-прежнему контролировали земли кланов, фактически саботировали меры по сбору налогов (поземельного, на дома, на рынки, пастбища) либо присваивали их себе.

Советы автономных дистриктов практически были от-

странены от участия в разработке и осуществлении программ экономического развития. В сходном положении оказались деревенские советы, которые теоретически должны были заменить традиционные органы самоуправления общин. Полномочия их были значительно уже, чем компетенция панчаятов в других районах Индии, и они оказались не в состоянии ни вытеснить традиционные органы власти, ни дополнить их [185, с. 348]. В результате ограничения функций советов со стороны штата и сопротивления лидерства они, по сути, превращались в номинальные совещательные органы. Недовольство новой элиты (средних слоев) и рядовых жителей в этих условиях направлялось в русло автономистских движений. Мнение о том, что неудовлетворенность предоставленной автономией была обусловлена парализацией традиционных демократических институтов и отсутствием иных форм привлечения населения к решению актуальных вопросов локального значения, разделяют многие индийские исследователи и специалисты по делам племен. «Естественным следствием отсутствия действенных органов и возможностей для горных жителей участвовать (традиции такого рода были у всех племенных общин) в осуществлении программ развития явилось недовольство и разочарование. По сравнению со своими соседями в равнинной части горцы больше ориентированы на перемены, они готовы к экспериментам, касающимся других образов жизни, к экономическому риску. Христианство и высокий уровень грамотности сделали их более либеральными по отношению к изменениям... Нынешние проблемы — это в значительной степени результат бездеятельности и неучастия. Многих экономических проблем можно было бы избежать, если бы автономия в рамках Шестого приложения была более эффективной и содержательной», — отмечал А. П. Синха [185, с. 350].

В 50-е годы руководители автономистских движений в горных районах Ассама (исключая этноареал нага) обычно выдвигали два требования — расширение автономии путем пересмотра отдельных пунктов Шестого приложения и создание отдельного штата, объединяющего автономные дистрикты. Эти движения отличала тенденция к единству действий политических организаций меньшинств. Важная роль принадлежала советам и

отдельным их членам, возглавлявшим различные политические организации. Независимо от них с автономистскими лозунгами нередко выступали группировки традиционного лидерства, особенно кхасские снемы. Из общиндийских партий в дистриктах функционировал лишь Конгресс, однако его влияние ограничивалось северокачарским и микирским районами, теснее связанными с равнинной частью Ассама. Никакого участия в движении не принимали представители племен Северо-Восточного пограничного агентства, которое находилось непосредственно в ведении центрального правительства, и экстремисты нага.

Первым расширившим автономии открыто потребовал Кхасский национальный дарбар (КНД), выразивший интересы снемов. 19 октября 1952 г. премьер-министру Индии Джавахарлалу Неру, прибывшему в Шиллонг, был вручен меморандум. Там предлагалось ликвидировать практику назначения членов в совет, установить автоматическое принятие губернатором законопроектов, включить Шиллонг (столицу Ассама) в состав дистрикта Горы Кхаси-Джайнтия, отменить право штатовского правительства выдавать лицензии на добычу полезных ископаемых в районе обитания этноса, объединить все автономные дистрикты в рамках одной административной единицы, а также выражалось недовольство искусственным внедрением ассамского языка в горных районах [102, с. 108]. Характер требований показывает, что снемы стремились упрочить свое влияние, избрав роль защитников этнических меньшинств, т. е. традиционная элита, возглавлявшая консервативное по своей сущности движение, в условиях независимой Индии пыталась выступить в качестве реформаторов.

Действенным стимулом активизации этнополитических движений в СВИ послужило создание в декабре 1953 г. Комиссии по реорганизации штатов (КРШ). В решении правительства указывалось, что она «объективно и беспристрастно» изучит проблему и «получит возможность рассмотреть любое предложение, касающееся подобной реорганизации» [189, с. 1]. Формально такая установка предоставляла моральное право лидерам этнических меньшинств выдвигать свои требования и отстаивать необходимость изменений. Комиссия учреждалась прежде всего для изучения вопроса в связи с

борьбой крупных народов Южной и Западной Индии (тамилы, малаяли, маратхов, каннара и др.) за образование национальных штатов. Под давлением этих движений правительство ИНК было вынуждено отказаться от намерения отложить реорганизацию на будущее (в 1948—1950 гг. намечались сроки 10—25 лет), но продолжало отстаивать точку зрения, согласно которой территориальное деление должно проводиться с учетом идеи «сохранения и упрочения единства и безопасности Индии», «финансовых, экономических и административных соображений», а не только этнолингвистических факторов [189, с. 266]. Отправляясь от этих принципов, центр в целом склонялся к созданию крупных штатов.

После образования Комиссии проблема межэтнических отношений на несколько лет стала ведущей в политической жизни страны. В Северо-Восточной Индии большую активность проявили не только этнические меньшинства, но и политические организации крупных народов — ассамцев и бенгальцев. Западнобенгальский комитет ИНК настаивал на присоединении к штату Трипуры дистриктов Гоальпара, Горы Гаро, Качар и части дистрикта Горы Кхаси-Джайнтия. В свою очередь, ассамская организация ИНК выступила с контрпретензиями на всю Северную Бенгалию [189, с. 344—345]. Уже в начале 1954 г. бенгальцы Качара учредили свою комиссию и потребовали сформировать штат Пурбачал, который объединил бы Качар, Трипуру, Горы Мизо, Манипур, НЕФА и Горы Нага. Бенгальцы западных дистриктов Ассамы выступили с идеей образования штата Каматапур, предлагая включить в него три бенгальских дистрикта (Джалпайгури, Дарджилинг, Куч-Бихар) и два ассамских (Горы Гаро и Гоальпара). В поддержку этих требований созывались массовые митинги, устраивались демонстрации.

В период работы КРШ лидеры племен старались действовать совместно, используя платформу антиассамизма [188, с. 118]. В июне по инициативе главы совета Горы Гаро, отставного капитана индийской армии Уильямсона Сангмы, в Шиллонге состоялось совещание глав советов дистриктов Кхаси-Джайнтия, Горы Лушай, Горы Гаро и Горы Северный Качар. Участники совещания единодушно осудили Шестое приложение, как «не предоставляющее подлинной автономии» (В. М. Рой из со-

вета Горы Кхаси-Джайнтия), «не охраняющее должным образом интересы горного населения» (У. Сангма), и в принятой резолюции выдвинули требование создать Горный штат, куда вошли бы все шесть автономных дистриктов [102, с. 111—112]. Видимо, в тот период горные лидеры испытывали сомнения относительно реальности этого требования и сочли целесообразным направить членам парламента свои предложения касательно внесения ряда поправок в Шестое приложение. Совещание в Шиллонге продемонстрировало, что меньшинства Ассама осознали общность своих интересов. Сформулировав требование отделения дистриктов от Ассама и образования самостоятельного штата, оно определило одну из программных целей автономистских движений в регионе.

Попытки направить эти движения в русло борьбы за создание Горного штата не увенчались успехом. Более представительная конференция в Туре (октябрь 1954 г.), на которой присутствовали 46 человек, после некоторых колебаний отказалась поддержать эту идею перед КРШ. Собравшиеся в Туре деятели не смогли также договориться об основании Горного племенного союза (ГПС): в подготовительный комитет из семи человек вошли лишь пятеро кхаси, один гаро (У. Сангма, председатель) и один качарп.

Комиссия реорганизации штатов завершила работу в сентябре 1955 г. и представила рекомендации правительству. К вопросу об изменении границ Ассама и других пограничных штатов она подошла чрезвычайно острожно и предложила учитывать следующее: 1) состав населения административных единиц никоим образом не должен способствовать росту региональных, коммуналистских или иных подобных тенденций; 2) в важных стратегических районах необходим эффективный или непосредственный контроль со стороны центра, а административное устройство и степень автономии должны соответствовать требованиям государственной безопасности; 3) пограничным штатам надлежит нести значительную часть расходов по поддержанию безопасности. «Важно поэтому, чтобы каждый пограничный штат возглавлялся действенной администрацией, был устойчивым, обладающим ресурсами, способным решать проблемы, которые возникают в связи с военными нуж-

дамп. Отсюда следует, что безопаснее иметь вдоль границ относительно крупные и богатые штаты, чем мелкие и менее жизнеспособные единицы» [189, с. 32—33].

Территориально-административная система СВИ, сложившаяся в колониальный период, не отвечала этим задачам: в регионе был один штат группы А (Ассам), две территории группы С (Манипур и Трипура) и образованное в 1954 г. Северо-Восточное пограничное агентство, которое находилось в ведении министерства иностранных дел и подчинялось губернатору Ассама как представителю центрального правительства.

КРШ пришла к заключению, что штаты группы С должны войти в состав соседних штатов, поскольку, во-первых, накануне провозглашения независимости они не имели самостоятельного правового статуса и, во-вторых, все, за исключением Курга, не могли существовать без субсидий, размеры которых ежегодно возрастали [189, с. 71—74]. Исходя из этих соображений, Комиссия рекомендовала присоединить к Ассаму Трипуру (639 тыс. жителей, 59% — бенгальцы). Более сложным был вопрос о судьбе Манипура. КРШ считала нецелесообразным сохранение штата с населением 0,6 млн. человек, но вместе с тем отмечала, что длительная история самостоятельного манипурского государства, слабость связей с остальными районами Индии, специфическая культура и «осознание лингвистической и культурной индивидуальности» (т. е. этническое самосознание) определяют отрицательное отношение манипурцев к Ассаму, с которым они «не связаны никакими особыми лингвистическими узами», и исключают возможность изменения статуса Манипура. Поэтому было предложено временно сохранить его в качестве территории центрального подчинения. Далее указывалось: «... если Манипур заинтересован в представительном правительстве на уровне штата, он должен быть готов присоединиться к более крупной территории. Он не вправе настаивать на самостоятельном существовании и тут же требовать помощи от центра не только для экономического развития, но и для содержания дорогостоящих представительских институтов и неэкономичных административных учреждений» [189, с. 196—198]. Иначе говоря, претензии политических организаций Манипура и Трипуры, ратующих за статус штата, были отвергнуты.

Комиссия высказалась против выделения из Ассама Пурбачала, Каматапура, Горного штата. В докладе подчеркивалось, что требование создания Горного штата имеет объективные основания — подозрительность племен по отношению к населению равнин, более низкий уровень развития, ограниченность контактов с остальными районами Индии из-за трудностей коммуникаций, экономическая отсталость. Однако комиссия выразила сомнения по поводу того, что горные дистрикты вместе или раздельно смогут использовать те финансовые и технические ресурсы, которые они получают от центрального правительства; к тому же образование такого штата увеличило бы расходы на администрацию, затруднило бы согласование программ развития в региональном масштабе и неизбежно вызвало бы конфликт из-за Шиллонга [189, с. 187]. Поездка по горным дистриктам Ассама, отмечалось в докладе, убедила, что население и советы автономных дистриктов Горы Мизо, Горы Микир и Горы Северный Качар выступают за статус-кво, и движение за создание Горного штата практически ограничено дистриктами Горы Кхаси-Джайнтия и Горы Гаро [189, с. 188].

«Выполнение задач экономического развития и предоставление значительной культурной автономии различным лингвистическим и расовым группам возможны лишь при соблюдении двух условий, а именно: если штат Ассам будет компактным, богатым и обеспеченным ресурсами и если в его пределах установится взаимотерпимость и доброжелательность (между различными этническими группами. — *А. П.*)», — говорилось в отчете комиссии [189, с. 194—195].

Идея Горного штата в тот период не получила всеобщей поддержки, и отказ КРШ пойти навстречу этому требованию не вызвал особых протестов. Гораздо более остро был воспринят вывод о том, что Шестое приложение не нуждается в каких-либо изменениях. В докладе констатировалось, что часть общественности горных дистриктов недовольна методами управления, размерами выделяемых средств, насаждением ассамского языка и культуры, захватом земель переселенцами с равнин [189, с. 188]. Однако вслед за тем утверждалось, что мысль об исправлении Шестого приложения содержит «подрывные тенденции» и потому неприемлема. При-

знав, что формы связи между властями штата и автономных дистриктов не предусмотрены, КРШ предложила назначить туда представителей губернатора; он же для решения спорных вопросов вправе (согласно § 14 Шестого приложения) создать специальную комиссию [189, с. 189].

Центральное правительство одобрило все предложения КРШ, за исключением рекомендации присоединить Трипуру к Ассаму: это бывшее княжество, наряду с Манипуром, в качестве отдельной административной единицы — союзной территории оставалось в ведении центра.

Отказ правительства расширить автономию горных дистриктов СВИ привел к дальнейшему ослаблению позиций ИНК в этноареалах меньшинств Ассамы и росту влияния узкоэтнических партий и группировок, хотя никак не стимулировал их сплочения на общей платформе. Сходство, или даже идентичность выдвигаемых требований (на встрече горных лидеров с Джавахарлалом Неру в Шиллонге 28 августа 1955 г., на конференции в Айджале 26—28 октября 1955 г. и др.), было явно недостаточной основой для преодоления взаимной подозрительности. Союз мизо опасался, что создание единого фронта усилит влияние кхасских снемов, которые в свою очередь могут оказать поддержку смещенным племенным вождям мизо. Каждое из меньшинств в той или иной мере боялось, что слияние горных дистриктов поставит в привилегированное положение более развитых кхаси, на территории которых расположен Шиллонг, Индунизированные микиры и димаса качари больше тяготели к своим единоверцам-ассамцам, чем к христианизированным мизо, кхаси и гаро. Вместе с тем христианство в СВИ как консолидирующий фактор играло мало заметную роль: оно даже в пределах отдельных этноареалов распадалось на ряд церквей, преимущественно протестантских.

На конференции в Айджале (октябрь 1955 г.) политические деятели автономных дистриктов договорились о создании Горного племенного союза Восточной Индии (ГПСВИ), однако Союз мизо и Национальная конференция гаро отказались к нему примкнуть. В результате ГПСВИ стал еще одной партией кхаси-джайнтия. Выборы в Законодательное собрание Ассамы лишь подтвердили преобладание тенденции к выделению узкоэтнических

ких партий: Национальной конференции гаро (три места из четырех), ГПСВИ в Горах Кхаси-Джайнтия (три из пяти), Объединенной организации свободы мизо и Союза мизо (соответственно два и одно место из трех). ИНК в горных районах получил только один мандат — в дистрикте Горы Микир.

Наиболее видные деятели этих организаций, одержав победу на выборах, вошли в состав правительства Ассамы. У. Сангма занял пост министра и возглавил департамент племенных районов, остальные дистрикты были представлены заместителями министров и парламентскими секретарями. Участие в правительстве усилило разногласия между отдельными политическими партиями, и, несмотря на попытки превратить ГПСВИ в общерегиональную партию (конференция в Туре, 1957 г.), конфликты между лидерами исключали всякую возможность слияния отдельных движений в единое автономистское движение. Так, движение за создание Горного штата в конце 50-х годов, по существу, кончилось, не успев развернуться, а многие его руководители были заняты в основном межпартийной и фракционной борьбой, которая зачастую не имела никакого отношения к защите интересов этнических меньшинств.

Центральное правительство и власти штата стали уделять больше внимания развитию горных районов СВИ и подъему благосостояния их жителей. В целях преодоления изоляции автономных дистриктов значительные средства вкладывались в развитие транспорта и коммуникаций: протяженность дорог за период 1950/51—1962/63 гг. увеличилась почти в 5 раз (с 2400 до 11 700 км), тогда как в равнинных дистриктах Ассамы — немногим более чем в 2 раза. Горные районы заметно опередили равнинную часть в области медицинского обслуживания и просвещения. За тот же период число начальных школ возросло в 3 раза (с 1115 до 3363) и 64,4% детей школьного возраста посещало школу (в равнинных районах — 55,4%) [107, с. 117—119].

В области экономического развития таких заметных сдвигов не произошло. В некоторых районах (Трипура) вследствие большого притока беженцев из Восточного Пакистана экономическое положение значительно ухудшилось. В этих условиях процессы этнической консолидации, ускоренные развитием культуры и средств мас-

совой информации, усиливали центробежные тенденции в регионе и способствовали росту автономистских движений независимо от зигзагов политического процесса.

Д-р Сураджит Синха, одно время возглавлявший Антропологическую службу Индии, выделял в начале 70-х годов пять типов общественных движений, определяемых положением племен и степенью их консолидации: 1) изолированные племена рассматривают свою «независимость» как естественное положение вещей (движение отсутствует); 2) племена пограничных районов, руководимые образованной элитой, требуют отделения от Индии (нага, мизо); 3) племена, занимающие крупные этноареалы, выступают за образование «племенных» штатов (Джаркханд в Чхотанагпуре, Адистхан в районах бхиллов, Горный штат в этноареале кхаси и гаро); 4) племена, населяющие территории, которые образуют небольшие анклавов, борются за свои политические права (санталы и кора Западной Бенгалии); 5) индуизированные племена ориентируются на более развитые этносы (бхумидж и др.) [194, с. 411]. Эта классификация кажется достаточно обоснованной, и лишь для большей ясности движение второго типа следует определить как сепаратистское, а третьего — автономистское. В СВИ, хотя здесь сосредоточена $\frac{1}{10}$ «племенного населения» Индии, представлены все типы движений. Более того, сепаратистские движения развернулись только в этой части Союза, а автономистские по своей интенсивности и размаху далеко превосходят аналогичные кампании в других районах Индии.

Глава 4

ОБРАЗОВАНИЕ ШТАТА НАГАЛЕНД

Племена нага, населяющие горный район между долиной Брахмапутры и Бирмой, по характеру этнополитических процессов заметно отличались от остальных малых народов СВИ. Отмеченное во второй главе несоответствие между уровнем этносоциального развития и возникшими в колониальный период политическими институтами у них было гораздо большим, чем у любой другой этнической общности. Доминирующая роль родоплеменных отношений, обычаи, характерные для стадии военной демократии, отсутствие каких-либо попыток объединения, если не считать случаев даннических отношений, и ряд других признаков сближали нага с наиболее отсталыми племенами гималайского пограничного района (современный Аруначал-Прадеш). Однако у нага, в отличие от аборов, дафла, сингпо и других, этноинтегрирующие процессы в колониальный период заметно ускорились вследствие объединения значительной части этноареала нага в рамках дистрикта, затухания междоусобных войн, некоторого распространения грамотности и прочих факторов. Довольно важное значение имела сравнительно высокая плотность населения (по численности его ареал нага превосходил Северо-Восточную пограничную зону, которой в несколько раз уступал по размерам территории); в сочетании с компактностью территории это создавало более благоприятные условия для развития информационных связей, чем в малонаселенных горных районах. Как справедливо отмечает Г. М. Григорьева, «к концу колониального периода наблюдалось заметное усиление роли этнических связей у нага. Об этом в первую очередь свидетельствовало укрепление у них самосознания этнической общности нага» [13, с. 154].

Чрезвычайно важную роль сыграло то обстоятельство, что практически весь рассматриваемый этноареал был отделен от равнинных районов «внутренней линией», и нага наряду с мизо и племенами Северо-Восточной пограничной зоны входили в число наиболее изолированных общностей СВИ. В этих условиях идеи национально-освободительного движения, и прежде всего главная идея общендийского единства, остались для них совершенно чуждыми и не оказали никакого влияния на формирование общенагского этнического самосознания.

Отмеченные факторы и целенаправленные действия колониальной администрации определили узкоэтнический характер националистической идеологии образованной, преимущественно христианской элиты и ее ассоциаций (Клуб нага, 1918 г.). Показателен в этом отношении меморандум, врученный этой организацией комиссариату Саймона (1929): нага просили не распространять на их дистрикт намечавшиеся реформы и мотивировали это своим несходством с населением равнин. «Наш язык совершенно непохож на язык равнин, с точки зрения социальной мы не повторяем ни индусов, ни мусульман. На нас смотрят свысока одни за то, что мы едим говядину, другие за то, что мы едим свинину, и те и другие — за нашу отсталость, в чем мы вовсе не виноваты, — говорилось в меморандуме. — Хотя наша земля теперь — часть британской территории, правительство всегда признавало за нами права на нее. Что же будет, если мы войдем в совет, где большинство членов из других дистриктов? Кроме того, мы очень опасаемся, что вместо обычного права нас заставят руководствоваться чужими законами и обычаями» (цит. по [83, с. 21]). В этом документе впервые официально прозвучала мысль о том, что нага в прошлом были всегда независимы: «До того как британское правительство завоевало нашу страну в 1879—1880 гг., мы постоянно воевали с ассамцами Ассамской долины на севере и западе и с манипури на юге. Они никогда не побеждали нас, и мы никогда не подчинялись им. Более того, они на нас всегда смотрели с ужасом» (цит. по [83, с. 22]). Вполне вероятно, что в составлении меморандума принимал участие англичанин — заместитель комиссара дистрикта, однако главное не в этом. Простые и формально убедительные аргу-

менты с готовностью воспринимались как новой, так и традиционной элитой, а позже и значительной частью нага, и стали основой платформы экстремистов и сепаратистов¹.

Вторая мировая война и военные действия в пределах этнической территории нага радикально изменили ситуацию. Пробуждение политического сознания охватило не только элиту, но и подавляющее большинство населения. Потребность в военных поставках послужила эффективным стимулом для развития товарно-денежных отношений. Участие в операциях против японцев приобщило часть нага к современному оружию, позволило познакомиться с элементами военной тактики, а также способствовало возрождению воинских традиций и ценностей. Все это должно было оказать сильное воздействие на мировосприятие и социальную психологию.

Возрастание политической активности нага в первые послевоенные годы отразило доминирующую роль этнического фактора при крайне незначительной классовой дифференциации (например, по сравнению с кхаси и даже мизо): единственным типом политической организации у них были советы отдельных племен, появившиеся до войны (лхота, ао и др.) или в течение 1945 г. В феврале 1946 г. конференция советов племен приняла решение о создании Национального совета нага (НСН). Как само название, так и некоторые программные установки НСН подчеркивали, что организация претендует на роль единственного представителя «нации» нага: все они считались членами НСН и обязывались добровольно, по мере своих возможностей пополнять его фонды [83, с. 45], а членам других политических партий согласно решению, принятому в октябре 1946 г., вообще запрещалось ступать на территорию нага [159, с. 36]. С начала своего существования Национальный совет выступил

¹ В изложении Кадогана, члена комиссии Саймона, позиция нага выглядит еще более антииндийской. Выступая в палате общин в мае 1933 г., он сказал: «Они подозревают, что их каким-то образом собираются лишить древних прав и обычаев. Вот как они мне это объяснили: „Мы слышали, что черный король (ассамец или бенгалец.— А. П.) собирается приехать и править Индией. Если это так, то, ради бога, не допускайте, чтобы это был бенгалец, потому что мы испытываем отвращение к бенгальцам“. Они закончили заявлением, что отдадут предпочтение королеве Викторнии» (цит. по [83, с. 24]).

за объединение всего этноареала в рамках одного дистрикта. Сочетание крайних форм националистической идеологии и сравнительно низкой степени этнической консолидации (сохранение отдельных племен, отсутствие общего языка) стало характерной чертой этнополитического развития нага.

НСН возник как этнотерриториальная организация и, по крайней мере теоретически, распространял свое влияние на весь дистрикт Горы Нага. Организация состояла из двух центральных советов (Кохимы и Мококчунга), и в ней были представлены почти все крупные племена. Центральным советам подчинялись советы отдельных племен, а низшими организациями выступали субплеменные советы, каждый из которых объединял по пять деревень [102, с. 140—141]. Стремление опираться на все население отличало НСН от партий в других горных дистриктах, обладавших чрезвычайно узкой социальной базой.

Поначалу руководство организации решительно высказалось против планов английских властей присоединить Ассам к Восточной Бенгалии и поддержало позицию ИНК в этом вопросе². 19 июня 1946 г. лидеры нага направили миссии британского кабинета меморандум, содержавший следующие требования: объединение земель нага в одну территориальную единицу; предоставление самоуправления нага в составе автономного Ассамы и создание для них отдельного избирательного округа [135, с. 57].

Через несколько месяцев НСН резко изменил свою позицию и выступил с требованием предоставления независимости. Возможно, подобный лозунг был инспирирован английскими чиновниками. В частности, не исключено влияние «плана Куплэнда», предусматривавшего сохранение племенных районов СВИ и Бирмы в качестве британской колонии. Однако тот факт, что крутой поворот был совершен именно во второй половине августа 1946 г., позволяет предполагать, что поводом могла послужить борьба Мусульманской лиги за образование Пакистана и индусско-мусульманская резня в Калькутте.

² Небезынтересно отметить, что в годы второй мировой войны нага проявили полную лояльность к властям Индии и отказались сотрудничать с японцами [69, с. 480—481].

Впервые о стремлении НСН добиваться образования независимого Нагаленда стало известно из интервью, данного корреспонденту газеты «Азад» Ангамн Запху Физо и Т. Сакрие — руководителями совета [83, с. 46]. Члены временного правительства Индии вначале отнеслись к этому заявлению спокойно, считая, что оно не отражает мнения влиятельных групп нага, однако уже в конце августа Джавахарлал Неру направил письмо в НСН. «Совершенно очевидно, — писал он, — что территория нага в Восточном Ассаме слишком мала, чтобы стать политически и экономически самостоятельной. Она расположена между двумя огромными странами — Индией и Китаем. Когда Индия станет независимой, британское правительство не сможет удержать территорию нага или часть ее. Они (нага. — А. П.) потеряются между Индией и Китаем. Поэтому их территория неизбежно должна стать частью Индии» [83, с. 48]. Колониальные власти, не решаясь открыто поддерживать сепаратизм нага и попытки других племен сохранить особый статус, высказались за присоединение районов их обитания к провинциям Индии. Губернатор Ассама Эндрью Клоу в январе 1947 г. разъяснил вождям нага (в Мококчунге), что «нецелесообразно создавать отдельное государство, государства или даже отдельную провинцию», поскольку в таком случае нага «навсегда останутся бедными и отсталыми». Губернатор посоветовал им добиваться права на самоуправление в рамках Ассама [135, с. 54]. Лидеры НСН, однако, не отказались от своих планов, но согласились с тем, что после провозглашения независимости их племена в течение десяти лет будут находиться под опекой Индии, а затем сами решат свою судьбу (меморандум правительству Великобритании 20 февраля 1947 г.).

Их позиция была подробно изложена на переговорах с членами подкомитета Бардолоя в Кохиме 20 мая 1947 г. В период опеки законодательную, исполнительную и судебную власть осуществляет «правительство Нагаленда». Государство-опекун обязано покрывать дефицит в бюджете Нагаленда и обеспечивать безопасность территории, направляя войска, численность которых устанавливается НСН. Они должны подчиняться местному правительству. Члены подкомитета Бардолоя отказались вести переговоры по этому вопросу, а НСН

не стал обсуждать вопрос об автономии нага в составе Ассама [83, с. 52].

26—28 июня 1947 г. в Кохиме переговоры с руководством НСН вел губернатор Ассама Акбар Хайдари. В итоге возник документ, широко известный как «соглашение Хайдари» и впоследствии явившийся одним из главных поводов для разногласий между центральным правительством и НСН.

В соглашении признавалось «право нага развиваться в соответствии с их свободно выраженными желаниями» (полный текст см. [135, с. 220—222; 159, с. 195—196]). Намечалось передать в ведение НСН те учреждения, которые он будет в состоянии финансировать; остальные вопросы должны входить в компетенцию чиновника дистрикта, назначенного губернатором. Законодательные полномочия Совета не были определены: указывалось лишь, что на территорию нага не распространяются акты парламента, противоречащие соглашению или затрагивающие их верования. Налогообложение и сбор налогов предусматривалось передать целиком в ведение НСН. Он же должен был создать суды, разбирающие дела членов племени, и только с его разрешения земля и природные богатства могут быть переданы ненага. Постановление о Горах Чин и Восточной границе Бенгалии (т. е. о «внутренней линии») оставалось в силе.

Особое значение для НСН имело включение пунктов о границах и сроке действия соглашения. Предполагалось возвращение дистрикту Горы Нага лесных массивов, отошедших в прошлом к дистриктам Сибсагар и Наугонг, и объединение всех нага в пределах одной административной единицы, «насколько это осуществимо» (п. 6). Указывалось, что губернатор Ассама в качестве представителя Индийского Союза в течение десяти лет несет ответственность за соблюдение соглашения, после чего Совет сообщит, будет ли оно продлено или заключено новое (п. 9).

Документ свидетельствовал о том, что в НСН в тот момент преобладающим влиянием пользовалась умеренная группировка и экстремисты во главе с А. З. Физо вынуждены были пойти на уступки. Не вызвало никаких сомнений, что Горы Нага являются частью Индии; в сущности, гарантировалась лишь автономия нага и предусматривалось объединение их этноареала в рамках

одной территориально-административной единицы. Однако соглашение, если рассматривать его как вполне официальный документ, имело очень серьезные недостатки. Формулировка о пересмотре его по истечении десяти лет была крайне неопределенной: не уточнялось, с кем НСН будет вести переговоры о заключении нового соглашения — с центральным правительством непосредственно или с губернатором Ассама. Закрепление особого статуса нага должно было вскоре неизбежно стать препятствием в осуществлении общей политики правительства по отношению к этническим меньшинствам СВИ. Некоторые основные пункты документа оказались не соответствующими конституции: не учитывалось разделение полномочий между центром и штатами по трем спискам в сфере исполнительной власти; пункт 9, допускавший отделение нага от Индии, противоречил принципу территориального единства страны.

Эти недостатки «соглашения Хайдари» дали себя знать через несколько недель: на заседании подкомитета Бардолоя 4—7 июля представители нага потребовали включить его целиком в рекомендации подкомитета и, не добившись этой цели, отказались подписать отчет. Конфликт был на руку экстремистской группировке в НСН, возражавшей против переговоров с губернатором Ассама. 16 июля делегация нага во главе с Т. Сакрие и А. З. Физо добилась аудиенции у М. К. Ганди, которому сообщила о своем намерении провозгласить независимость Нагаленда 15 августа 1947 г. «Почему не сейчас, зачем ждать 15 августа? Я давно уже стал независимым», — ответил М. К. Ганди и показал делегации не-реальность их планов [83, с. 70].

Экстремистская группировка тем не менее провозгласила «независимость Нагаленда», но не решилась создать правительство. В Дели игнорировали эту акцию. Национальный совет нага, в свою очередь, занял выжидательную позицию и удовольствовался тем, что получил от губернатора и главного министра Ассама письменное заверение в соблюдении «соглашения Хайдари» [181, с. 74—75].

Публикация проекта Конституции Индии явилась для националистического движения нага более важным событием, чем номинальное провозглашение «независимого Нагаленда». Совет настаивал на включении в кон-

ституцию текста «соглашения Хайдаря», однако Учредительное собрание отвергло это требование, подчеркнув, что Шестое приложение предоставляет нага не менее широкую автономию. Особое недовольство вызвало отсутствие конституционных гарантий пересмотра соглашения по истечении десятилетнего срока и сохранение прежнего территориально-административного деления. Дистрикт Горы Нага получил статус автономного дистрикта, а Племенной район нага остался в подчинении губернатора в качестве территории, включенной в список В Шестого приложения. Значительная часть этноареала по-прежнему входила в состав соседних административных единиц: автономных дистриктов Горы Северный Качар, Северо-Восточной пограничной зоны и Манипура, получившего статус союзной территории.

Впоследствии индийские официальные лица признавали, что именно отказ правительства удовлетворить требование касательно объединения этнической территории нага послужил главной причиной роста сепаратизма [83, с. 83]. Индийский исследователь А. К. Бхаттачарджи пишет по этому поводу: «Мы не знаем определенно, поступили ли авторы конституции таким образом из-за незнания соглашения девяти пунктов, в особенности его положения об образовании административной единицы, включающей всех нага, либо сделали это преднамеренно. Если бы они создали подобную единицу и отнесли бы ее к группе А, то было бы возможно убедить нага в том, что их остальные требования самоуправления выполнены. Без этого преобразование Гор Нага в автономный дистрикт, в сущности, теряло свои преимущества... Как умеренные, так и экстремистские группы нага осудили Шестое приложение к конституции. Экстремисты считали, что она не предусматривает их права добиваться независимости в будущем, умеренные пришли к заключению, что в нее не вошло одно из главных конкретных положений соглашения девяти пунктов. Это доказывало обоснованность их недоверия к правительству Индии» [83, с. 83—84]. Того же мнения придерживается социолог А. П. Синха [194, с. 341]. Ученый Алемчиба Ао в качестве важнейших причин сепаратизма считает «этническую гордость» (т. е. этноцентризм), страх перед эксплуатацией и свободолюбие нага, воспринявших полицейские и военные акции как вызов [69, с. 484].

Другой индийский автор, Б. К. Бхаттачарджи, полагает, что требование независимости явилось результатом политики изоляции, которую фактически проводило правительство [84, с. 988]. К аналогичной точке зрения склоняется Нарн Рустомджи, занимавший в те годы должность советника по делам племен при губернаторе Ассамы: «Достоинно сожаления, что в тот момент, когда нужно было принимать решения относительно будущего горных районов, на посту губернатора сменилось пять человек и почти столько же на посту секретаря ассамского правительства, ответственного за управление горными дистриктами. Поэтому не было почти никакой преемственности или последовательности в политике, обозначалось явное стремление пустить все на самотек, в надежде, что все образуется само собой и не придется идти на риск, принимая радикальные решения» [181, с. 87].

Руководство в Национальном совете нага перешло к экстремистам. Председателем в ноябре 1949 г. стал А. З. Физо, вышедший из непродолжительного тюремного заключения³. 11 декабря 1950 г. НСН принял решение провести плебисцит по вопросу о независимости и (в письме президенту Индии от 1 января 1951 г.) предложил центральному правительству прислать своих наблюдателей [83, с. 86]. Главный министр Ассамы Б. Медхи настаивал на запрещении этой акции, однако правительство предпочло не вмешиваться.

По данным НСН, 99% нага, принявших участие в плебисците, высказались за независимость Нагаленда [159, с. 46]. Возможно, эта цифра завышена, однако не исключено, что активность подразделений НСН (они все были брошены на кампанию) и обычай нага обсуждать вопрос до тех пор, пока не принимается обязательное для членов общины решение, позволили заручиться поддержкой большинства населения. Физо известил центр о результатах, но ответа не было, и он направил письма в ООН и посольства ряда стран в Индии, призывая их воздействовать на правительство.

В период, когда вопрос о политической структуре Индии еще не был окончательно решен и сепаратизм пред-

³ Многие объясняют интерес Физо к политике тем, что он потерпел неудачу в других сферах деятельности (в частности, в бизнесе). Кстати, он даже не сдал экзамена на аттестат зрелости (см. [102, с. 144—145]).

ставлял собой серьезную угрозу, предоставление независимости малочисленной и отсталой народности могло иметь крайне опасные последствия для страны и нарушить стабильность во всей Южной Азии. Поэтому правительство категорически отвергло сепаратистские требования НСН. 29 декабря 1951 г. Джавахарлал Неру заявил делегации нага, возглавляемой Физо: «При нынешней ситуации в Индии, а также во всем мире, даже на минуту нельзя допустить мысль о рассмотрении столь абсурдного требования, как независимость нага. Вряд ли они представляют, во что может вылиться удовлетворение их просьбы. Это привело бы их к гибели» [83, с. 91]. Впоследствии Дж. Неру неоднократно прибегал к более резким выражениям; А. З. Физо и другие экстремисты восприняли их как личное оскорбление (подробнее см. [83, с. 97—98]). Когда Неру 13 марта 1953 г. приехал в Кохиму, нага по указанию НСН бойкотировали митинг, где он должен был выступать. Этому событию предшествовали постановление НСН о бойкоте выборов в совет автономного дистрикта Горы Нага и всеобщих выборов 1952 г., отказ в какой-либо форме сотрудничать с правительством Ассама и отправление новой телеграммы в ООН с призывом к посредничеству.

До приезда Дж. Неру в Кохиму центр и местные власти не предпринимали никаких мер против экстремистов, полагая, что они не пользуются поддержкой большинства населения. Срыв митинга в Кохиме побудил правительство Ассама вмешаться. Ночью 4 апреля 1953 г. полиция совершила налет на дом секретаря НСН Т. Сакрие. Руководители организации ушли в подполье. Налеты на ряд деревень дистрикта позволили изъять некоторое количество оружия и боеприпасов. 26 мая был принят закон о поддержании общественного порядка в автономных дистриктах, 12 августа распущены племенные советы и суды нага, в соответствии со ст. 144 уголовного кодекса в Кохиме запрещалось жителям собираться группами свыше четырех человек. В течение года в дистрикте было открыто девять новых полицейских участков [102, с. 146].

А. З. Физо бежал в Бирму, но в конце 1953 г. вернулся и обосновался в районе Туэнсанга, недалеко от бирманской границы. Подполье активизировало свою деятельность: запугивало лиц, сотрудничавших с властью.

ми, инспирировало отставку всех сельских старост, усилило работу среди молодежи. В августе учащиеся государственной гимназии в Кохиме отказались участвовать в праздновании Дня независимости, мотивируя это тем, что они — неиндийцы. Временное отчисление их из школы дало повод НСН приступить к открытию собственных школ. Молодежное движение нага — организация, возникшая в 1951 г., — на очередной своей сессии призвало препятствовать созданию дистриктных и районных советов, бойкотировать официальные суды и собрать 25—30 тыс. рупий в фонд НСН [83, с. 103]. В ряде мест отмечались акты насилия.

В сентябре 1953 г. председатель ассамского комитета ИНК Б. П. Чалиха предпринял поездку по дистрикту и пытался договориться с лидерами нага о решении спорных вопросов путем переговоров, однако сепаратисты соглашались обсуждать лишь вопрос о независимости Нагаленда [83, с. 108—109]. Столь же безрезультатно закончилась поездка делегации ассамского отделения Народно-социалистической партии. В свою очередь экстремисты отправили в Ассам миссию доброй воли во главе с председателем Женской федерации нага Рано М. Иралу, племянницей Физо. Целью миссии было публично сообщить о жалобах нага на роспуск племенных советов и судов, введение некоторых форм принудительного труда властями штата и акты насилия, якобы совершенные индийскими войсками [102, с. 146—147].

В сентябре 1954 г. экстремисты сформировали подпольное «правительство свободного Нагаленда» в районе Туэнсанга во главе с неким Хонгкхином. В письме президенту Индии мятежники сообщили имена его членов. Среди пятнадцати старейшин (килонсеров) известных лиц не было [83, с. 114]; очевидно, в «правительство» вошли в основном вожди племени чанг, населяющего район Туэнсанга. Это событие совпало с началом беспорядков и вооруженной борьбы в данном районе, а затем в пригородах Кохимы и Мококчунга. Отряды «самообороны» составили преимущественно члены Молодежного движения нага и сепаратисты НСН. В Туэнсанге они пользовались поддержкой местных жителей — наиболее изолированных и отсталых групп нага.

В 1954 г. пригималайские пограничные дистрикты Ассама были преобразованы в Северо-Восточное погра-

ничное агентство, включавшее и район Туэнсанга. На следующий год здесь, на бывшей «неуправляемой территории» нага, власти создали местную администрацию и применили специальные законы, в том числе о нежелательных лицах в пограничном районе Туэнсанг. В помощь гражданской администрации были приданы две роты войск. Беспорядки на некоторое время прекратились, а Физо пришлось уйти в район Кохимы.

В дистрикте Горы Нага волнения в 1955—1956 гг. приняли значительные масштабы. Мятежники терроризировали жителей, сотрудничавших с администрацией, собирали и вымогали продукты и деньги, вербовали молодежь, издавали свои распоряжения, за невыполнение которых угрожали репрессиями вплоть до смертной казни. Армия мятежников была организована по образцу современной регулярной армии. Костяк образовали бывшие военнослужащие. Оценки ее численности колеблются в очень широких пределах: от 3 тыс. [135, с. 69] до 15 тыс. [102, с. 148]. На вооружении были винтовки, автоматы, пулеметы (обнаруженные в заброшенных складах периода второй мировой войны), но большая часть добровольцев располагала лишь мушкетами кустарного производства, копьями, луками и стрелами. Действовало это войско исключительно небольшими отрядами, применяя партизанскую тактику: устраивали засады, уничтожали патрули, совершали нападения на конвои и военные посты. После каждой акции мятежники рассеивались в джунглях и никогда не вступали в бой с правительственными войсками. В перерывах они закапывали оружие и занимались мирным трудом, а при необходимости вновь возвращались в джунгли.

Операции по прочесыванию, патрулирование и прочие меры оказались недостаточными, чтобы выловить экстремистов: в результате интенсивных операций в январе — марте 1956 г. были арестованы всего 314 человек (из них лишь 100 приговорено к тюремному заключению) и 16 убиты в перестрелках [83, с. 130]. Поэтому, желая изолировать мятежников от населения, командование в наиболее беспокойных районах предприняло так называемую перегруппировку деревень. Такие деревни (в ряде случаев просто специально созданные лагеря) «ограждались оградой в целях охраны и безопасности, а у ворот ставился часовой, дабы преградить мятежникам

доступ к продовольствию, деньгам и поставкам. Цель перегруппировки заключалась в том, чтобы войска безопасности смогли отличить экстремистов от лояльных нага. Поскольку первые принадлежали к тем же семьям, население неизбежно испытывало к ним симпатии, и мятежники пользовались этим... Система перегруппировки ограничивала передвижные мятежников и не давала возможности мирным нага общаться с ними. Она позволяла армии внимательно следить за населением района и контролировать действия жителей, обеспечивала более эффективный контроль над распределением поставок и препятствовала их утечке к мятежникам, одновременно повышала степень безопасности лояльного и мирного населения. Однако это не вызывало благодарности простых людей. Перегруппировка отрывала их от земли и родных мест, лишала возможности обрабатывать поля, ограничивала свободу передвижения» [83, с. 156].

Меры по поддержанию законности и порядка способствовали нормализации обстановки на территории нага и вызвали разброд в НСН. В конце 1955 г. обозначились разногласия между А. З. Физо и секретарем Совета Т. Сакрие, возражавшим против тактики террора. В январе следующего года он был убит — очевидно, сторонниками Физо. Власти Ассама выдали ордера на арест Физо и его сподвижников.

В этот же отрезок времени советы старейшин Кохимы и ряда других населенных пунктов провели совещания и решили не оказывать поддержки сепаратистам и добиваться смещения Физо с поста председателя НСН. 6 мая 1956 г. двенадцать умеренных лидеров НСН приняли решение о реорганизации Совета и призвали экстремистов сложить оружие. Власти Ассама по этому случаю объявили амнистию для тех террористов, которые сдадут оружие. В результате значительная часть мятежников из племен коньяк, чанг и пхом вышла из подполья.

Фактический раскол НСН, наметившийся раньше, и отход от движения больших групп населения побудили сепаратистов создать так называемое федеральное правительство Нагаленда. Это решение единомышленников Физо было принято на совещании племен нага в Пхенсинью (район Ренгма) 23 марта 1956 г. Очевидно, расчет делался на то, что слияние радикального крыла

НСН и «правительства Хонгкхина», а также включение в состав «федерации» всего этноареала нага, позволит восстановить влияние сепаратистов. Согласно «конституции», подписанной «президентом» Кхрисаниса Ангами и «главнокомандующим гвардией нага» Кайто Сема, Нагаленд провозглашался «народной суверенной республикой». Высшим законодательным органом должен был стать «федеральный парламент» (татар-хохо) из ста членов (татаров). Предполагалось, что кабинет из пятнадцати килонсеров возглавит «президент» (кедахге). Намечалось разделить Нагаленд на три (в дальнейшем четыре) провинции во главе с губернаторами (анг). «Конституцией» не предусматривалось создание регулярной армии помимо гвардии [159, с. 50].

В день образования подпольного правительства экстремисты совершили серию нападений на полицейские участки, убили нескольких чиновников и прервали сообщение по дороге Димапур — Кохима — Имфал. В течение 1956 г. мятежники убили более 30 солдат и офицеров, в 1957 г. — около 90, число раненых за два года достигло почти 250 человек [135, с. 82]. Немало жертв было среди гражданского населения. Запасы оружия они, как сообщают индийские исследователи, пополняли в Восточном Пакистане, на рынках Манипура и даже покупали его у солдат индийской армии [83, с. 132].

Напряженная обстановка на территориях обитания нага побуждала правительство искать новые пути решения проблемы. В начале апреля 1956 г. в нижней палате парламента впервые было выдвинуто предложение объединить дистрикт Горы Нага и район Туэнсанга в административную единицу и таким образом удовлетворить одно из главных требований, зафиксированных в соглашении 1947 г. Власти Ассама распространили в районах нага листовки, в которых говорилось, что правительство соблюдает условия «соглашения Хайдари», включив их в Шестое приложение, и, если предоставленная автономия не удовлетворяет нага, парламент может пересмотреть те или иные его пункты [83, с. 136].

«Оказавшись между жерновами терроризма мятежников и операций войск безопасности по умиротворению, население страдало от конфликта, возмущалось виновниками своих несчастий и мечтало о мире и нормальной жизни. По мере того как армия разворачивала

наступление на повстанцев, мятеж начал затухать», — пишет индийский автор Д. Р. Манкекар [159, с. 54—55]. В этих условиях активизировались те общественные деятели и организации, которые ратовали за урегулирование проблемы нага. На выборах 1957 г. три их представителя были избраны в Законодательное собрание Ассама. С мирной инициативой выступила баптистская церковь, руководители которой, очевидно, поняли бесперспективность сепаратизма и его отрицательные последствия. Важнейшую роль в решении проблемы нага сыграла первая конференция так называемой Конвенции народа нага, проведенная в Кохиме 22—26 августа 1957 г. Сюда под конвоем (в целях обеспечения безопасности) прибыли 1765 делегатов, представлявших все этнические группы дистрикта Горы Нага и района Туэнсанг. Резолюции конференции призывали мятежников прекратить вооруженную борьбу, чтобы создать предпосылки к выводу войск, прекращению перегруппировки деревень и восстановлению мира. После шумного обсуждения делегаты большинством голосов одобрили резолюцию, где говорилось о необходимости «удовлетворительно решить проблему нага в рамках Индийского Союза» и объединения района Туэнсанг с автономным дистриктом Горы Нага. Конференция признала важность переговоров с подпольем, всеобщей амнистии и образования комитета для изучения положения в районах, населенных нага [83, с. 170—171].

Центральное правительство решило вопрос об объединении района Туэнсанг и Гор Нага в чрезвычайно короткий срок: делегация нага передала резолюции губернатору Ассама 29 августа, главный министр Медхи совещался с Джавахарлалом Неру 11—13 сентября, 25—26 сентября премьер-министр принял делегацию нага. 1 декабря соответствующий закон парламента вступил в силу. Законодательное собрание Ассама в этом не участвовало (в тот промежуток времени не было заседаний), что вызвало недовольство некоторых членов легислатуры штата [83, с. 172—173].

Район Горы Нага — Туэнсанг был включен в группу В Шестого приложения, т. е. его статус был ниже статуса автономного дистрикта, каковым являлись Горы Нага, и подчинялся губернатору штата как представителю президента. Вместе с тем это была самостоятельная ад-

министративная единица, не входящая в состав Ассама или НЕФА и переданная в ведение министерства иностранных дел. Непосредственно районом управлял назначаемый центральным правительством комиссар и его заместители в трех дистриктах.

Новая административная единица охватывала не весь этноареал нага, но все же большую его часть. Этим было удовлетворено одно из основных требований, выдвигавшихся с 1946 г. Тем самым экстремисты лишились главного аргумента в пользу отделения от Индии и теряли поддержку большинства населения. Первое полугодие после образования района Горы Нага — Туэнсанг было спокойным периодом. Физо с группой своих последователей бежал в Дакку, где временно обосновалось «федеральное правительство», и вновь пытался через консульства различных государств добиться обсуждения «проблемы нага» в ООН. Пакистан официально не поддерживал сепаратистов и по просьбе правительства Индии отозвал своего представителя из Шиллонга [83, с. 138].

Политический процесс в этноареале нага теперь определялся борьбой между лояльными и примыкавшими к ним умеренными группировками, выражавшими интересы большинства населения, и сравнительно малочисленной, но воинственной группировкой сепаратистских элементов. Объединение крупных районов расселения нага в одну административную единицу для многих, в том числе и для тех, кто сам принимал участие в сепаратистском движении, явилось убедительным доказательством, что центр готов удовлетворить разумные требования и не собирается лишать их законных прав или поощрять ассимиляцию. В свою очередь правительство Индии стремилось путем уступок лояльным группировкам привлечь на свою сторону большинство нага и постепенно свести к минимуму число сторонников подполья.

Успех первой конференции показал, что такая форма означает наиболее верный путь к нормализации обстановки. В последовавшие два года были созданы еще две конференции. На вторую (май 1958 г.) собрались 2705 представителей. Комитет связи, избранный здесь, добился того, что в течение четырех месяцев почти 70% мятежников отказались от подпольной деятельности [83, с. 141]. Они, однако, не откликнулись на призыв всту-

пить в переговоры с центральным правительством для решения спорных вопросов в рамках конституции. Согласно решению конференции, в декабре 1958 г. был создан комитет по подготовке проекта политического решения проблемы нага.

Проект обсуждался на третьей конференции, проведенной в октябре 1959 г. в Мококчунге. Делегаты (337 человек) одобрили его и приняли резолюцию, где предлагалось освободить политических заключенных, амнистировать бывших мятежников, ограничить операции, проводимые армией. Было решено созвать в апреле 1960 г. конференцию с участием подполья, однако экстремисты в последний момент отвергли ее мирную инициативу.

Основная резолюция конференции предусматривала образование штата Нагаленд, что гарантировало бы автономию нага наравне с крупными народами Индии. Учитывая отсталость (по сравнению с другими штатами) и действия подполья, делегаты требовали принятия специальных мер. В частности, планировалось, что Законодательное собрание штата будет состоять из избираемых и назначаемых членов, представляющих все племена нага. Без одобрения легислатуры Нагаленда акты парламента, касающиеся религиозной и социальной практики нага, обычного права, владения и передачи земли, на территории нага не распространяются. Намечалось создание органов местного самоуправления — советов для каждого племени. Отдельным пунктом оговаривалось особое положение района Туэнсанг, который в течение десяти лет остается в ведении губернатора; постановления Законодательного собрания Нагаленда не действуют здесь без специального решения совета дистрикта. Сохраняется в силе закон 1873 г. о восточной границе Бенгалии («внутренней линии»); функцией губернатора остается поддержание законности и порядка «в переходный период и до тех пор пока законность и порядок будут нарушаться деятельностью мятежников» [135, с. 223—227; 159, с. 197—199].

Центральное правительство отнеслось к предложениям конференции положительно. 1 августа 1960 г. Джавахарлал Неру сообщил в парламенте о предстоящем образовании шестнадцатого штата Союза. Считалось, что созданию полноправного штата должен предшество-

вать подготовительный этап, поэтому по распоряжению президента (согласно ст. 240 конституции, предусматривающей его полномочия издавать постановления об управлении союзными территориями) 24 января 1961 г. министерство юстиции обнародовало временные правила управления Нагалендом. Временный орган и исполнительный совет были сформированы 18 февраля⁴.

Временный орган был исключительно совещательным, и уже на второй сессии (октябрь 1961 г.) прозвучало единодушное требование наделить его всеми полномочиями законодательного собрания и соответственно расширить функции исполнительного совета. Этот вопрос неизменно фигурировал на сессиях временного органа, и постепенно его компетенция была значительно расширена. В августе 1962 г. были внесены на обсуждение парламента законопроекты о создании полноправного штата Нагаленд и принятии 13-й поправки к конституции. 4 сентября 1962 г. президент одобрил закон об образовании штата Нагаленд. Торжественная церемония состоялась в Кохиме 1 декабря 1963 г. в присутствии президента Индии С. Радхакришнана. Главным министром штата стал Шилу Ао, занимавший до того пост председателя исполнительного совета.

Положение Нагаленда в структуре индийской федерации имело некоторые отличия. Согласно ст. 371-А, внесенной в конституцию в качестве 13-й поправки, автономия его в ряде вопросов была шире по сравнению с другими штатами (за исключением Джамму и Кашмира), в ряде же, наоборот, уже. Особое место в составе штата занял дистрикт Туэнсанг.

Без специального решения законодательного собрания Нагаленда законы парламента, касающиеся «религиозной или социальной практики нага», обычного права, отправления правосудия в соответствии с обычным правом, владения и передачи земли, в штате не применялись. Этот пункт, направленный на охрану традиционного образа жизни племен и предотвращение обезземеливания, в модифицированном виде подтверждал гарантии Шестого приложения. Ограничение полномочий Законодательного со-

⁴ В исполнительный совет вошли деятели, впоследствии сыгравшие видную роль в политической жизни Нагаленда: д-р Имконглиба Ао (председатель, убит мятежниками в январе 1962 г.), Шилу Ао, Хокише Сема, Джасокие Ангами, Читен Джамир и Акум Имлонг.

брания нового штата выражалось в том, что губернатор нес «особую ответственность за поддержание законности и порядка... в течение срока, пока продолжаются, по его мнению, внутренние беспорядки. В соответствии со своими функциями в этой сфере губернатор после консультаций с советом министров индивидуально решает, какие меры следует предпринять» [109, с. 136]. Пункт мог быть изменен лишь президентом.

В дистрикте Туэнсанг создавался районный совет, который наделялся правом решать и рекомендовать губернатору применение законодательных актов легислатуры Нагаленда. Фактически он должен был управлять дистриктом по своему усмотрению: определять состав, полномочия и порядок работы районного совета, издавать постановления в целях обеспечения «спокойствия, прогресса и доброго управления», назначать министра по делам Туэнсанга из числа членов Законодательного собрания штата и обладать дискреционными полномочиями в принятии всех окончательных решений по делам дистрикта [109, с. 137—138]. Особое положение последнего в составе Нагаленда обуславливалось большей отсталостью (по сравнению с дистриктами Кохима и Мокочунг) этой ранее «неуправляемой племенной территории нага», а также тем, что район лишь в 1957 г. был объединен с основной частью территории нага.

В период реорганизации Нагаленда сепаратисты не ослабили своей деятельности. А. З. Физо в 1961 г. переселился в Лондон и публично призывал учредить комиссию «по расследованию преступлений индийских войск в Нагаленде». В районе Горы Нага — Туэнсанг мятежники по-прежнему терроризировали население, совершали нападения на полицейские участки и военные посты. «Это давало основания ставить вопрос о том, имело ли вообще смысл продолжать переговоры и удовлетворять все новые и новые требования (конференций нага.— А. П.). Министерство внутренних дел в Дели, ответственное за поддержание законности и порядка в стране, предпочло бы сначала подавить „мятеж в джунглях“, а уже потом говорить о „16 пунктах“. Однако дела нага находились в компетенции министерства иностранных дел, фактически — самого премьер-министра Неру, и никто другой не мог сказать веское слово по этому поводу», — отмечал впоследствии Я. Д. Гундевиа [135, с. 71].

По решению Временного органа специальные группы в целях нормализации положения в районе Горы Нага — Туэнсанг посетили многие населенные пункты, разъясняя жителям значение факта образования административной единицы нага и предлагая подпольщикам отказаться от политики террора. Те не откликнулись, но положение в районе несколько улучшилось в результате того, что мятежники теряли поддержку населения, а войска смогли ликвидировать основные лагеря террористов и расколоть движение. В течение первых трех месяцев 1962 г. власти арестовали 172 экстремиста и еще 104 сдались. 11 апреля президент издал постановление о безопасности в Нагаленде, направленное на усиление мер по подавлению подрывной деятельности.

К концу года, когда в связи с пограничным конфликтом между Индией и Китаем часть войск была отозвана из Нагаленда, подполье вновь активизировалось. Призыв Конвенции народа нага (ноябрь 1962 г.) прекратить враждебные акции не возымел никакого действия. В первой половине 1963 г. экстремисты совершили несколько крупных нападений на правительственные учреждения и военные посты, в том числе на военный конвой на дороге Зунхабото — Мококчунг (были убиты 11 солдат). Усилению деятельности мятежников способствовало возвращение в Нагаленд группы экстремистов, которые, судя по сообщениям индийской прессы, прошли военную подготовку в Восточном Пакистане, и ухудшение отношений между Индией и Китаем.

Несмотря на сохранение напряженности в Нагаленде, центральное правительство стремилось урегулировать конфликт демократическими методами. Джавахарлал Неру, внося на обсуждение проект 13-й поправки к конституции, заявил: «Отрадно, что мы решим ее (проблему нага. — А. П.) не только военными средствами, но и политически..., превращая нага в равноправных членов Индийского Союза» [83, с. 187].

* * *

Националистическое движение нага по форме и содержанию было уникальным явлением в первое двадцатилетие существования независимой Индии. Оно принципиально отличалось от движения крупных народов Юга и Запада страны за создание национальных шта-

тов, а также от автономистских движений соседних малых народов СВИ (кхаси, гаро, мизо и др.), движений, по сути являвшихся формой борьбы за национальное равноправие. Сепаратизм нага был следствием прежде всего изоляции и отсталости. Черты их этнопсихологии, обусловленные пережитками не столь отдаленного периода военной демократии, и весьма поверхностное влияние государственности на социальную психологию способствовали консервации трибализма в качестве важного компонента политического сознания масс. Пресловутые воинственность и свободолюбие нага оказывали заметное влияние на позиции образованной элиты, которая в качестве оптимального решения возникших проблем выдвинула совершенно нереальную цель — создание независимого Нагаленда, явно рассчитывая также на поддержку извне.

Центральное правительство, если учесть рекомендации Комитета по исключенным и племенным районам Ассама и отношение к подписанному между НСН и губернатором Ассама соглашению, явно недооценило специфику обстановки в этноареале нага. Особенно негативные последствия имел отказ от объединения районов, населенных нага; это послужило сепаратистам поводом для перехода к вооруженной борьбе. Попытки властей привлечь население на свою сторону с помощью программ развития успеха не имели, так как фактически власть в районах нага была сосредоточена в руках НСН, перешедшего на экстремистские позиции, а классовое расслоение оставалось крайне слабым и исключало всякую возможность опереться на те или иные социальные группы. В этих условиях военные меры были единственным средством для достижения политической дифференциации: раскол участников движения (экстремисты и умеренные) и удовлетворение требований умеренных расширил социальную базу администрации и создал предпосылки к интеграции значительной части лидерства нага в общендийскую политическую структуру. Достигнуто это было ценой образования штата.

История создания Нагаленда — специфический, но немаловажный аспект развития индийского федерализма и, в более общем плане, пример политики Конгресса в национальном вопросе. Не разработав научно обоснованные принципы этой политики, правящая партия рас-

сма тривала национальные движения исключительно как процесс политический и пыталась управлять им путем краткосрочных решений и отдельных уступок. В итоге за короткий срок (около десяти лет) политика в отношении нага претерпела изменения — был проделан путь от отказа создать единую административную единицу в составе Ассама до образования штата — высшей формы автономии, предусмотренной конституцией. Вместе с тем создание штата Нагаленд означало отход от принципов, положенных в основу реорганизации штатов 1956 г., и стало прецедентом, что стимулировало активизацию автономистских движений других этнических меньшинств и ускорило развитие федеративной системы Индии.

Борьба вокруг вопроса о статусе территории нага сыграла роль эффективного этноинтегрирующего фактора. Возникновение и функционирование разветвленной организации НСН, охватившей практически весь этноареал, общенагских ассоциаций (Молодежное движение, Женская федерация), Временного органа, проведение представительных конференций, чрезвычайная мобильность политических деятелей и националистическая пропаганда в течение пятнадцати лет способствовали распространению идеи общенагского единства среди всех племен. По уровню развития этнического самосознания, интенсивности контактов элиты и активности своих ассоциаций нага, несомненно, заметно превосходят этнические общности докапиталистического периода. Это дает основание считать, что они вступили на завершающую стадию консолидации и превращения в народность. Образование автономного штата создало условия для дальнейшей интеграции и стирания этнографических различий между отдельными компонентами народности.

Другим важным, а с точки зрения укрепления единства Индии главным этнополитическим последствием появления штата Нагаленд следует считать возникновение предпосылок для распространения идей государственного национализма. Значительная часть элиты — политические деятели (в первую очередь министры, члены Законодательного собрания) и быстро растущий бюрократический аппарат — стала компонентом общегосударственной социально-политической структуры, «вписалась в Индию» и испытывает на себе влияние общенациональных политических течений и идеологий.

Глава 5

РЕОРГАНИЗАЦИЯ СЕВЕРО-ВОСТОЧНЫХ РАЙОНОВ ИНДИИ (1971)

В независимой стране процессы этнической консолидации и пробуждения к политической жизни малых народов СВИ проходили гораздо быстрее, чем в колониальный период. Осуществление программ экономического развития, рост административного аппарата, расширение сети школ и медицинских учреждений заметно ускорили складывание социальных групп, обозначаемых емким термином «средние слои». Доступ к средствам массовой информации, более широкий политический кругозор, опасения за свое социальное положение ввиду наличия более опытных конкурентов, интерес к собственной культуре обусловили роль этих слоев этнических меньшинств СВИ в качестве наиболее активной политической силы. Деятельность их, особенно в периоды массовых кампаний (всеобщие выборы 1952 и 1957 гг.), в свою очередь, вовлекала в политическую жизнь значительную часть населения автономных дистриктов, способствовала популяризации националистических лозунгов и развитию этнического самосознания. Автономия в рамках Шестого приложения, с самого начала вызвавшая разочарование большинства горных политических деятелей, в дальнейшем во все возрастающей степени не соответствовала основному направлению этнополитических процессов. Это в полной мере и проявилось в 1960 г.

Сохранение противоречий между доминирующими общностями СВИ — ассамцами и бенгальцами — и временное ослабление автономистских движений побудили власти Ассам предпринять шаг, который серьезно отразился на этнополитической обстановке в штате. 22 апреля провинциальный комитет ИНК — правящей партии

здесь — принял резолюцию об объявлении ассамским официальным языком. Хотя этот шаг направлялся главным образом против бенгальцев и не исключал использования других языков в автономных дистриктах, было совершенно очевидно, что ассамский, один из четырнадцати языков, перечисленных в Восьмом приложении, получит преимущества перед менее развитыми языками горных народов и, кроме того, вытеснит английский язык из сферы делопроизводства.

В Индии любые законодательные акты по языковому вопросу воспринимаются ущемленным меньшинством очень болезненно и приводят к массовым волнениям. Так случилось и в Ассаме. В городах долины Брахмапутры произошли кровавые столкновения между ассамцами и бенгальцами, а по горным дистриктам прокатилась волна протестов. Принятие резолюции и внесение законопроекта об официальном языке на обсуждение Законодательного собрания стало главной причиной возрождения движения за создание Горного штата.

Племенной союз Восточной Индии из-за конфликта между лидерами (Пагхом и Каджи) оказался не в состоянии возглавить движение: обе фракции отдельно провели свои конференции (Пагх — в Туре в конце апреля, а Каджи — в Айджале совместно с Союзом мизо в начале июня) и приняли решения, отвергающие ассамский в качестве официального языка штата. О каком-либо единстве действий между двумя фракциями не могло быть и речи, хотя повестка дня обеих конференций была сходной, а тон принятых резолюций одинаково категоричным. (Делегаты в Айджале отметили «злонамеренность акции отделения ИНК и некоторых групп ассамской общины, акции, направленной на провозглашение ассамским официальным языком штата», и расценили это как «империалистические устремления воинствующих диктаторских групп ассамской общины» [102, с. 119].)

6—7 июля 1960 г. по инициативе Уильямсона Сангмы в Шиллонге состоялось совещание политических партий автономных дистриктов. Главным результатом этого форума было создание объединенного фронта, названного Всепартийной конференцией горных лидеров (ВКГЛ). В комитет действий вошли представители большинства политических партий (включая ИНК и «Сватантру»), функционировавших в тот период в четырех автономных

дистриктах: 15 от Гор Кхаси-Джайнтия, по 7 — от Гор Гаро и Гор Мизо и 4 — от Гор Северный Качар. Представители кхаси и гаро составили, таким образом, $\frac{2}{3}$ членов комитета действий. На совещании и, естественно, в комитете не были представлены территории, административно не связанные с Ассамом: Горы Нага — Туэнсанг, Северо-Восточное пограничное агентство, Манипур и Трипура. Фактически в стороне остались организации индустриализированных этнических меньшинств — димаса качари, представленные лишь номинально в комитете действий, и микиры, лидеры которых заявили, что они не возражают против провозглашения ассамского официального языка штата, и покинули конференцию. С момента своего возникновения ВКГЛ была, в сущности, объединенным фронтом политических организаций христианизированных народов СВИ: кхаси, гаро и мизо.

Проблема языка явилась непосредственным поводом для возникновения блока, возглавившего автономистское движение этнических меньшинств Ассамы, но, как справедливо отмечает Ш. Чаубе, главной причиной оставалось их стремление к более широкой автономии: позиция ассамских лидеров в языковом вопросе означала прямое ущемление интересов меньшинств [102, с. 122]. Горные лидеры выступали за провозглашение официальным языком штата хинди (времененно — за сохранение английского), что поставило бы все лингвистические группы Ассамы в равное положение. Об этом говорилось в резолюции, принятой на совещании в Шиллонге.

По мнению участников этого совещания, выделение ассамского языка в качестве официального языка штата недопустимо по ряду причин:

«а) ...это теперь или в будущем укрепит доминирующее положение ассамцев, приведет к ассимиляции ими горных народов, потере их индивидуальности как общностей... Подобная ассимиляция и дезинтеграция неприемлема для горных народов и ущербна для культуры Индии, представляющей собой единство в многообразии.

б) ...явится бременем для горных народов, которые вынуждены будут изучать слишком много языков (хинди, местный, английский и ассамский) и письменностей.

в) ...ограничит возможности и перспективы горцев на государственной службе и на других должностях незави-

симо от любых гарантий, которые всегда можно нарушить.

г) ...ассаами родной язык менее чем 50% населения¹.

д) Намеченная мера уже привела к выражению недовольства, вражды и насилия, подрывая ту цель, достижению которой должен служить официальный язык.

е) ...приведет к хаосу и напряженности в пограничном штате, что может иметь катастрофические последствия ввиду китайской агрессии².

ж) Поскольку Ассам, населенный людьми различных рас, с различными культурами и языками, представляет собой Индию в миниатюре, официальным языком по праву должен быть хинди, а временно, до той поры, когда население будет готово к переходу на хинди в качестве официального языка, для этих целей целесообразно использовать английский язык» [71, с. 8—9].

В резолюции отсутствовало требование об отделении горных дистриктов от Ассама и, как видно из приведенного отрывка, неоднократно подчеркивалась лояльность малых народов и забота об упрочении единства Индии. ВКГЛ с момента возникновения постоянно стремилась заручиться поддержкой центра и главный упор делала на «дискриминационную политику» ассамских властей. Перечисленные выше причины были изложены в памятной записке, направленной ВКГЛ президенту 21 августа 1960 г., и обсуждались на переговорах ее делегации с премьер-министром.

В сентябре комитет действий ВКГЛ вручил главному министру Ассама ультиматум с требованием снять законопроект, касающийся провозглашения ассамии официальным языком, предупредив, что в противном случае ВКГЛ будет настаивать на отделении горных дистриктов от штата, согласно решению второй конференции (22—23 августа). Ассамское правительство игнорировало этот меморандум, так же как и протесты бенгальской части населения. 10 октября, в день внесения законо-

¹ По данным переписи 1951 г., 61,6% населения штата назвало родным языком ассамии, однако бенгальские и горные лидеры считали, что материалы переписи фальсифицированы. Отделение НЕФА и Нагаленда также повысило удельный вес ассамцев среди населения штата, и есть все основания считать, что в 1960 г. они составляли абсолютное большинство.

² Имеются в виду пограничные инциденты 1959 г.

проекта на обсуждение в Законодательном собрании, министр по делам племен Уильямсон Сангма заявил, что провозглашение ассами официальным языком приведет к расчленению Ассама [71, с. 27], и в знак протеста подал в отставку. Тем не менее, несмотря на напряженность обстановки в штате, массовые демонстрации протеста и хартал, который полностью парализовал деловую жизнь Шиллонга, Законодательное собрание Ассама на специальном заседании 24 октября приняло закон об официальном языке штата. Он предусматривал употребление в автономных дистриктах местных языков, но было совершенно очевидно, что в официальной переписке они не могут быть использованы, а ассами постепенно вытеснит английский.

Утверждение закона вызвало негодование бенгальцев и этнических меньшинств штата. ВКГЛ на своей третьей конференции, где присутствовали также представители политических партий Манипура и Трипуры, осудила акцию ассамского правительства. «Провозглашение ассами официальным языком штата, вопреки решительному протесту, — говорилось в резолюции, одобренной 18 ноября, — яркое доказательство несправедливого отношения к горным жителям и твердого намерения ассамской общины воспользоваться незаконными преимуществами и тем упрочить свое господство над ними и остальным населением Ассама». Далее указывалось, что внесение каких-либо поправок и провозглашение гарантий уже не может исправить положение и потому «отделение горных племенных районов от нынешнего штата Ассам является единственным средством способным защитить интересы и удовлетворить законные чаяния горных народов». Резолюция призвала немедленно образовать отдельный штат из горных районов [71, с. 9—10].

В 60-е годы возглавляемое ВКГЛ движение за отделение от Ассама и образование штата значительно окрепло организационно, однако его этническая база постепенно сужалась. На первых порах лидеры ВКГЛ рассчитывали, что в состав предполагаемого «Восточного пограничного штата» (примелькавшееся название «Горный штат» было временно снято) войдут все автономные дистрикты, Северо-Восточное пограничное агентство, племенные районы дистриктов Гоальпарз,

Камруп, Наугонг и союзных территорий Манипура и Трипуры. В процессе длительных переговоров с центральным правительством и по мере выхода из ВКГЛ отдельных партий (ИНК в 1962 г., Союза мизо в 1966 г., Народно-демократической партии Северного Качара в 1970 г. и т. д.) лидерам блока пришлось постепенно отказываться от «территориальных притязаний» к отдельным дистриктам. Но в целом крайние требования, стремление играть роль выразителей интересов всех этнических меньшинств СВИ остались характерной чертой тактики организации.

ВКГЛ отличалась от предшествовавших ей партий, которые претендовали на представительство всех или нескольких автономных дистриктов, более широкой социальной базой. Это и раньше было характерно для политических ассоциаций кхаси, гаро и мизо. Лидеры автономистского движения уделяли много внимания пропаганде идеи Горного штата и других своих лозунгов и с этой целью проводили массовые митинги и собрания в самых отдаленных деревнях. Большое внимание уделялось средствам эмоционального воздействия: факельным шествиям, пикетированию государственных учреждений, наглядной агитации и такому традиционному средству, как бой барабанов [71, с. 32]. По примеру Индийского национального конгресса ВКГЛ широко использовала волонтеров, главным образом учащихся, для проведения различных мероприятий. В «клятве волонтера» активисты перечисляли те виды услуг, которые они могли оказать: доставить сообщение, водить машину, готовить пищу, печатать на машинке, рисовать, распространять листовки и т. д. [71, с. 21]. ВКГЛ имела своих активистов не только в Шиллонге и административных центрах дистриктов, но и во многих деревнях. В этом отношении она заметно превосходила организации, возникшие во второй половине 40-х — 50-е годы, но по массовости и эффективности заметно уступала Национальному совету нага.

Члены Всепартийной конференции горных лидеров обязывались действовать только легальными методами ненасильственной борьбы. В упомянутой «клятве волонтера» особо подчеркивалось обязательство не допускать насилия в любой форме и придерживаться принципов сатьяграхи, обоснованных М. К. Ганди [71, с. 21].

В период борьбы за создание Горного штата ВКГЛ сохраняла характер блока, состоявшего из отдельных партий. Отнюдь не всегда резолюции, принятые большинством голосов, выполнялись всеми организациями, входившими в ВКГЛ, или отдельными лидерами. Это отчетливо проявилось в 1962 г. в связи с решением ВКГЛ отозвать своих представителей из Законодательного собрания Ассама: четверо из них (двое гаро, мизо и джайнтия) отказались подчиниться решению руководства.

Несколько неожиданным следует считать то обстоятельство, что к ВКГЛ в автономных дистриктах присоединился ИНК. Сам факт возникновения ВКГЛ, ее требование отделения от Ассама было реакцией на позицию штатовского комитета Конгресса в вопросе о языке и, в более широком плане, об автономии. Очевидно, вхождение в ВКГЛ было санкционировано центральным руководством ИНК ввиду необходимости расширить влияние партии в районах этнических меньшинств. Продолжалось это сотрудничество недолго: уже в 1962 г. ИНК вышел из ВКГЛ, и немногочисленные конгрессисты в горных районах поддержали линию штатовской организации Конгресса. Ассамский комитет ИНК и власти штата, упорно возражая против дальнейшего дробления Ассама, указывали, что он служит связующим звеном между отдельными горными районами, экономическим центром и важнейшим элементом обороны СВИ.

Индийский автор так излагает точку зрения ассамских лидеров: «Ассамцы недвусмысленно предупреждают нас в том, что нынешнее стремление племен к отделению — это прежде всего выступление против Индии. Борьба против Ассама — первый шаг по пути отделения от нее, и потому, отстаивая единство своего штата, они на деле ратуют за целостность Индии» [107, с. 4].

В свою очередь руководители автономистского движения решительно опровергали любые обвинения в сепаратизме и заявляли, что фактически именно ассамцы своей политикой в отношении этнических меньшинств препятствовали интеграции СВИ. Цитированный автор, характеризуя позицию горцев, писал: «Они обвиняют ассамских лидеров в том, что своим шовинизмом те, по сути, скорее нанесли ущерб интересам Индии и дискредитировали ее, чем способствовали сближению горцев с

ней, и уже никак не сделали образ Индии более привлекательным. Излишняя спешка в стремлении ассамизировать регион, хотя в масштабах СВИ ассами является языком меньшинства населения, попытка доминировать, боссизм и претензии „старшего брата“ показывают, что ассамцы зашли слишком далеко и причинили вред делу (единства.— А. П.) Индии» [107, с. 4—5].

Центральное правительство было склонно поддерживать точку зрения властей штата и отрицательно расценивало тенденцию к отделению автономных дистриктов и образованию «племенного штата». Дробление Ассама представлялось нежелательным как по финансовым и экономическим причинам, так и по политическим соображениям. Вместе с тем союзное правительство старалось не допустить расширения подпольного движения и вооруженной борьбы, начатой сепаратистами нага, и проводило более гибкую политику.

В период с ноября 1960 г. по май 1961 г. делегации ВКГЛ трижды вели переговоры с премьер-министром Индии по вопросу отделения горных дистриктов от Ассама. Дж. Неру отверг требование создания восточного пограничного штата и вместо этого предложил самоуправление шотландского образца, т. е. автономию в вопросах просвещения и культуры, а также разделение некоторых департаментов ассамского правительства и создание комитета по делам племен, состоящего из членов Законодательного собрания штата и обладающего правом вето в вопросах, касающихся автономных дистриктов. План Неру допускал образование отдельного кабинета министров и получение дотации от союзного правительства непосредственно администрацией дистриктов [76, с. 162; 186, с. 42]. В рамках автономии шотландского образца намечалось разделение бюджета равнинной части штата и горных дистриктов. Предусматривалось, что «горный кабинет» самостоятельно решит вопрос о том, на каком языке или языках будет осуществляться делопроизводство в департаментах по делам автономных дистриктов. Таким образом, это было значительным шагом вперед по сравнению с самоуправлением в рамках Шестого приложения и означало, по сути, появление автономной административно-территориальной единицы в составе Ассама.

Сессия ВКГЛ (апрель 1961 г.) отвергла предложения

премьер-министра. Дистриктные организации ИНК в Горах Гаро, Горах Кхаси-Джайнтия и Северный Качар одобрили этот план, вышли из ВКГЛ и примкнули к ассамскому комитету Конгресса. В предвыборной кампании горные лидеры выступили с требованием полного отделения от Ассама, конгрессисты — за «шотландский вариант». Результаты выборов 1962 г. подтвердили соотношение сил и сферы влияния двух партий: ВКГЛ завоевала все мандаты (11) в Законодательное собрание в автономных дистриктах Горы Кхаси-Джайнтия, Горы Гаро и Горы Мизо, а ИНК — все места (4) в Горах Микир и Северный Качар. В парламент от округа, включающего районы кхаси-джайнтия, микиров и качари, был также избран представитель ВКГЛ проф. Г. Г. Свелл, который собрал почти 92 тыс. голосов и заметно опередил кандидата ИНК (56,5 тыс.) [76, с. 163].

Лидеры ВКГЛ 24 октября 1962 г. провели харталы и массовые демонстрации под лозунгом создания Горного штата. Семь (из одиннадцати) ее представителей в Законодательном собрании Ассама подало в отставку. Было принято также решение провести день «прямых действий», т. е. массовых выступлений, однако из-за пограничного конфликта на границе с Китаем и введения чрезвычайного положения от этого плана пришлось отказаться. Учитывая сложившуюся ситуацию, ВКГЛ категорически отвергла предложение отдельных деятелей об активизации движения [71, с. 2] и подчеркнула свою лояльность участием во всех мероприятиях ассамских властей по укреплению обороноспособности и сбору средств в фонд обороны. Сторонники более решительных мер вышли из организации. Особенно резко влияние ее упало в дистрикте Горы Мизо, где возникло экстремистское объединение Национальный фронт мизо (НФМ). На сессиях ВКГЛ в марте и июне 1963 г. представители Союза мизо также начали говорить о своем намерении выйти из блока и бороться за создание отдельного штата Мизорам [71, с. 15].

Позиция лидеров мизо была явно обусловлена тем, что Национальный совет нага, возглавив сепаратистское движение, добился образования Нагаленда. Создание штата с населением менее 0,4 млн. человек усилило автономистское движение в СВИ, но одновременно ускорило его раскол. «Поворот в умонастроениях произошел в

момент, когда правительство Индии отказалось от принятого ранее принципа экономической жизнеспособности и согласилось выделить штат нага. Стремление соседних горных народов добиться образования своего штата, естественно, возросло в связи с прецедентом Нагаленда», — отмечает кхасский автор [76, с. 40]. Отход мизо значительно ослабил ВКГЛ, влияние которой фактически не распространялось за пределами этноареалов кхаси-джайнтия и гаро. В этих условиях блок был вынужден осенью 1963 г. принять предложение премьер-министра о назначении комиссии, призванной изучить проблему автономии горных народов Ассама, полагая, что речь идет о предоставлении «полной автономии» [186, с. 16; 102, с. 126].

Смерть Джавахарлала Неру 27 мая 1964 г. нанесла удар по планам горных лидеров. Дж. Неру по достоинству ценил их лояльность и легальные методы борьбы, которых они придерживались (в отличие от Национального совета нага), лично вникал в проблемы малых народов СВИ и всегда находил время для переговоров с политическими руководителями кхаси и гаро.

Центральное правительство, которое возглавил Л. Б. Шастри, в постановлении об учреждении комиссии по горным районам Ассама под председательством Х. В. Патаскара указало, что ей предстоит выяснить, необходимо ли внести какие-нибудь изменения в Шестое приложение для улучшения управления автономными дистриктами и расширения автономии. Тут же подчеркивалось, что любые изменения возможны лишь в рамках единого Ассама, сохранения общей легислатуры и кабинета министров, коллективно ответственного перед Законодательным собранием штата [186, с. 45]. Это означало, что комиссия Патаскара могла рекомендовать лишь несущественные изменения по сравнению с автономией шотландского образца, отвергнутой горными лидерами, которые, однако, изъявили готовность сотрудничать с комиссией Патаскара.

Последняя представила свой доклад 31 марта 1965 г. Ее рекомендации вызвали отрицательную реакцию ВКГЛ. Комиссия предложила создать в Законодательном собрании Ассама комитет по делам автономных дистриктов, наделенный исключительно совещательными полномочиями (по плану Неру комитет должен был

стать полноправным законодательным органом, обладающим правом вето), в финансовых вопросах подчинить департамент горных районов департаменту финансов. Далее, главный министр, назначая министров по делам горных районов, обязан только консультироваться с представителями автономных дистриктов в Законодательном собрании, но отнюдь не следовать их совету. В ответ на возмущение кхасских политических деятелей, длительное время добивавшихся включения Шиллонга в состав дистрикта Горы Кхаси-Джайнтия, появилось предложение сохранить существующий статус столицы Ассама и, более того, изъять из юрисдикции дистриктового совета и присоединить к Шиллонгу территорию в радиусе десяти миль от города [186, с. 47]. Было рекомендовано также сократить ценз проживания, по которому предоставлялись определенные льготы, с 12 до 2 лет, что явно отвечало интересам иммигрантов из равнинных районов, других штатов и беженцев из Восточного Пакистана. Для горных дистриктов положительное значение могло иметь принятие предложений комиссии по экономическим проблемам и планированию и некоторое расширение автономии. В ведение департамента горных районов намечалось передать вопросы, касающиеся сельского хозяйства, кооперации, скотоводства, общинного развития, системы просвещения (включая среднее образование), здравоохранения, общественных работ, мелкой промышленности и др.; предусматривалось усилить роль департамента горных народов в экономическом планировании и претворении в жизнь программ экономического развития. Речь шла и об известном расширении компетенции дистриктных советов [76, с. 165—166].

Руководство ВКГЛ отвергло доклад комиссии Патаскара целиком. Новая комиссия во главе с министром внутренних дел Г. Л. Нандой после длительных переговоров с властями Ассама и горными лидерами разработала компромиссный вариант образования в рамках Ассама подштата, имеющего собственное законодательное собрание и кабинет министров. Но этот проект не устраивал никого: штатовское правительство отказалось пойти дальше рекомендаций комиссии Патаскара, а руководство ВКГЛ настаивало на образовании самостоятельного штата. Чтобы добиться удовлетворения этого

требования, ВКГЛ решила перейти к «прямым действиям» и бойкотировать всеобщие выборы 1967 г.

Политическая обстановка в стране не позволяла центральному правительству допустить срыв выборов в политически неустойчивом районе. Премьер-министр Индира Ганди 27 декабря 1966 г. прибыла в Шиллонг и после бесед с местными деятелями, выступая на массовом митинге, выдвинула идею превращения Ассама в «региональную федерацию», состоящую из двух равноправных частей: равнинных и горных [76, с. 167]. Для детального обсуждения этого проекта, не имевшего прецедента в истории индийского государства, И. Ганди пригласила горных лидеров на переговоры в Дели.

На следующий день, 28 декабря, в Шиллонге открылась сессия ВКГЛ. Представители мизо на ней не присутствовали. Было решено направить делегацию в Дели, но одновременно поставлен ультиматум: если до 6 января переговоры о создании «полноправного штата» не откроются, то не позднее 10 января 1967 г. начнутся ненасильственные «прямые действия» [71, с. 16].

Переговоры союзного правительства с ассамской делегацией, включавшей главного министра, председателя провинциального комитета ИНК и представителей ВКГЛ, завершились 13 января 1967 г. Правительство Индии впервые согласилось пойти на реорганизацию Ассама и создание «региональной федерации», состоящей из единиц, которые обладают равным статусом. Реорганизацию планировалось осуществить в течение шести месяцев. В официальном сообщении указывалось, что в будущем не исключено присоединение к «региональной федерации» других административных единиц СВИ³.

Практически это означало создание Горного штата, и ВКГЛ на своей сессии 18 января приняла предложение центра и отменила свою резолюцию о бойкоте выборов [71, с. 186]. Как и в 1962 г., ВКГЛ победила в районах кхаси-джайнтия и гаро, а в дистриктах Горы Микир и Северный Качар избиратели отдали предпочтение ИНК. Его кандидат победил также в дистрикте Горы Мизо: Союз мизо бойкотировал выборы, а Национальный фронт мизо был объявлен вне закона.

Ассамская организация ИНК и власти штата стре-

³ В тот период в СВИ были два штата (Ассам и Нагаленд) и три союзные территории (Манипур, Трипура, НЕФА).

мились любой ценой воспрепятствовать превращению Ассама в «региональную федерацию». В долине Брахмапутры конгрессисты устраивали массовые харталы и демонстрации. В дистрикте Горы Кхаси-Джайнтия местное отделение ИНК пыталось блокироваться с сиемами, которые направили президенту Индии меморандум, напоминая о своих правах и привилегиях, зафиксированных в соглашениях о присоединении сиемств к доминиону Индия [102, с. 131—132]. Комитет по реорганизации (под председательством Ашоки Мехты) должен был включить двух представителей ВКГЛ и семь — от равнинных дистриктов. Он был создан лишь 22 июля 1967 г., а 14 июля в связи с истечением шестимесячного срока ВКГЛ постановила бойкотировать его.

Комитет Ашоки Мехты при участии представителей равнинных дистриктов в конечном счете подготовил предложения, сходные с рекомендациями комиссии Патаскара. Депутаты от ВКГЛ в Законодательном собрании штата в знак протеста подали в отставку. В Шиллонге и других городах 9 сентября организация приступила к «прямым действиям»: установила пикетирование здания ассамблеи и некоторых государственных учреждений.

Настанвая на полном отделении от Ассама, лидеры ее подчеркивали, что по культуре и мировосприятию горцы, хотя и говорят на разных языках, отличаются от жителей равнин, в частности, враждебным отношением к кастовым и классовым перегородкам. Искусственное объединение произошло лишь в колониальный период, но различия продолжали сохраняться. «В 1947 г. с провозглашением независимости Индия получила возможность преодолеть этот разрыв. Однако в 1954 г. она допустила ошибку в Нагаленде, ибо удовлетворилась тем, что передала решение проблемы нага на усмотрение властей Ассама. В 1966 г. она повторила ошибку в Горах Мизо по той же причине. Говоря языком политики, вопрос стоит так: оставит ли Индия горные районы для махнаций ассамских политиков и тем усилит разочарование или же возьмет их под свою опеку, установив с ними прямые связи. Иными словами, выделит горы в отдельный штат или нет... Если подходить с точки зрения интересов всего государства и учитывать, что территориальная целостность его обеспечена, какое значение мо-

жет иметь образование еще одного штата? СССР, население которого не достигает и половины численности населения Индии, состоит из 15 союзных республик и более ста автономных. США, где только треть численности населения Индии, включают 50 штатов, и оба эти государства несравненно богаче и сильнее Индии» [186, с. 62—63].

11 сентября 1968 г. центральное правительство объявило о намерении образовать «автономный штат» в составе Ассама. В официальном сообщении указывалось, что будет создано отдельное законодательное собрание и кабинет министров. Полномочия легислатур Ассама и автономного штата намечалось разделить по трем спискам: исключительной компетенции Ассама, совместной компетенции и компетенции автономного штата. В него предполагалось включить районы, населенные кхаси-джайнтия и гаро, а дистриктным советам Горы Микир и Горы Северный Качар предоставлялось право решать, присоединятся ли они к новой единице или останутся непосредственно в составе Ассама [186, с. 65—66].

Первая реакция руководства ВКГЛ на предложение центра была отрицательной. Секретарь ее Стэнли Никольс-Рой заявил, что проект союзного правительства «абсолютно неприемлем», однако по совету У. Саягмы, находившегося в Дели, было принято решение обсудить этот проект [102, с. 132]. 15 октября сессия ВКГЛ постановила принять его в качестве эксперимента, но с оговоркой, что конечной целью движения остается полное отделение от Ассама и создание полноправного штата [71, с. 17].

Образование автономного штата внутри штата означало появление нового элемента в федеративной структуре страны (некоторые индийские исследователи сравнивают его с автономными республиками в СССР [102, с. 132]). Поэтому процедура принятия поправки к конституции (большинством в $\frac{2}{3}$) и ее одобрения законодательными собраниями заняла год. Закон об образовании автономного штата, названного Мегхалая, был утвержден 24 декабря 1969 г.

Одновременно был принят акт об учреждении Северо-восточного совета — совещательного органа по вопросам координации планов экономического развития,

развития коммуникаций, ирригации, энергетики, сельского хозяйства и борьбы с наводнениями, а также по любым вопросам, представляющим интерес для административных единиц региона. В акте указывалось, что штаты и союзные территории СВИ будут представлены в совете министрами [76, с. 173].

Образование автономного штата не привело к ослаблению напряженности в отношениях между ВКГЛ и властями. В 1970 г. правительство Мегхалаи, ее правящая партия и отколовшаяся от нее Народно-демократическая партия Горного штата развернули агитацию за полное отделение. Постоянные трения при рассмотрении вопросов, отнесенных к совместной компетенции, разногласия по поводу разделения доходов от предприятий двойного подчинения и сохранение в ведении ассамского правительства важнейших отраслей экономики автономного штата создавали серьезные препятствия для успешного проведения этого конституционного эксперимента. Осложняло ситуацию также то, что советы дистриктов Горы Микир и Горы Северный Качар в феврале 1970 г. решили не присоединяться к автономному штату.

В сентябре сессия ВКГЛ приняла резолюцию, в которой отмечались «разнообразные трудности в осуществлении идеи автономного штата» и сообщалось, что правящая партия Мегхалаи пришла к заключению: эксперимент обречен на неудачу. Далее излагалось требование «принять неотложные меры к преобразованию Мегхалаи в самостоятельный штат» [71, с. 17]. Аналогичную резолюцию утвердило Законодательное собрание Мегхалаи. Политические и общественные организации ее в течение 1970 г. регулярно устраивали массовые митинги в поддержку этого требования. Особое недовольство кхасской общественности вызывало то обстоятельство, что город Шиллонг, расположенный в центральной части автономного штата, продолжал оставаться административным центром Ассама и подчинялся его властям. Жители долины Брахмапутры в этих условиях настаивали на перенесении столицы в район Гаухати. Союзное правительство согласилось с необходимостью строительства нового административного центра Ассама и изъявило готовность выделить на эти цели нужные средства.

Поездка в Ассам и Мегхалаю министра внутренних

Основные сведения об административных единицах СВИ*

Штат и союзная территория	Площадь, кв. км	Численность населения, тыс.	Административный центр
Ассам	78 523	14 625	Гаухати
Манипур	22 356	1 072,8	Имфал
Мегхалая	22 489	1 011,7	Шиллонг
Нагаленд	16 527	516,4	Кохима
Трипура	10 477	1 556,3	Агартала
Аруначал-Прадеш	83 578	467,5	Итанагар
Мизорам	21 087	332,4	Айджал

* См. [97].

дел Индии К. Ч. Панта и переговоры главного министра Мегхалаи У. Сангмы с премьер-министром ускорили решение проблемы. 10 ноября 1970 г. Индира Ганди сообщила в парламенте о намерениях правительства провести реорганизацию северо-восточного региона: предоставить статус штата союзным территориям Манипур и Трипура и пересмотреть статус Мегхалаи [76, с. 190]. Идею реорганизации поддержала Коммунистическая партия Индии. Против «расчленения», или «балканизации», Ассама выступили правые партии.

Окончательное решение вопроса задержалось в связи с событиями в Восточном Пакистане и притоком на территорию автономного штата около 1 млн. восточнобенгальских беженцев, а также проблемами, связанными с разделением хозяйственных организаций и строительством нового административного центра Ассама в Гаухати.

22 декабря 1971 г. нижняя палата парламента Индии одобрила законопроект о реорганизации северо-восточных районов. По этому акту, Мегхалая, Манипур и Трипура были преобразованы в штаты, а дистрикт Горы Мизо и Северо-Восточное пограничное агентство (НЕФА) получили статус союзных территорий (Мизорам и Аруначал-Прадеш) (см. таблицу).

Одновременно парламент расширил функции Северо-восточного совета. Как координирующий орган, возглавляемый губернатором северо-восточных штатов, он

должен разрабатывать региональный план экономического развития и следить за его осуществлением, вносить предложения относительно объема финансовой помощи союзного правительства отдельным штатам для целей, предусмотренных региональным планом. Он компетентен также рассматривать споры о границах между территориально-административными единицами и проблемы лингвистических (т. е. этнических) меньшинств. Постановления Совета имеют характер рекомендаций, и формально их не обязательно принимать к исполнению: очевидно, предполагалось, что он будет функционировать в качестве полуофициального органа наподобие Плановой комиссии. Премьер-министр И. Ганди на церемонии открытия совета заявила: «Это не надправительственный орган, он не ограничивает полномочий правительств штатов и Союза. Это совещательный, а не контрольный орган. Центральное правительство не будет использовать его для вмешательства в дела правительств региона» [208, 8.XI.1972].

* * *

Принятие закона о реорганизации северо-восточных районов означало приведение в определенное соответствие политико-административного деления СВИ с этнической картой региона. Учитывая чрезвычайную пестроту этнического состава, нечеткость границ отдельных этноареалов, это соответствие не могло быть идеальным: районы расселения нага, мизо, гаро, гималайских племен далеко не полностью совпадали с новыми политико-административными единицами, значительная часть этнических меньшинств осталась в пределах штата Ассам. Тем не менее в результате реорганизации основные районы этнообразования и консолидации народностей стали автономными единицами. Требования политических партий этнических меньшинств, которые они выдвигали с момента провозглашения независимости Индии, были удовлетворены.

Центральное правительство и администрация Ассам в течение многих лет выступали за политико-административное единство СВИ, за сохранение в регионе одного крупного штата — Ассамы. Эта задача оказалась нерешаемой, поскольку не учитывались этническая ситуация

и основные направления этнических процессов: лишь немногие меньшинства, главным образом ассамизированные микиры и димаса качари, оказались в достаточной мере ассоциированы с ассамской нацией, чтобы признать правильной политику, ориентированную на социально-политическую интеграцию. Последствия этого просчета обнаружались уже в первые годы существования независимого государства (отрицательные отношения горных лидеров к автономии в рамках Шестого приложения, рост автономистских, а также сепаратистских движений), и в конечном счете союзное правительство было вынуждено отказаться от идеи административного единства СВИ. Важно, однако, отметить, что из-за отсутствия научно обоснованных принципов политики в национальном вопросе, правительство Индии при реорганизации региона исходило не столько из общей оценки этнополитической ситуации здесь, сколько из необходимости решить отдельные проблемы и удовлетворить конкретные требования. Оно столкнулось в СВИ с тремя главными проблемами (в хронологической последовательности): политико-административная раздробленность, сепаратистское движение нага, автономистское движение, ядро которого составляли кхаси-джайнтия и гаро.

Колониальное завоевание имело следствием объединение северо-восточного региона и подчинение его общей верховной власти, однако элементы политической раздробленности сохранились в виде административных ограничений контактов между равнинными и горными районами («внутренняя линия») и сохранения мелких автономных княжеств (крупнейшими среди них были Манипур и Трипура). С точки зрения правительства независимой Индии, присоединение горных районов к Ассаму не представляло большой сложности и могло быть решено путем создания автономных дистриктов.

Сложнее обстояло дело с штатами группы С — Манипуром и Трипурой, никогда не имевших ни экономических, ни культурных связей с Ассамом. Даже Комиссия по реорганизации штатов, твердо убежденная в необходимости превратить Ассам в крупный штат, ограничилась предложением присоединить Трипуру, но рекомендовала сохранить Манипур в качестве союзной территории. Центральное правительство, учитывая национальный

состав населения Трипуры, не приняло этого предложения. В результате в СВИ остались две союзные территории, не включенные в состав Ассама. Это обстоятельство означало признание нереальности планов объединения всей Северо-Восточной Индии и стимулировало автономистские движения. Лидерство этнических меньшинств восприняло в качестве прецедента сохранение небольших административных единиц, не подчиненных ассамским властям. Таким образом, неполное решение проблемы ликвидации раздробленности способствовало усилению центробежных сил в Ассаме.

Сепаратистское движение нага заставило правительство Индии пойти на вторую, гораздо более существенную уступку — образовать штат, который по численности населения и размерам территории далеко уступал не только любому штату Союза, но и большинству дистриктов. Это имело настолько сильный демонстрационный эффект, что фактически предредило реорганизацию Ассама.

Движение за создание штата, включающего все горные районы («Горного» или «Северо-Восточного пограничного»), выражало тенденцию (в целом довольно слабую) к политико-административному единству этнических меньшинств Ассама. Оно было нацелено на преодоление политической разобщенности горных народов и в случае успеха могло, во-первых, предотвратить дальнейшее административное дробление СВИ (что в большей степени соответствовало политике центрального правительства, чем вынужденная реорганизация 1969—1971 гг.) и, во-вторых, придать новое направление этническим процессам в данных районах.

Однако максимальная цель не была достигнута. Это объяснялось двумя главными причинами: 1) различия между этническим меньшинством СВИ, расхождения в позициях узкоэтнических партий и их блоков оказались сильнее, чем стремление к единству на основе антиассамизма (в неодинаковой степени актуального для разных меньшинств), религиозной общности, сходства образа жизни и социальной психологии; 2) ядро движения составляло лидерство кхаси-джайнтия и гаро, которое рассчитывало на доминирующее положение в предполагаемом штате, и это вызвало раскол и отпадение лидеров микиров, димаса качарн и мизо.

Тем не менее борьба продолжалась и привела к частичному успеху: в результате реорганизации появился штат Мегхалая, объединивший этнические ареалы кхаси-джайнтия и гаро. Образование штата, включающего территорию двух народов, не имеет примеров в истории национальных движений независимой Индии. Несмотря на отсутствие языкового родства и некоторые различия в уровне развития и степени этнической консолидации, указанные народности обладают многими сходными чертами социального строя, материнской и духовной культуры, отличающими их от соседних этносов — ассамцев, бенгальцев, микиров, горных и равнинных качари. Все это, наряду с близостью политических платформ лидерства кхаси, джайнтия и гаро, способствовало сохранению общности взглядов на тактику и цели автономистского движения и осуществлению программной задачи — создания «Горного штата», хотя и в урезанном виде.

Глава 6

ПРОБЛЕМА НАГА И МИЗО

Нагаленд

Образование штата Нагаленд, включившего большую часть этноареала нага, объективно создавало предпосылки для преодоления отсталости и развития этнической общности с учетом ее специфики и особенностей. Основная масса населения восприняла это событие как удовлетворение важнейшего требования, с которым выступали лидеры, и приняла активное участие в выборах в Законодательное собрание в 1964 г.: правом голоса воспользовалось 76,57% избирателей — очень высокий показатель для любого штата Индии. Лояльные политические деятели получали возможность конструктивной работы и решения проблем посредством демократической процедуры. Внушительная победа, одержанная на выборах Националистической организацией нага (НОН), — 34 места из 46¹ — обеспечивала условия для стабильного функционирования правительства, которое к тому же могло рассчитывать на поддержку федеральных властей.

Центральное правительство не без оснований полагало, что создание штата и ответственной администрации нага лишит сепаратистов поддержки населения и положение здесь постепенно нормализуется. Однако эти надежды оправдались лишь частично. Затяжной характер конфликта, деятельность А. З. Физо, интерес к подполью со стороны некоторых зарубежных государств и крайне слабая интеграция этноареалов нага в пределах Индии — все это мешало ликвидации очагов напряженно-

¹ Остальные 12 мест заняли представители Демократической партии Нагаленда, однако уже в конце 1964 г. все они подали в отставку и НОН сформировала однопартийное правительство.

сти. В процессе борьбы за самостоятельный штат сепаратистское движение явно теряло общенагский характер: с 1960 г. руководство целиком перешло в руки сема, которые заняли должности «премьер-министра» (Кугхато Сукхай Сема), «президента» (его зять Ска-то Сву Сема), «министра иностранных дел» (брат Кугхато — Кайто Сема), «министра обороны», «министра информации» и т. д. Согласно оценкам индийских специалистов, в конце 1963 г. мятежникам сочувствовало примерно 30% населения Нагаленда, администрацию штата поддерживало 25%; остальные же 45% проявляли равнодушие [159, с. 75]².

В дальнейшем в подпольном движении произошел раскол: лидеры сема, не желая подчиниться диктату Физо, в 1968 г. объявили об образовании «революционного правительства Нагаленда» в Зунгти (этноареал сема) и тем лишили «федеральное правительство», в котором доминировали ставленники Физо (ангами и представители периферийных групп), главной части войска, состоявшего преимущественно из сема. Лидеры ао занимали более умеренные позиции и контролировали Национальный совет нага [102, с. 154]. Раскол демонстрировал незавершенность процесса этнической консолидации нага. Однако существеннее то, что сепаратистское движение, которое до образования штата выступало как этноинтегрирующий фактор, теперь усугубляло локальные трения и разногласия. Основной политической и идеологической силой, способствующей консолидации нага, стало правительство штата, в той или иной мере выражавшее интересы всех групп общности.

После образования штата действия сепаратистов не представляли реальной угрозы безопасности СВН, однако наличие лагерей мятежников на территории Восточного Пакистана и попытки руководства подполья ус-

² В этой связи небезынтересно высказывание, позволяющее представить, как воспринимают ситуацию образованные нага. На конференции по проблемам племен (Симла, 1969 г.) директор христианской школы в Димапуре г-жа Кхриелено Терхуджа констатировала: «В Нагаленде размещены регулярные войска, введенные для подавления восстания. В течение последнего десятилетия сожжено немало деревень и разрушено большое число церквей. Много убитых. Нельзя отрицать, что эти прискорбные случаи накаляют атмосферу, а военные операции и столкновения, вызываемые разными причинами, продолжаются» (цит. по [192, с. 300]).

тановить связи с правительством Китая в случае международного конфликта могли осложнить положение. Поэтому правительство Индии прилагало старания, чтобы устранить причины сепаратизма в наиболее уязвимой части страны.

В 1964 г. по инициативе баптистской церкви Нагаленда была сформирована мирная миссия в составе известного общественного деятеля Джайпракша Нарайяна, английского священника Майкла Скотта, у которого остановился А. З. Физо, когда он переехал в Великобританию, главного министра Ассама Б. П. Чалихи и Шанкеррао Део. После длительных совещаний с руководством подполья миссия добилась подписания соглашения о прекращении военных операций и начале переговоров с центральным правительством [159, с. 187—189].

Первые два раунда переговоров (сентябрь 1964 г.—апрель 1965 г.), проходивших в штате, ни к чему не привели: представители подполья отказались признать Нагаленд частью Индии, хотя не исключали возможности присоединения к ней на определенных условиях. Члены миссии в качестве политического решения, приемлемого, с их точки зрения, для обеих сторон, предложили объединить всю этническую территорию нага в рамках штата, признать за ним право иметь собственную конституцию (в той мере, в какой она не противоречит Конституции Индии) и отряды милиции, куда вошли бы «федеральные войска» [166, с. 321]. Особенно активно на необходимости уступок подполью настаивал Дж. Нарайян, который в качестве варианта предложил ограничить компетенцию союзного правительства применительно к Нагаленду вопросами обороны и внешних сношений [166, с. 355]. В своем выступлении в «парламенте» (24 февраля 1965 г.) он согласился с тем, что нага «несомненно нация», одна из наций индийского государства (см. [166, с. 332], но подчеркивал, что право на самоопределение не является безоговорочным, тем более что прецедент Нагаленда будет иметь большой резонанс во всей Северо-Восточной Индии (см. [166, с. 372])).

Нетвердая позиция мирной миссии, прежде всего М. Скотта, которого мятежники считали чем-то вроде представителя Физо, и индо-пакистанский пограничный конфликт стимулировали воинственность подпольщиков. Они добились перенесения переговоров в Дели и, гото-

вась к встрече, совершили ряд насильственных акций³. Переговоры между центральным правительством и руководством подполья, продолжавшиеся с февраля 1966 г. по январь 1967 г., закончились безрезультатно.

Прекращение военных операций в Нагаленде мятежники использовали максимально. Численность их армии за два года увеличилась, по оценкам индийских наблюдателей, с 5 тыс. до 10 тыс. человек, причем около 1300 прошли военную подготовку в Восточном Пакистане. Подпольщики взимали налоги с населения, в частности 10% дохода правительственных чиновников и 25% дохода торговцев, и их бюджет составлял около 2 млн. рупий в год [159, с. 156—157].

Деятельность мятежников, как и любое подпольное движение, активизировалась обычно с переменой обстановки или в критические периоды — в процессе организации штата Нагаленд, пограничного конфликта с Китаем (1962) и Пакистаном (1965). Ослабление напряженности, нормализация политической атмосферы в СВИ неизбежно приводили к упадку движения, росту недовольства населения деятельностью террористов. Нестабильность и переменчивость политической обстановки в Индии наряду с материальной и моральной поддержкой извне были важнейшими факторами, обусловившими живучесть сепаратизма и экстремизма у части нага.

К концу 60-х годов движение явно утрачивало влияние на подавляющее большинство жителей Нагаленда и сохранилось лишь потому, что мятежники пользовались покровительством пекинского руководства. Китайские лидеры открыто приняли их сторону. После утверждения сессией НСН в декабре 1966 г. резолюции о «нейтралитете» в конфликте между Индией и Китаем, сепаратисты установили прямые связи с пекинскими властями и в следующем году отправили первую группу для прохождения военной подготовки и приобретения оружия в Китае [102, с. 156]. Когда эта группа возвратилась, в джунглях Нагаленда была создана крупная база. Все же поддержка Китая из-за трудностей сообщения

³ В первой половине 1966 г. была взорвана железнодорожная ветка у станции Дхансири, спущен с рельсов пассажирский поезд (погибли 37 человек), взорван вагон на станции Лумдинг (погибли 55 человек и 120 были ранены). НСН отверг свою причастность к этим преступлениям.

(через территорию Бирмы) и падения престижа мятежников у местных жителей имела лишь ограниченный эффект: она помогла сохранению подполья, но не была в состоянии придать движению того размаха, которого оно достигало в первые годы существования НСН. Нормализация обстановки в штате выражалась в том, что в выборах в Законодательное собрание участвовали 78,39% избирателей (в парламентских выборах 1971 г. — 78,75%), и НОН вновь одержала убедительную победу. Центральное правительство в 1968 г. объявило, что впредь любые переговоры с сепаратистами будут вестись исключительно властями штата, а в период освободительной борьбы восточных бенгальцев отозвало войска безопасности.

Возникновение государства Бангладеш деморализовало подполье: больше нельзя было рассчитывать на свои базы в соседнем государстве. В 1973 г. «революционное правительство Нагаленда» объявило о самороспуске и более 9 тыс. сепаратистов — сема вернулись к мирной жизни [208, 30.VI.1974]; «президент» Скато Сву вскоре стал членом верхней палаты парламента Индии. Многие бывшие мятежники заняли посты в администрации и полиции Нагаленда. Одновременно центр проводил более жесткую политику: в 1972 г. НСН и прочие организации вновь были объявлены вне закона (ранее запрет был снят в связи с переговорами 1965—1966 г.), большинство лидеров подверглись аресту.

Не представляя собой серьезной угрозы безопасности, подпольное движение с начала 70-х годов выступало одним из факторов, определявших политические процессы в Нагаленде: отношение к нему в той или иной форме превратилось в главный критерий позиций политических партий, а эффективность деятельности правительства штата зачастую оценивалась в зависимости от количества враждебных акций, совершенных мятежниками. На выборах в Законодательное собрание штата в феврале 1974 г. победу одержал Объединенный демократический фронт, возглавляемый членом парламента Рану Шайзой, племянницей Физо. То, что ОДФ ратовал за более мягкий курс по отношению к подполью и считал нужным решать проблему посредством переговоров, дало НОН повод заклеить его как «легальный фасад подполья». Многие индийские наблюдатели и оппозици-

онные политические деятели Нагаленда утверждали, что ОДФ победил на выборах благодаря поддержке, оказанной ему сепаратистами, которым лидеры Фронта обещали добиться снятия запрета на НСН, освобождения Мову Ангами и других арестованных главарей мятежников [208, 6.VIII.1974]. С этой точки зрения именно неспособность правительства ОДФ во главе с Визолом выполнить свои обещания (2 сентября 1974 г. запрет был продлен на два года) привела к активизации подполья во второй половине 1974 г., отправке новых групп мятежников в Китай⁴ и привлечению новых «добровольцев» в движение (360—530 человек в 1974 г. против 320 за предшествующие два года) [199, 10.XI.1974].

Это правительство неоднократно ратовало за переговоры с сепаратистами, настаивало на легализации НСН и сочувственно высказалось по поводу инициативы Совета мира Нагаленда, предложившего объявить Кохиму «зоной мира», т. е. прекратить операции против подпольщиков. Дели отказывался вступать в новые переговоры с ними. Премьер-министр И. Ганди заявила в парламенте: «Как показал наш опыт, такого рода переговоры и предоставление им большей свободы действий не решат проблемы» [202, 21.XI.1974].

10 марта 1975 г. правительство ОДФ было вынуждено подать в отставку в связи с переходом 11 его членов в лагерь оппозиции. У власти в штате вновь стала НОН, правившая с 1963 г. до выборов в феврале 1974 г.⁵ Смена кабинета Визола произошло в тот момент, когда он был готов начать переговоры с руководителями подполья. Уже 19 марта лидер ОДФ объявил, что Фронт опять обладает большинством в Законодательном собрании, поскольку десять представителей НОН перебежало в ОДФ. Главный министр Дж. Б. Джасокине отклонил это заявление, однако на заседании 20 марта на скамьях оппозиции действительно сидели 33 депутата, на сто-

⁴ Группа, состоявшая в основном из манипурских нага (тангхул и мао), была перехвачена пограничными войсками. В изъятых у сепаратистов документах сообщалось о готовности Китая помочь им в «освобождении» Нагаленда, заключить договор о «дружбе и обороне» и обменяться послами [199, 10.XI.1974].

⁵ В итоге выборов 1974 г. ОДФ получил 25 мест, он сформировал правительство при поддержке 7 независимых депутатов, хотя НОН имела больше мандатов — 28. Позже в ОДФ перебежали 5 депутатов от НОН.

роне правящей партии — 27. Заседание пришлось отложить. Губернатор северо-восточных штатов Л. П. Сингх не пожелал разбираться в спорах соперничавших группировок и рекомендовал союзному правительству распустить Законодательное собрание. 20 мая 1975 г. в Нагаленде было введено президентское правление.

В период чрезвычайного положения кабинет И. Ганди (президентское правление в штате не было отменено и продлевалось каждые шесть месяцев) принял энергичные меры по нормализации положения в Нагаленде. С апреля по август 1975 г. власти арестовали 634 мятежника и еще 580 сдались добровольно [208, 13.IX.1975]. По официальным сообщениям, к началу сентября очаги подполья сохранялись лишь в дистрикте Кохимы, населенном северными ангами. Группа наиболее видных командиров, включая «бригадира» Исаака Сву и «генерала» Нгамлу, скрылась в джунглях Бирмы. Губернатор Л. П. Сингх заверил, что в оставшиеся месяцы 1975 г. с мятежом в штате будет покончено [208, 12.IX.1975]. По словам министра внутренних дел К. Б. Редди, «жесткая политика, проводимая по отношению к нарушителям закона (в Нагаленде. — А. П.), в сочетании с мягкостью, проявляемой к тем, кто отказывается от насилия и возвращается к нормальной жизни, дала хорошие результаты» [208, 11.VII.1975].

В этой ситуации руководство подполья, уже весной 1975 г. изъявившее готовность вступить в переговоры с правительством ОДФ, установило контакты с Советом мира Нагаленда. В августе делегация НСН, в составе которой были один из видных лидеров сепаратистов, брат Физо — Кевиялла, и «министр внутренних дел» Бисето Медом, встретились с представителями администрации и Совета мира. На сей раз администрация заняла твердую позицию: военные операции против мятежников не были приостановлены и исключалось обсуждение вопроса о статусе Нагаленда. Впервые за всю историю подпольного движения руководители мятежников не выдвинули требование независимости.

Заключительная стадия переговоров с губернатором Л. П. Сингхом (9—11 ноября 1975 г.) завершилась подписанием соглашения, которое, по его словам, «положило конец периоду конфликта и конфронтации» [208, 12.XI.1975]. Соглашение содержало три пункта:

1) «Представители подпольных организаций заявили о своем намерении по собственному желанию признать без каких-либо условий конституцию Индии»; 2) «...оружие, находящееся в руках подполья, будет доставлено и сложено в назначенных пунктах»; 3) «...подпольным организациям предоставляется приемлемый срок для определения других вопросов, обсуждение которых необходимо в целях окончательного урегулирования» [208, 1.XII.1975].

Подписание Шиллонгского соглашения не означало окончательного решения проблемы нага, однако это была необходимая предпосылка для прекращения вооруженной борьбы и нормализации обстановки в Нагаленде. Фактически мятежники вынуждены были констатировать свое поражение (хотя в документе и говорилось о признании конституции Индии «по собственному желанию»), обусловленное растущим недовольством населения и деморализацией сепаратистов в связи с расширением операций правительственных войск⁶.

В конце ноября на совещание в деревне Дихома собрались около 200 руководителей подполья для обсуждения условий Шиллонгского соглашения. 4 декабря подписавший документ глава делегации Кевияллай объявил, что «федеральное правительство» одобрило его [208, 8.XII.1975].

Однако реализации условий этого соглашения помешали трудности, вызванные расколом движения на несколько течений, часть которых рассматривала А. З. Физо в качестве своего вождя (формально он оставался председателем НСН). Далеко не все группы мятежников сложили оружие. Министр внутренних дел К. Б. Редди 20 апреля 1976 г. заявил в Кохиме, что в некоторых пунктах к его сдаче еще не приступили, а в других оно сдано не полностью [208, 21.IV.1976]. Председатель Совета мира Нагаленда д-р Арам считал, что сдача оружия «почти закончена», но был вынужден согласиться с тем, что манипурские нага в районе Укхрул еще не разоружились [208, 29.IV.1976]. Вопрос осложнялся также тем, что власти не располагали точными сведениями

⁶ По оценкам индийских наблюдателей, численность мятежников к декабрю 1975 г. сократилась до 2 тыс. человек (главным образом среди ангами и чакхесанг). Большая часть их скрывалась в бирманских джунглях [208, 3.XII.1975].

о количестве и видах оружия мятежников. В любом случае не оставалось сомнений, что отдельные группы, в свое время посетившие Китай, и отряды, скрывшиеся в Бирме, отказывались признать Шиллонгское соглашение, по крайней мере до тех пор, пока этого не сделает Физо. Из лидеров такую позицию заняли Исаак Сву и Т. Муйва. Уже в конце марта 1976 г. между отрядом подпольщиков и войсками безопасности произошло столкновение, во время которого были убиты около 20 мятежников [208, 3.IV.1976]. Подобные инциденты эпизодически повторялись и в последующие годы.

В апреле 1977 г. центральное правительство санкционировало поездку делегации нага во главе с Кевияллаем в Лондон для переговоров с А. З. Физо, и тот выразил готовность обсудить проблему с премьер-министром Морарджи Десаи [208, 26.IV.1977]. Эта неофициальная встреча (июнь 1977 г.) не дала результатов. Физо вновь отстаивал точку зрения, согласно которой нага — неиндийцы, и даже не коснулся вопроса о Шиллонгском соглашении [203, 6.X.1977]. Подданный Великобритании, уже в течение многих лет лишь косвенно связанный с Нагалендом, немолодой человек (ему более 75 лет), он по-прежнему пользовался авторитетом у мятежников и был в состоянии препятствовать окончательному урегулированию.

После подписания соглашения крупных баз в пределах штата у сепаратистов нага не осталось: важнейшим районом их действий явился Укхрул в Манипуре, а основные силы (около 600 человек, по другим оценкам — 1000—1500) разместились в лагерях на территории Бирмы. В 1978 г. Совет мира Нагаленда установил контакты с этой группой и начал с ней переговоры, однако ничего не добился из-за разброда в стане мятежников. Руководили ими генеральный секретарь НСН, «министр иностранных дел» Т. Муйва (тангкхул), «вице-президент Нагаленда» Исаак Сву и «главнокомандующий» Ведан Чакхесанг. Это трио известно своими прокитайскими настроениями и категорически отвергает Шиллонгское соглашение, заявляя, что готовы даже Физо назвать «главным предателем», если тот откажется от борьбы за «независимость» Нагаленда [209, 29.XI.1978].

Воинственная позиция лидеров подполья не нашла поддержки более умеренных элементов: «военный со-

вет», выступивший за переговоры с Советом мира Нагаленда, арестовал высшее руководство и фактически захватил власть в лагере мятежников. Окончательная ликвидация сепаратистского движения нага в значительной мере зависит от того, насколько успешными будут операции, проводимые против экстремистов бирманскими войсками.

Существенным фактором, обуславливающим живучесть экстремизма и сепаратизма в этноареале нага, по-прежнему является напряженность межэтнических отношений. Постоянный приток переселенцев из других штатов, преимущественно торговцев и служащих, неизбежно приводит к усилению этнических и социальных различий и отсюда к вражде. В Димарпуре, городе с населением около 30 тыс. человек, расположенном непосредственно у границы Нагаленда с Ассамом, 27—28 мая 1977 г. в результате столкновений между нага и переселенцами почти 100 человек получили ранения, было сожжено около 300 домов и магазинов, материальный ущерб достиг без малого 25 млн. рупий. Полиция Нагаленда избрала роль стороннего наблюдателя, и порядок в городе был восстановлен лишь после прибытия отрядов Центральной резервной полиции. Более 7,5 тыс. бенгальцев, бихарцев и ассамцев в панике бежали из Димарпура в Ассам [207, 8.VI.1977]. Нага заявили, что все «чужаки» должны немедленно покинуть Нагаленд. Это был первый межэтнический конфликт в штате, но он недвусмысленно указывает на возникновение нового фактора напряженности в Нагаленде.

Наиболее острой этнополитической проблемой остается вопрос о границах и объединении этнической территории нага — о присоединении ряда районов Манипура, Ассама и Аруначал-Прадеша. Это требование поддерживали правительство ОДФ, сформированное после выборов в ноябре 1977 г., представитель штата в парламенте Рану Шайза, многие общественные организации. Вопрос о границах приобретает особую остроту в связи с тем, что он не только выражает стремление к самоопределению (отсюда экстремизм нага Манипура), но и связан с социально-экономическими проблемами. Налет отрядов, в основном сема, на соседние деревни Ассама и убийство свыше 50 мирных жителей 5 января 1979 г. — по существу аграрный конфликт, вызванный тем, что

жители Ассама и Нагаленда нелегально расчистили джунгли и поселились в резервных лесах, на которые претендовали правительства обоих штатов. Вслед за этими событиями более 25 тыс. жителей спорной территории бежали в глубь Ассама; вдоль границы было введено патрулирование отрядов Центральной резервной полиции; полицейские Ассама и Нагаленда рыли траншеи, строили бункера и готовились отразить возможное нападение со стороны «противника».

Власти Нагаленда в течение длительного периода настаивали на присоединении 4976 кв. миль (ок. 12 тыс. кв. км) территории Ассама — дистрикта Северный Качар, восточной части дистрикта Горы Микир, северо-восточных районов дистрикта Сибсагар и ряда резервных лесов, т. е. плодородных равнинных районов, частично входивших в состав дистрикта Горы Нага до 1925 г. Ассамское правительство требовало сохранения границы, установленной в 1925 г., и в свою очередь притязало на район Димарпура.

Этот конфликт в ряду подобных инцидентов относится к числу самых крупных в истории существования независимого индийского государства и показывает, сколь взрывоопасна ситуация в СВИ. Сохранение границ, не соответствующих этническим рубежам, создает постоянную напряженность, чреватую серьезными последствиями. В то же время любая реорганизация, присоединение к Нагаленду части территории Ассама или Манипура, неизбежно привела бы к массовым волнениям и политической неустойчивости во всей Северо-Восточной Индии. Поэтому центральное правительство, исходя из того, что нынешние границы Нагаленда существуют более двадцати лет и в известной степени признаны (по крайней мере НОН, вошедшей в состав ИНК в период чрезвычайного положения), категорически отвергает предложения об их изменении.

Потенциальным источником обострения межэтнических отношений в Нагаленде являются определенные диспропорции экономического и культурного развития, а также общая отсталость этого района СВИ. По уровню дохода на душу населения — 329 рупий в 1973 г. — штат занимает предпоследнее место в Индии, заметно уступая в этом отношении Ассаму (545 рупий), Манипуру (476 рупий) и Трипуре (459 рупий) [209, ежегодник

1973, с. 12]. Нестабильность обстановки, террористическая деятельность и саботаж создавали большие препятствия для претворения в жизнь программ экономического развития и рациональной реализации средств, выделяемых центром штату. В 1957 г. доход Нагаленда в результате использования собственных ресурсов составил всего 0,5 млн. рупий. Союзное правительство для выполнения второго, третьего и четвертого пятилетних планов выделило соответственно 30 млн., 90 млн. и 425 млн. рупий. При распределении плановых ассигнований предпочтение отдавалось развитию транспорта и коммуникаций, просвещения и здравоохранения. За период 1947—1974 гг. протяженность дорог увеличилась с 300 до 3800 км, открылось автобусное сообщение между отдельными населенными пунктами, а также с городами Ассама и Манипура.

Достигнуты некоторые успехи в развитии сельского хозяйства: постепенно осуществляется переход к оседлому земледелию, расширяется орошаемая площадь, производство зерновых увеличилось с 69,2 тыс. т в 1947 г. до 79,9 тыс. т в 1974 г. Однако производство продовольствия по темпам роста отстает от прироста населения, и, по официальным оценкам на 1974 г., нехватка продуктов питания достигла 20 тыс. т [199а, I.XII.1974]. За годы действия пятилетних планов построено несколько небольших предприятий (сахарный завод в Димарпуре, бумажная фабрика в Тули), к 1977 г. электрифицировано 156 деревень (из общего числа 960). Индустриализация Нагаленда остается отдаленной перспективой и пока еще занимает очень скромное место в программах экономического развития.

Значительные сдвиги отмечены в системе просвещения. Хотя по уровню грамотности (27,33%) Нагаленд уступает другим штатам СВИ и Мизораму, он вплотную приблизился к среднендийскому уровню по этому показателю. Уже в 1971 г. число учащихся достигло 100 тыс. (почти $\frac{1}{5}$ населения Нагаленда). Здесь функционирует более 1200 школ (при общей численности деревень 960), в том числе 65 полных средних, 5 колледжей, 3 учительских института [199а, I.XII.1974], около 500 студентов нага обучается в колледжах и университетах за пределами штата: в Шиллонге (Северо-восточный горный университет), Гаухати, Калькутте, Дели и др. Образованная

молодежь трудно вписывается в традиционное общество, сохраняющее многие черты родо-племенного строя, зачастую вообще не находит работы (возможности трудоустройства в основном исчерпываются школами и правительственными учреждениями) и легко подвергается влиянию политического экстремизма и националистической идеологии. В этих условиях ускорение темпов экономического развития, создание современной промышленности и урбанизация — единственный путь для предотвращения роста недовольства наиболее мобильной части населения и ликвидации социальной базы сепаратизма. Центральное правительство придает огромное значение преодолению отсталости Нагаленда, и не случайно в соответствии с рекомендациями седьмой финансовой комиссии по объему дотаций наименее развитым штатам на 1979—1984 гг. Нагаленд занимает первое место в Индии (2,1 млрд. рупий из общей суммы 11,7 млрд. рупий, выделяемых в рамках ст. 275 конституции «нуждающимся штатам») [205, 16.XII.1978, с. 18]. Щедрая помощь Центра может сыграть важную роль в решении проблем Нагаленда, но одновременно она укрепляет заинтересованность местных властей в сохранении привилегированного положения штата.

Мизорам

Этнополитические процессы, проходившие после провозглашения независимости Индии на территории, населенной лушайми (мизо), во многом сходны с теми, которые совершались в дистрикте Горы Нага и совершаются в штате Нагаленд. Для обеих общностей характерны слабость связей с Ассамом и Бенгалией в колониальный период, возникновение сепаратистских движений — первоначально легальных, а позже подпольных, актуальность проблемы политико-административного объединения этноареалов.

В годы английского господства в пределах дистрикта Горы Лушай и прилегающей к нему южной части княжества Манипур этническая интеграция значительно ускорилась, и допустимо с достаточной определенностью говорить о складывании родственных этнических групп лушаев, хмар, пави, лакхер и в Манипуре куки. По уров-

ню развития и степени консолидации среди них заметно выделялись лушай, принявшие после 1947 г. самоназвание мизо («горцы»), и хмар. Новая элита этих двух групп составила руководство Союза мизо, сформированного в 1946 г. В качестве главного своего противника эта организация рассматривала традиционных племенных вождей и именно по этой причине высказалась за присоединение к Индии, но с условием пересмотра соглашения через десять лет [102, с. 160—161]. Часть лидеров мизо настаивала на создании Чинского государства, которое включало бы этноареалы чинов в Индии, Бирме и Пакистане [145, с. 203]. Некоторые члены Союза при участии А. З. Физо в июле 1947 г. образовали новую партию — Объединенную организацию свободы мизо (ООСМ) — и накануне провозглашения независимости Индии высказались за вхождение в состав Бирмы.

В 1948 г. Союз мизо возглавил кампанию гражданского неповиновения, добиваясь отмены налогов и безвозмездного труда в пользу вождей и деревенских старост. Центральное правительство и власти Ассама поддержали эту позицию; вожди получили компенсацию и были лишены своих привилегий, а Союз добился создания консультативного совета дистрикта до образования дистриктных советов в рамках Шестого приложения. В 1950 г. по требованию партии чинов — Племенного союза пави-лакхер было санкционировано выделение автономного района для названных двух групп внутри автономного дистрикта Горы Лушай.

Союз мизо безраздельно господствовал в политической жизни этноареала и весьма пассивно проявлял себя в движении за создание Горного штата из-за недоверия к кхасским сиемам. ИНК, пытаясь упрочить свое влияние в дистрикте, во время массового голода 1959 г.⁷ создал Национальный фронт по борьбе с голодом, которому было поручено распределять продовольствие в обход официальных властей дистрикта — автономного совета. Конфликт между ассамской организацией ИНК и ВКГЛ, в состав которой входили Союз мизо и Объединенная организация свободы мизо, явно содействовал превращению Национального фронта по борьбе с голодом в политическую организацию Национальный

⁷ Голод начался из-за чрезвычайного размножения грызунов в период цветения бамбука, что бывает два раза в столетие.

фронт мизо — НФМ (28 октября 1961 г.). Председателем его стал Лалденга — чиновник дистриктного совета. Возникновение соперничающей партии усилило разногласия внутри Союза мизо; часть организации в конце концов вышла из нее и образовала местное отделение ИНК [102, с. 162]. На выборах 1962 г. в Законодательное собрание Ассама обе новые партии дистрикта потерпели поражение: были избраны два представителя Союза мизо и один кандидат ООСМ. Однако на дополнительных выборах НФМ, выступивший с лозунгом создания штата Мизорам, победил в двух округах. В этой ситуации конференция Союза мизо в июне 1963 г. также высказалась за образование штата и включение в него населенных куки-чинами соседних районов Северного Качара, Трипуры и Манипура. Такую же резолюцию приняла и всепартийная конференция, состоявшаяся в январе 1965 г.

НФМ, возглавляемый Лалденгой, пошел еще дальше и потребовал воссоединения также «территорий мизо», входивших в состав Бирмы и Восточного Пакистана. Индо-пакистанский конфликт ускорил превращение НФМ в экстремистскую организацию. В феврале 1966 г. Фронт начал пропагандистскую кампанию и приступил к сбору оружия. Сообщения Всеиндийского радио о том, что экстремисты пользуются поддержкой Пакистана и Китая, способствовали не разоблачению их в глазах населения, а, напротив, росту их авторитета и влияния [102, с. 166] — классический пример «эффекта бумеранга»⁸. В дистрикт был направлен батальон ассамских стрелков.

В ночь с 28 февраля на 1 марта 1966 г. вооруженные отряды Национального фронта мизо совершили нападения на правительственные учреждения, задержали главу администрации и фактически захватили власть в дистрикте. Благодаря энергичным действиям армии и мерам по «перегруппировке деревень» (уже опробованным ранее в Нагаленде), восстание было подавлено. Однако обстановка не разрядилась. Численность мятеж-

⁸ «В определенных условиях население воспринимает пропаганду в смысле, противоположном ее цели... Пропаганда не вызовет ожидаемой реакции, если ее содержание не соответствует психологическому настрою аудитории. „Эффект бумеранга“ может возникнуть также у части ее, включающей различные социальные и психологические сегменты» [161, с. 573].

ников, по оценкам индийских специалистов, с февраля по декабрь увеличилась с 2 тыс. до 3 тыс. [145, с. 207]. В основном их ряды пополнялись молодыми людьми, которых привлекала перспектива повысить свой статус: каждый четвертый получал звание «офицера».

Стараясь найти решение проблемы, правительство объявило амнистию добровольно сдавшимися мятежникам (до февраля 1969 г. сложили оружие около 2400 человек [145, с. 215]), а местная организация ИНК предложила вступить в переговоры с НФМ и, к неудовольствию ассамского комитета Конгресса, преобразовать дистрикт в союзную территорию. В июле 1971 г. центральное правительство выразило готовность удовлетворить просьбу властей дистрикта и изменить его статус в рамках реорганизации СВИ.

Результаты выборов в Законодательное собрание Мизорама 1972 г. показали, что Союз мизо остается важнейшей политической силой: его кандидаты победили в 21 округе из 30, ИНК завоевал 6 мест, и 3 достались независимым. В 1973 г. в ходе кампании по расширению влияния Конгресса в северо-восточных районах, Союз мизо объединился с отделением ИНК. Согласно источникам последнего, в него вошли всего около 1 тыс. членов Союза мизо, хотя эта партия насчитывала почти 80 тыс. человек ⁹ [208, 3.VII.1974]. В дальнейшем противники слияния возродили Союз, но «какой бы пуританской и принципиальной ни была эта группа,— отмечает М. Бхаттачарья,— руководство возрожденного Союза мизо потеряло два важных качества. Оно было лишено порыва, энергии и жизнедеятельности лидеров первоначального Союза, и у него отсутствовал непосредственный контакт с массами. Оно не двигалось ни по течению, ни против него» [206, 29.IV.1979].

После капитуляции большого числа мятежников в 1972 г. центральное правительство вело с НФМ длительные переговоры. Они ни к чему не привели: сепаратисты отказывались принять главное условие — искать

⁹ Данные о численности Союза мизо, возможно, верны, но местное отделение ИНК вряд ли насчитывало 60 тыс. Иначе получается, что в 1973 г. в обеих партиях состояло 140 тыс. человек — почти половина жителей Мизорама. Это совершенно неправдоподобно, даже если иметь в виду только возрастную структуру населения, не говоря уже о прочих факторах.

решения проблемы в рамках Конституции Индии. Местное отделение ИНК все же выступало за диалог с экстремистами. Столь уступчивая позиция в значительной мере объясняется тем, что подпавшие под амнистии 1968, 1972 гг. и позже мятежники нашли убежище в Конгрессе. Сторонники Союза мизо настаивали на проведении более жесткого курса в отношении сепаратистов. Расхождения во взглядах по этому вопросу были источником серьезных разногласий в правительстве союзной территории.

Некоторое затишье сменилось активизацией движения. Если в 1972 г. от рук экстремистов погиб один человек, то в 1973 г. — 7, а за девять месяцев 1974 г. — уже 16. Число различного рода вылазок и враждебных акций возросло с 65 до 110 за девять месяцев 1974 г. [208, 10.X.1974]. По оценкам властей Мизорама, мятежников насчитывалось почти 1 тыс., а штаб-квартира находилась в Араканских горах соседней Бирмы [202, 30.VII.1974]. Войско их — «Национальная армия мизо» (НАМ) — состояло из двух бригад: «Лев», включавший четыре батальона под командованием «полковника» Замана (в пределах Мизорама), и «Кинжал» под командованием «полковника» Вантханга (в Араканских горах — 3 батальона при штабе и в Манипуре — 1 батальон). Отряды НАМ свободно передвигались по дорогам и населенным пунктам союзной территории. В некоторых местах имелись даже «коменданты», назначенные НФМ и хорошо известные властям и населению. В Айджале этот пост занимал «майор» Капчхунга, при нем находилась вооруженная охрана из 11 человек. Он периодически собирал налоги с жителей, в том числе с чиновников, свободно общался с властями и журналистами, совершал инспекционные поездки по дистрикту и как будто собирался выступить с речью в Законодательном собрании [208, 10.X.1974]. 22 октября 1974 г. «майор» распорядился, чтобы по случаю «национального дня мизо» все учреждения и магазины были закрыты, и пригрозил, что в случае неповиновения город будет занят «национальной армией» [208, 24.X.1974].

В отличие от Национального совета нага — подпольной организации — Национальный фронт мизо формально не был объявлен вне закона: центральное правительство не распространило на Мизорам Закон о предотвра-

шении незаконной деятельности. Согласно заявлению губернатора союзной территории С. К. Чхиббера, местные власти внимательно следили за ситуацией и в случае ухудшения положения готовы были обратиться к правительству с просьбой об объявлении НФМ вне закона.

Фронт лишь формально сохранял единство. Группа Лалденги, поселившегося в Карачи, вплоть до 1976 г. выступала за отделение от Индии и провозглашение независимого Мизорама. Другая фракция, которую возглавлял заместитель председателя партии Лалнунмавиа (он был убит мятежниками в больнице в 1974 г.), настаивала на предоставлении Мизораму особого статуса, наподобие статуса Сиккима (протекторат) или, в крайнем случае, Джамму и Кашмира (максимально широкая автономия). Группа Лалмавиа высказывалась за присоединение к Бирме [202, I.VIII.1974].

Разногласия ослабляли сепаратистское движение изнутри и давали основания Дели и местным властям надеяться на искоренение экстремизма в результате решительных акций. После срыва переговоров с «национальной чрезвычайной комиссией» НФМ, сформированной после освобождения Бангладеш в целях объединения мятежников Мизорама, Бирмы и Бангладеш и руководимой Мальсвамой Колони (февраль 1974 г.), правительство продлило действие закона о «беспокойных районах» еще на шесть месяцев и приступило к операциям по прочесыванию. Необходимость в подобной мере возросла в связи с тем, что на союзную территорию, по официальным источникам, проникли около 400 вооруженных разакаров и чакма из района Читтагонгских и Араканских гор [202, 17.IX.1974]. Параллельно власти пытались установить связь со штабом мятежников в Бирме и учредили общественный комитет (типа Совета мира в Нагаленде) — Консультативный орган мира (КОМ), лидерами которого стали глава пресвитерианской церкви Мизорама Зайрама и председатель местной организации ИНК Л. Тханхавла.

Эта мирная инициатива осталась без ответа. Лалденга в конце 1974 г. провел реорганизацию: распустил «национальную чрезвычайную комиссию», которая выполнила свою задачу, предложил пост председателя НФМ Чонгавале — заместителю председателя подпольного правительства, за собой же сохранил посты пред-

седателя «правительства» и «министра иностранных дел» [202, 18.XI.1974]. Судя по дальнейшим событиям, усилия Лалденги обеспечили господство «ястребов» в лагере экстремистов. 6 декабря НФМ распространил листовки, содержавшие требование, чтобы все «ван», т. е. немизо, до конца года покинули Мизорам [208, 11.XII.1974]. Этот ультиматум напугал население, несмотря на меры властей по обеспечению безопасности. 13 января 1975 г. мятежники совершили одну из самых дерзких акций за всю историю сепаратистских движений в СВИ: среди бела дня подъехали на джипе к управлению полиции Айджала, вошли в помещение и расстреляли трех высших чиновников полиции — генерального инспектора Г. С. Арья, его заместителя и главу особого отдела. Они были выходцами из других районов Индии: Уттар-Прадеша, Западной Бенгаллии, Карнатаки. Убийцы уехали на том же джипе; позже его обнаружили на окраине города.

Акция в Айджале вызвала панику в Мизораме и осложнила ситуацию в Маиппуре, Нагаленде, Трипуре. Около тысячи немизо в течение нескольких дней покинули союзную территорию. В административный центр ее прибыл министр внутренних дел. Здесь и в других населенных пунктах власти ввели комендантский час и вызвали военные подкрепления.

24 января полиция обнародовала имена террористов: «капитана» НАМ Лалхлея, недавно назначенного новым «комендантом» Айджала вместо Капчхунги, и двух его помощников. Некоторые документы, изъятые у лиц, предположительно причастных к убийству, свидетельствовали о том, что в апреле 1974 г. готовилось покушение на губернатора СВИ. Индийская разведка сообщала, что мятежники снабжены оружием китайского и пакистанского производства, поддерживают связи с церковными кругами некоторых стран Запада и получают помощь от сепаратистов нага и качинов, а также имеют своих сторонников среди чиновников союзной территории. Общая численность их оценивалась в 1500 человек [202, 25.I.1975].

В поисках преступников полиция предприняла репрессивные шаги — до 3 февраля арестовала 105 подозрительных лиц, включая бывшего коменданта Айджала — «майора» Капчхунгу, который скрывался в доме

чиновника департамента общественных работ. 6 марта в перестрелке погиб «капитан» Лалхлея.

Убийство высших полицейских чинов и последовавшие за ним полицейские акции, введение комендантского часа накалили атмосферу. Консультативный орган мира практически прекратил существование. Общественное мнение и руководство местного отделения ИНК возражали против жестких мер, от которых больше страдало население, чем мятежники. Индийские обозреватели отмечали, что в эти месяцы влияние ИНК здесь резко упало. Зато заметно активизировался Комитет прав человека, основанный бригадиром индийской армии в отставке Т. Сайло. Он видел свою задачу в просвещении мизо по вопросам прав человека и разоблачении «преступлений» войск безопасности. В течение 1974 г. он собрал факты, касающиеся правонарушений, которые допускали войска, и материалы (объемистый том) направил центральному правительству. В апреле 1975 г. по инициативе Комитета была созвана конференция представителей деревенских советов и провозглашено образование новой партии — Народной конференции (НК).

Эта партия, возглавляемая Т. Сайло, сформулировала две важнейшие цели: решение проблемы мизо и объединение этноареала мизо и родственных групп. В отличие от руководителей местной организации Конгресса лидеры НК считали, что не следует преувеличивать роль разногласий в лагере мятежников и создавать рекламную шумиху: переговоры возможны лишь с участием Лалденги и должны быть секретными. Они полагали также, что присоединение территории хмаров, входящей в состав Манипура, гор Джампуи, населенных реанг (северная часть Трипуры), и части Качара, т. е. политико-административное объединение этноареала мизо, лишило бы мятежников одного из главных, если не главного, аргументов, поскольку формально НФМ не настаивал на отделении от Индии [208, 4.VI.1975]. Власти Мизорама, которые раньше не ставили вопроса о реорганизации, опасаясь, что притязания на территорию трех соседних штатов могут воспрепятствовать достижению основной цели — статуса штата, в начале июня 1975 г. также высказались за присоединение этноареалов мизо в Манипуре, Трипуре и Качаре [208, 4.VI.1975].

В условиях чрезвычайного положения центральное

правительство развернуло широкое наступление против банд мятежников. 6 августа 1975 г. НФМ и НАМ были объявлены вне закона. В публичном уведомлении указывалось, что НФМ: 1) открыто провозгласил своей целью образование независимого Мизорама, 2) создал организацию и вооруженные силы для достижения этой цели, 3) совершал вооруженные нападения на войска безопасности, правительство и граждан и 4) поддерживал контакты с зарубежными странами для получения финансовой и военной помощи и получал такую помощь [208, 7.VIII.1975]. Был арестован Т. Сайло.

Меры, принятые армией и гражданской администрацией, ускорили процесс разложения подполья. Добровольно сдались властям относительно большие группы мятежников: 63 человека 10 сентября, 101—19 ноября. По заявлению главного министра Мизорама Чхунги, усиленно осуществлялась перегруппировка деревень [208, 3.XII.1975].

Это заставило руководство подполья вступить в переговоры с центральным правительством, чтобы решить проблему мизо в рамках Конституции Индии. После предварительных контактов Лалденга с семьей в январе 1976 г. вернулся из ФРГ в Дели. Заручившись поддержкой лидеров сепаратистов (конвенция в Калькутте 24 марта — 1 апреля 1976 г.), он вел длительные закрытые переговоры с представителями союзного правительства и 1 июля подписал соглашение о признании Мизорама неотъемлемой частью Индии, прекращении насильственной борьбы, капитуляции всех вооруженных отрядов и сдаче оружия [203, 17.III.1977].

В соответствии с пунктами соглашения войска безопасности временно (до октября 1976 г.) прекратили операции против мятежников. Лидеры НФМ не торопились выполнять взятые на себя обязательства: в течение года добровольно сдались всего 165 мятежников [208, 10.VI.1977]. Используя ситуацию, НФМ начал вербовку новых добровольцев и сбор средств, открыл лагеря в Читтагонгских горах Бангладеш и отправил несколько групп для прохождения военной подготовки и приобретения оружия в Китай. В это время оттуда вернулись около 100 человек и через союзную территорию ушли в лагерь, расположенный в Читтагонгских горах [203, 17.III.1977]. В начале 1977 г. Лалденга, который нахо-

дился под домашним арестом в Дели, передал в Мизорам магнитопись своей речи с призывами продолжать борьбу, а после отмены чрезвычайного положения вообще отверг соглашение на том основании, что подписал его якобы по принуждению [203, 9.VII.1977]. Центральное правительство со своей стороны не разрешило ему возвратиться домой. Премьер-министр Морарджи Десаи так сформулировал позицию кабинета на встрече с Лалденгой в августе 1977 г.: «Вы должны сложить оружие. Если вы сложите оружие, мы простим вас и забудем все. Если нет — мы арестуем вас и накажем должным образом» [208, 29.X.1979]. В марте 1978 г. переговоры с лидерами НФМ были прекращены.

11 мая правительство Мизорама во главе с Чхунгой подало в отставку в связи с истечением срока полномочий, и было введено президентское правление. Из-за активизации подпольной деятельности выборы прошли только через год и закончились победой Народной конференции, завоевавшей 23 места в Законодательном собрании и далеко опередившей ИНК (4 места); 3 мандата достались независимым кандидатам. НК сформировала правительство во главе с Т. Сайло.

Власть Народной конференции, хотя организация обладала большинством почти в $\frac{3}{4}$ в Законодательном собрании, оказалась крайне непрочной. Пропагандистская кампания Лалденги против главного министра уже через пять месяцев привела к расколу легислатуры. Разногласия вызвал вопрос об отношении к различным группам подполья. Противники Т. Сайло, воодушевляемые бывшим председателем партии Сокхлианой, образовали совещательный комитет и объявили себя «подлинной» Народной конференцией. В Законодательном собрании эту группу возглавил, как ни парадоксально, спикер Тхангридема, по поводу чего премьер-министр Морарджи Десаи резонно заметил, что спикеру следовало бы уйти со своего поста, прежде чем включаться в фракционную борьбу [209, 10.XI.1978]. Раскол НК привел к отставке правительства и введению президентского правления (11 ноября 1978 г.). Центральное правительство, следуя своему обязательству не злоупотреблять президентским правлением, назначило внеочередные выборы на апрель 1979 г. На выборах вновь победила Народная конференция (А) во главе с Т. Сайло: она

получила большинство мест (18 из 27); Народная конференция (В), как была названа отколовшаяся фракция, довольствовалась четырьмя мандатами.

Правительственный кризис в Мизораме убедительно показал, что политическая жизнь союзной территории зависит от событий, происходящих в лагере мятежников. Когда министр внутренних дел Чаран Сингх прервал переговоры с Лалденгой в марте 1978 г., Т. Сайло сделал ставку на командующего «национальной армией мизо», «бригадного генерала» Биакчхунгу, который участвовал в заключении делейского соглашения и считался главой умеренной группировки подполья. 28 июля на нелегальной конференции НФМ Лалденга был смещен с поста председателя и его занял Биакчхунга. В этой ситуации Т. Сайло отказался вступать в какие бы то ни было переговоры с фракцией Лалденги, чем вызвал недовольство внутри НК. Однако через месяц Биакчхунга был вынужден подать в отставку под давлением сторонников Лалденги. Исполняющим обязанности председателя стал «полковник» Колвелла, но 22 октября произошел новый переворот: руководство захватил бывший заместитель председателя Гланчхуака. Опасаясь мятежа НАМ, новый лидер отправил Биакчхунгу и Колвеллу в тюрьму. 10 января 1979 г. в результате еще одной смены власти лидером стал бывший «министр иностранных дел» Руальчхина. Раскол в рядах мятежников и удобная позиция Лалденги, который непосредственно не вмешивался в борьбу фракций, ограничиваясь призывами к единству, привели к тому, что в начале февраля 1979 г. организатор мятежа в Горах Мизо вновь стал председателем НФМ. Заместителем был избран его двоюродный брат Зорамтханга, а «национальную армию мизо» возглавил «подполковник» Тонлуйя.

Очевидно, победа «ястребов» в лагере подполья была обусловлена отказом правительства «Джаната парти» продолжать переговоры с НФМ, признать необходимость политического решения проблемы мизо и позволить Лалденге вернуться в Мизорам. Сепаратисты летом 1979 г. снова потребовали выдворения из Мизорама всех «чужаков» и отделения от Индии, в **первых** числах июля обстреливали в течение нескольких часов Айджал, совершили нападения на радиостанцию, казармы ЦРП и полицейский участок в Амарпуре (Трипура). Были раз-

работаны планы убийства губернатора и захвата важнейших населенных пунктов союзной территории. По оценкам властей, около тысячи мятежников нелегально проникли в административный центр [207, 5.VII.1979]. Террористические акции сепаратистов заставили выходцев из других районов Индии срочно выехать из Мизорама.

В ответ на террор союзное правительство 7 июля опять объявило НФМ вне закона, а Лалденга был арестован. Его обвинили в ведении войны против индийского правительства, т. е. измене (за что предусматривается высшая мера наказания), и в приобретении фальшивого паспорта. Власти союзной территории в этой ситуации приложили немало усилий, чтобы заставить капитулировать по крайней мере «умеренную» фракцию подполья. 1 августа сложили оружие 100 человек, включая бывшего «главнокомандующего» НАМ Вантхангу и ряд других высших чинов. Через 15 дней сдались еще 105 человек во главе с «бригадным генералом» Биакчхунгой. Его примеру последовали бывший заместитель председателя НФМ М. Колони, «капитан» Лалсанглиана — старший сын Т. Сайло — и бывший заместитель председателя НФМ Тланчхуака. Все они получили денежные пособия и ссуды, а Биакчхунга указом президента был назначен членом Законодательного собрания Мизорама. Главный министр Т. Сайло наметил проведение мер, направленных на изоляцию оставшихся мятежников: воссоздание панчаятов в $\frac{1}{3}$ деревень, лишенных самоуправления вследствие перегруппировки, выплату компенсации жителям, пострадавшим от операций войск (30 млн. рупий, по оценке Т. Сайло; 2,17 млн. рупий, по подсчетам министерства внутренних дел) и др. [203, 10.VIII.1979]. Д-р М. Арам, глава Совета мира Нагаленда, выступил с предложением о создании аналогичного органа для возобновления переговоров с подпольем мизо [208, 21.VII.1979].

К концу 1979 г. практически все, кто ранее находился под началом Биакчхунги, сложили оружие. Группы мятежников в джунглях Мизорама и за пределами Индии оказались без опытных командиров, но сохраняли верность своему вождю. «Как стало известно из достоверных источников,— писал индийский обозреватель,— сепаратисты готовы принять любое политическое реше-

ние, если оно будет достигнуто с участием Лалденги. В противном случае они намерены продолжать подрывную деятельность, которая вынуждает держать в этом отдаленном районе внушительную военную силу» [208, 24.X.1979]. Освобожденный под залог Лалденга обвинил в срыве переговоров правительство «Джаната парти». Он потребовал преобразования Мизорама в штат, обладающий, наподобие Кашмира или Нагаленда, особым статусом [208, 1.XI.1979; 209; 9.XI.1979]. Лидер НФМ заявил, что, несмотря на выдвинутые против него обвинения и угрозу смертной казни, он не уедет из Индии, не добившись «политического решения» проблемы мизо [203, 10.XI.1979].

Нормализация обстановки в значительной степени затруднена из-за скрытого соперничества между Т. Сайло и Лалденгой. По единодушному мнению индийских обозревателей, они оба много постарались, чтобы ослабить позиции друг друга (расколы в Народной конференции и в Национальном фронте мизо). Сообщалось, что главный министр возражал против переговоров с НФМ и возвращения Лалденги.

Правительство ИНК(И) целенаправленно работает над решением проблемы мизо — заключило новое соглашение с Лалденгой о прекращении огня и позволило ему посетить штаб-квартиру сепаратистов. Однако те выдвинули нереальные или неприемлемые требования: смещение правительства Т. Сайло и объединение всего этноареала мизо, включая часть территории Бирмы. На данном этапе едва ли можно говорить о каком-либо «окончательном» решении этой проблемы. Процессы этнической консолидации, борьба за пересмотр политико-административных границ и политическая борьба при сложности социально-экономических проблем остаются постоянным источником межэтнических конфликтов, которые в Мизорама, как и в других районах СБИ, легко принимают крайние формы.

Глава 7

ПОЛИТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ ИНДИИ В 70-е ГОДЫ

Трипура

Штат Трипура, образованный в результате реорганизации северо-восточных районов Индии в 1971 г., по своим социально-экономическим условиям заметно отличается от остальных «малых» штатов СВИ и во многих отношениях сходен с «равнинными». В колониальный период он был тесно связан с соседними восточными районами Бенгалии: здесь не было «внутренней линии» и прочих ограничений, затруднявших контакты и миграцию. В 30-е годы в Трипуре возникло отделение ИНК, после провозглашения независимости Индии большим влиянием пользовались коммунисты, которые на выборах в 1957 г. завоевали 15 мест, а в 1962 г. — 12 (из 30). Горные племена Трипуры и их политические организации активизировались к концу 60-х годов, однако они не принимали участия в движении за предоставление союзной территории статуса штата. Это определялось прежде всего этнической ситуацией и экономическими проблемами.

По размерам территории (10 477 кв. км) Трипура занимает последнее место среди штатов СВИ, но по числу жителей (2060 тыс. в 1981 г.) уступает лишь Ассаму. Для нее характерны высокие темпы прироста населения — в 1951—1971 гг. оно увеличилось в 2,4 раза. Столь значительное увеличение является в первую очередь следствием интенсивной иммиграции: в 1961 г. переселенцы из других штатов и из-за рубежа составили 36,5% жителей Трипуры [93, с. 13]; беженцев из Восточного Пакистана на март 1965 г. насчитывалось 320 тыс. [126, с. 26]. Средняя плотность населения достигает 194 человек на кв. км; она гораздо выше (ок. 325 на кв. км)

в равнинной части, на которую приходится менее 40% площади штата: тут проживают почти 1,3 млн. человек.

Аграрная перенаселенность — главная социально-экономическая проблема Трипуры. Почти 60% ее территории занято лесами, и обрабатывается лишь 31,4% площади, в то время как соответствующий показатель для всей Индии — 52% [200, ежегодник 1972, с. 193]. В результате подавляющая масса крестьян владеет чрезвычайно мелкими земельными участками: из 250,1 тыс. хозяйств лишь 4 тыс. имели наделы более 5 га, средние размеры мелких участков 45% хозяйств — 0,24 га [126, с. 28]. В отличие от других штатов региона здесь существенную часть сельского населения составляют безземельные сельскохозяйственные рабочие — по различным оценкам, от 45 до 100 тыс. [208, 3.IV.1976; 9.VIII.1975]. Быстрыми темпами растет безработица: число зарегистрированных безработных увеличилось с 13 тыс. в 1966 г. [126, с. 30] до 60 тыс. в 1978 г. [206, 30.VII.1978]. Доход 68% жителей штата ниже официально признанного прожиточного минимума [126, с. 33]; доход на душу населения в период 1960—1970 гг. даже несколько сократился.

На этом фоне достижения Трипуры выглядят весьма скромно. За годы независимости заметно возросло производство зерновых (с 135 тыс. т в 1951 г. до 266 тыс. т в 1971/72 г.), картофеля, сахарного тростника, джута. Значительны успехи в развитии энергетики, транспорта (протяженность дорог увеличилась с 80 км в 1949 г. до 3 тыс. км в 1972 г.), систем здравоохранения, просвещения. В 1970/71 г. в штате действовало около 1700 общеобразовательных школ, в которых обучались более 220 тыс. детей, в шести колледжах занимались почти 6,8 тыс. студентов [126, с. 20—25]. Темпы развития образования значительно опережали темпы роста числа рабочих мест, следствием чего явилась безработица среди выпускников учебных заведений.

Социально-экономические противоречия в Трипуре в немалой степени совпадают с этническими различиями, и это, естественно, влияет на политические процессы. Положение «зарегистрированных племен» (28,95% населения штата в 1971 г.) существенно не отличается от положения племен в равнинных районах Индии — Бихаре, Андхре и других штатах. Бенгальцы ($\frac{2}{3}$ населения) доминируют во всех сферах экономической, политической

и общественной жизни. Превращение отсталых групп автохтонов в меньшинство обуславливает переход «племенных земель» в руки преобладающего большинства. Наблюдается процесс санскритизации племен, в результате которой они, по сути, становятся племенами-кастами, занимающими низшие ступени кастовой иерархии. По материалам переписи 1961 г., около 88% жителей, отнесенных к категории «зарегистрированных племен» (практически все трипури, халам, джаматна, ноатия, реанг), отмечены как индусы; христиан здесь всего 9,6 тыс., это преимущественно поселившиеся в штате мизо и гаро и местные куки; некоторые этносы (чакма и магх) исповедуют буддизм.

Таким образом, разная конфессиональная принадлежность не играет роли этноразличительного фактора и главной причиной напряженности межэтнических отношений служат социально-экономические факторы. Согласно неофициальным оценкам, в годы независимости в руки трипурских бенгальцев легально перешла большая часть земельного фонда — около 30 тыс. га: указы махараджи о резервации племенных земель (1887 и 1943 гг.) фактически потеряли силу [202, 7.XII.1974]. Правительство ИНК, сформированное после победы этой партии на выборах в Законодательное собрание штата 1972 г., в целях улучшения положения беженцев и бенгальского большинства в 1974 г. приняло поправку к закону о земельном налоге и аграрной реформе, признав законными все сделки между племенным и неплеменным населением, совершенные до 1969 г. Одновременно власти штата, вопреки сопротивлению оппозиции¹, утвердили решение о дерезервации 1900 кв. миль (примерно 8,8 тыс. кв. км) племенной территории, открывая ее тем самым для бенгальцев.

Эти меры правительства явно ущемляли интересы «зарегистрированных племен» и порождали массовое недовольство. Их важнейшие общественные и политические организации — «Трипура упаджатия джуба самити» (ТУДС), «Ганамукти паришад», Федерация племенных студентов, Федерация демократической молодежи («Гантантрик джуба федерейшен»), «Упаджатия кар-

¹ В Законодательном собрании Трипуры 19 из 60 мест зарезервировано за представителями «зарегистрированных племен». В итоге выборов 1972 г. 12 таких мест получила КПИ(м) и 7 — ИНК.

мачари самити» — образовали объединенный совет и потребовали отмены этих решений. В Агартале и других населенных пунктах штата прошли массовые демонстрации. Наряду с требованиями возврата отторгнутых земель и создания резерваций были выдвинуты лозунги о признании языка кокборок одним из официальных языков штата, замене бенгальского алфавита латинским для языков племен [202, 5.X.1974], образовании автономного дистрикта или, по крайней мере, автономного района в рамках Шестого приложения.

Следовательно, выступив первоначально с сугубо экономическими требованиями, организации этнических меньшинств пытались направить борьбу в русло автономистского движения. Возглавила ее ТУДС, которая, подобно ВКГЛ, представляла собой объединение всех адиваси независимо от партийной принадлежности, в том числе членов ИНК. Однако посланцы от «зарегистрированных племен» в Законодательном собрании отказались откликнуться на призыв ТУДС — подать в отставку в знак протеста против политики властей штата.

Размежевание политических сил в Трипуре сравнительно слабо отражает социальную структуру общества, поэтому внутри- и межпартийные конфликты из сугубо конъюнктурных соображений зачастую исключают возможность совместных действий за удовлетворение тех или иных социально-экономических и политических требований. В районах, населенных племенами, наибольшим влиянием пользовалась КПИ(м), но во время волнений адиваси в 1974 г. она направила свои усилия прежде всего на то, чтобы сорвать движение, которое возглавила ТУДС [208, 3.X.1974]. Штатовскую организацию ИНК в ситуации, когда нужно было принять неотложные меры, раздирали внутренние противоречия: оппозиция в Законодательном собрании добивалась (главным образом в Дели) смещения главного министра С. М. Сенгупты, сводя с ним счеты. В конце концов местный комитет ИНК был распущен и для разбирательства внутрипартийного конфликта в Агарталу прибыла Пураби Мукхерджи, генеральный секретарь ВИКК.

Следующая акция правительства Трипуры — решение сократить число мест, зарезервированных в ассамблее, с 19 до 17 — еще больше обострила обстановку в штате. ТУДС провела кампанию гражданского непови-

новения, пригрозила силой вынудить представителей племен в Законодательном собрании подать в отставку и объявила о своем намерении начать с марта 1975 г. вооруженную борьбу, если ее требования не будут удовлетворены. Она призвала адиваси захватывать свои бывшие земли и сообщила о формировании «Трипури сена» и «Трипурешвари сена» — мужских и женских вооруженных отрядов [202, 9.I.1975]. Адиваси-конгрессисты в Законодательном собрании штата с некоторыми оговорками поддержали ТУДС, направив губернатору и премьер-министру письма, в которых настаивали на восстановлении резервированного племенного района и применении к племенным районам Трипуры Шестого приложения [202, 9.I.1975].

Правительство штата не пошло на уступки. В октябре 1974 г. 28 лидеров, включая председателя ТУДС Драокумара Реанга, были арестованы. Власти считали, что создание автономного племенного дистрикта может привести к возникновению сепаратистского движения за образование «Горного штата». К тому же оно неосуществимо ввиду того, что племена ни в одном из дистриктов не составляют большинства. Возвращение земель адиваси означало бы необходимость сгонять бенгальцев и породило бы не менее трудную проблему. Использование латинского алфавита для племенных языков затруднило бы работу администрации [202, 14.I.1975]. Правительство штата не возражало против преподавания на этих языках в начальных школах. Оно сообщило о программе переселения племенных жителей на вновь осваиваемые земли — главным образом за счет средств, предоставленных центральным правительством и Северо-восточным советом [202, 9.XI.1974].

Волнения племен и осложнение обстановки в связи с засухой и голодом, который достиг, по признанию официальных лиц, «беспрецедентных масштабов» [208, 26.V.1975], привлекали особое внимание центра. В январе 1975 г. в Агарталу приезжал министр внутренних дел К. Б. Редди, изучалась возможность распространения на горные районы пунктов Пятого приложения, хотя главный министр С. Сенгупта категорически возражал против этого [202, 7.II.1975].

Введение чрезвычайного положения положило конец политическому кризису. Власти Трипуры приняли ряд

мер, пытаясь повысить уровень жизни племен и беднейших слоев населения. Согласно сообщениям официальных источников, была оказана помощь крестьянам, попавшим в долговую кабалу, распределено среди 37,2 тыс. безземельных сельскохозяйственных рабочих 40,1 тыс. га земли [208, 3.IV.1976]. Эти шаги содействовали успеху ИНК на парламентских выборах в марте 1977 г.: кандидат Конгресса одержал победу в одном из двух округов, а во втором ненамного уступил представителю КЗД. КПИ(м) потеряла оба мандата.

Победа на парламентских выборах не способствовала, однако, сплочению трипурской организации ИНК. Хотя в Законодательном собрании она располагала большинством в $\frac{2}{3}$, массовое бегство конгрессиетских депутатов в КЗД обусловило падение правительства ИНК. Коалиция КПИ(м) — КЗД (позже «Джаната парти») была крайне непрочной: за семь месяцев сменились два кабинета, и в итоге было введено президентское правление (5 ноября 1977 г.).

В декабре состоялись выборы в Законодательное собрание штата. Они продемонстрировали разочарование избирателей политикой партии «Джаната» и ИНК. Левый фронт, созданный под эгидой КПИ(м), получил 56 мест, а остальные четыре места заняли представители ТУДС. В сформированное 5 января 1978 г. правительство Левого фронта вошли восемь членов КПИ(м), включая главного министра Нирена Чакраворти, и по одному от РСР и «Форвард блока». Трипурская организация «Джаната парти» фактически распалась.

После отмены чрезвычайного положения движение этнических меньшинств возобновилось с новой силой. 10 октября 1977 г. ТУДС провела массовую сатьяграху в Агартале, выдвинув четыре требования: создание автономного дистрикта, введение языка кокборок в качестве средства обучения в школах, возвращение земель, перешедших во владение бенгальцев нелегальным путем, и выделение мест на государственной службе для «зарегистрированных племен» пропорционально численности населения [209, 23.X.1977]. Аналогичные пункты были включены в предвыборный манифест Левого фронта [203, 1.I.1979]. КПИ(м) также созывала митинги, стремясь ослабить влияние ТУДС в горных районах.

Победа блока во главе с КПИ(м) открывала возмож-

ности для удовлетворения требований этнических меньшинств. ТУДС и другие общественные и политические организации племен возобновили свою кампанию. Но премьер-министр Морарджи Десаи отказался предоставить племенам Трипуры автономию в рамках Шестого приложения и предложил властям решить вопрос о самоуправлении на основе полномочий, которыми располагают штаты, согласно Седьмому приложению [209, 8.I.1979]. Тогда организации, возглавляемые ТУДС, призвали население к несотрудничеству с правительством Левого фронта и объявили о намерениях сформировать в горных районах параллельное правительство — «совет автономного дистрикта» [203, 14.I.1979]. По некоторым сообщениям, лидеры племен открыто советовали приобретать оружие в соседних районах [203, 1.I.1979].

Власти Трипуры осудили кампанию ТУДС, заявили, что она инспирирована христианскими миссионерами, и сообщили, что сессия Законодательного собрания рассматривает законопроект о создании совета автономного дистрикта, как предложено премьер-министром, и приняты меры по возврату незаконно захваченных земель.

Эти решения правительства Левого фронта были категорически отвергнуты практически всеми политическими партиями: ИНК(И), ИНК, «Джаната», КЗД. Руководители ТУДС после переговоров с главным министром отказались от своих планов создания параллельного правительства и обещали поддержать законопроект в легислатуре штата. В условиях поляризации политических сил особую активность проявили коммуналистские организации — «Амра бангали» («Мы — бенгальцы»), «Анада марга», РСС. В середине февраля 1979 г. в Трипуре впервые побывал глава последнего Баласахей Деорас. «Амра бангали» провела массовую забастовку (бандх) в день открытия сессии Законодательного собрания, в Агартале произошли столкновения между бенгальцами и племенными жителями, в результате чего около 90 человек были ранены. Демонстрацию против законопроекта о создании автономного дистрикта организовало также местное отделение ИНК.

26 марта 1979 г. Законодательное собрание единогласно приняло Закон о совете автономного дистрикта племенных районов Трипуры. Этот акт, принятый в соответствии с пунктом 5 второго списка Седьмого прило-

жения², предусматривает создание автономного дистрикта, включающего этноареалы племен. Из 470 тыс. жителей его 71,37% относится к категории «зарегистрированных племен». В компетенцию совета было намечено передать большинство вопросов, перечисленных в Шестом приложении: распределение и использование земельных угодий, управление лесами (за исключением зарезервированных), использование каналов и русл в сельскохозяйственных целях, регулирование практики переложного земледелия, деятельность сельских комитетов и др. [206, 28.I.1979; 15.IV.1979]. Все же образование подобного дистрикта неадекватно предоставлению автономии в рамках Шестого приложения: советы автономных дистриктов, которые, согласно последнему, могут быть созданы (и функционируют) в Ассаме, Мегхалае и Мизораме, обладают законодательными полномочиями, гарантированными Конституцией Индии. Создание автономного органа в рамках местного самоуправления является сугубо внутренним делом штата и может быть отменено Законодательным собранием (например, в случае прихода к власти другого правительства). Но ТУДС поддержала законопроект, ибо для распространения на Трипуру Шестого приложения необходимо внесение поправки к конституции, а это исключалось ввиду негативной позиции «Джаната парти» и большинства оппозиционных партий (кроме коммунистов).

Борьба вокруг вопроса об автономии была острой. «Амра бангали» активно выступала против автономного дистрикта и устраивала беспорядки в населенных пунктах штата. В результате столкновений между ее членами и коммунистами 9—10 июня 1979 г. в Телнапуре было убито 19 человек и сожжено 50 домов [207, 13.VI.1979], 16 июля «Амра бангали» провела демонстрацию протеста в Агартале.

Оживление деятельности этой организации, насчитывающей, согласно заявлением ее руководителей, в трипурском отделении 20 тыс. человек, безразличное или даже враждебное отношение к требованиям племен со стороны общендийских партий, если не считать Левого фронта и КПИ, ускорили разброд внутри ТУДС. После

² Этот список содержит перечень вопросов, переданных в исключительную компетенцию штатов. В пункте 5 говорится о «местном самоуправлении».

того как был принят Закон об автономном дистрикте и тем удовлетворены основные требования племенного населения, руководство этой партии оказалось не в состоянии выдвинуть позитивную программу дальнейших социально-экономических преобразований. Вместе с тем, стремясь сохранить собственное политическое лицо, оно не пошло на полное сотрудничество с правительством, возглавляемым КПИ(м). В ТУДС наметился глубокий раскол между умеренными и экстремистскими элементами. Входящая в его состав Организация национальных добровольцев племен Трипуры, возглавляемая Виджой Кумар Рангкхалом, выступила с лозунгом достижения «независимости» горных районов штата путем вооруженной борьбы, установила связи с сепаратистами мизо и отправила группу из 60—65 человек для военной подготовки в лагерь НФМ в Бангладеш [207, 31.X.1979, 8.XI.1979; 203, 4.XI.1979]. Хотя сепаратисты в Трипуре до 1980 г. не совершили крупных подрывных акций, сам факт появления нового очага сепаратизма в СВИ и стремление к координации деятельности мятежных групп разной этнической принадлежности указывает на весьма опасную тенденцию.

На внеочередных парламентских выборах кандидаты КПИ(м) одержали убедительную победу. Это свидетельствует о том, что политика правительства Левого фронта и такие меры, как наделение земель сельскохозяйственных рабочих, освобождение от налогов беднейших крестьян, аннулирование задолженности, создание кооперативов, введение бесплатного среднего образования, находят поддержку основной массы населения, в том числе и племенного. Последовательное осуществление правительственной программы, касающейся проблемы племен, в сложившейся ситуации — единственный путь к предотвращению усиления напряженности межэтнических отношений в штате³.

Автономистское движение в Трипуре вызвано в основном социально-экономическими причинами: националистическая идеология, отражающая процесс этнической

³ Насколько взрывоопасна этнополитическая ситуация в Трипуре, показали столкновения между населением племен и бенгальцами в июне 1980 г. По числу жертв (ок. 1,5 тыс. убитых и пропавших без вести) это был самый крупный межэтнический конфликт в независимой Индии.

консолидации и формирование средних слоев, здесь играет меньшую роль, чем у нага, кхаси, гаро и мизо. Создание автономного дистрикта может способствовать некоторому ускорению темпов экономического и культурного развития меньшинств и преодолению разрыва между «зарегистрированными племенами» и бенгальским большинством. Руководство КПИ(м) настаивает именно на таком решении проблемы. В предвыборном манифесте этой партии (1979) говорилось: «Компактные районы с значительным удельным весом племенного населения должны быть объявлены зарегистрированными районами. Необходимо, чтобы конституция предусматривала местную автономию подобных районов и создание местных правительств внутри штатов в целях осуществления экономического, политического, культурного и языкового развития адиваси и предоставление экономической помощи для преодоления их отсталости» [108, с. 30—31].

Образование автономного дистрикта в рамках местного самоуправления является компромиссным решением, и есть все основания ожидать, что движение племен Трипуры раньше или позже добьется своей главной цели — автономии, предусмотренной Шестым приложением для других территорий СВИ. Объединение районов, населенных племенами, в пределах автономного дистрикта не меняет заметно этнической ситуации и основного направления этнопроцессов в Трипуре: ослабление межэтнического антагонизма, разжигаемого коммуналистскими организациями типа «Амра бангали», может лишь ускорить ассимиляцию меньшинств бенгальцами, доминирующими в штате во всех отношениях. Это не исключает слияния отдельных мелких этнических групп с более крупными соседними общностями, в особенности с трипури, которые складываются в ассоциированные народности.

Манипур

Штат Манипур (территория 22 356 кв. км) занимает горный район между Нагалендом на севере и Мизорамом на юге. На востоке он граничит с Бирмой, на западе — с дистриктом Качар и Объединенным дистриктом Горы Северный Качар и Микир. Разделен штат на пять

дистриктов: Центральный (долина Имфала), Северный, Западный, Южный и Восточный. В 1981 г. число жителей достигало 1433,7 тыс. Средняя плотность населения относительно невелика — 64 человека на кв. км, — но колеблется в очень широких пределах: от 150 в долине Имфала до 10 в Западном дистрикте. В долине Имфала, площадь которой всего 1400 кв. км, сосредоточено до $\frac{2}{3}$ населения, а горные районы, на которые приходится 90% территории штата, заселены чрезвычайно слабо.

Для Манипура характерны очень высокие темпы прироста населения. (В 1881 г. примерно в тех же границах проживали лишь 221 тыс. человек.) В 1951—1961 гг. он составлял 3,5% ежегодно, тогда как в среднем по стране — 2,15%. В отличие от Трипуры роль иммиграции в демографических сдвигах здесь очень незначительна: в 1961 г. переселенцев из других штатов насчитывалось 18,3 тыс. человек, из других стран Азии — 8 тыс., главным образом из Непала (3,6 тыс.), Пакистана (3 тыс.), Бирмы [94, с. 78]. Очевидно, столь высокий естественный прирост объясняется рядом факторов — слабой урбанизацией (только 10% горожан), улучшением медицинского обслуживания, соотношением полов (на 1000 мужчин 1015 женщин), возрастной структурой населения (доля женщин в возрасте 15—59 лет около 26%), индуистскими традициями.

Манипур — отсталый аграрный район, но в СВИ он относится к числу сравнительно наименее перенаселенных. В 1961 г. на каждое крестьянское хозяйство приходилось в среднем 4,8 га обрабатываемой площади — в 2,5 раза больше, чем в среднем по Индии. Крупных кулацких хозяйств было немного (0,3%), и более $\frac{2}{3}$ хозяйств имели участки 0,25—2 га [94, с. 239]. Подавляющее большинство крестьян (74,4%) платили налог непосредственно государству [94, с. 245]. Безземельные сельскохозяйственные рабочие составляли 0,3% (в Трипуре — 2,9, в Нагаленде — 0,7). Важную роль продолжали играть домашние промыслы и ремесла.

В 1971 г. в штате было 370, 9 тыс. самодеятельного населения, или 34,6% общего числа жителей, и распределялось оно следующим образом: в земледелии — 248,5 тыс., обслуживании — 43,9 тыс., сельскохозяйственные рабочие — 13,5 тыс., в домашних промыслах —

34,6 тыс., торговле — 13,1 тыс., промышленности, строительстве, на транспорте — 14,7 тыс. [157, с. 14, 16, 17].

Приведенные данные свидетельствуют о сравнительно низкой степени классово-и социальной дифференциации манипурского общества (в этом отношении штат заметно уступает соседней Трипуре, но значительно опередил Нагаленд, Мизорам и Аруначал-Прадеш). Объясняется это тем, что в Манипуре, как и в некоторых других районах СВИ, товарно-денежные отношения начали складываться очень поздно, преимущественно лишь в нынешнем веке. Кроме того, основная часть обрабатываемой земли принадлежала махарадже и впоследствии была распределена государством среди крестьян. По закону об аграрной реформе 1960 г. максимальные размеры земельного владения установлены до 10 га.

Промышленность развита чрезвычайно слабо: по критериям индийской статистики, в 1961 г. в Имфале действовало 42 небольших промышленных предприятия и еще 1 за пределами столицы, причем только на 25 численность работающих превышала 20. Около 90% рабочих занято на «предприятиях», не использующих никакого источника энергии [94, с. 97]. После провозглашения независимости Индии главное внимание уделялось развитию транспорта и коммуникаций: с 1956 по 1971 г. протяженность дорог увеличилась с 960 до 2865 км, из них 1099 км с твердым покрытием [157, с. 126—127]. Открыто несколько текстильных фабрик, бумажная фабрика, ремонтные мастерские для обслуживания транспорта.

По уровню грамотности Манипур находится в СВИ на втором месте после Мизорама (38,5%, в среднем по Индии — 34,5%) [143, с. 57]. В 1970—71 г. в штате функционировало 26 колледжей, 998 средних и 1981 начальная школа, в которых обучалось более 200 тыс. человек, т. е. примерно каждый пятый житель штата [157, с. 38, 39, 42]. В 1972 г. действовало 36 типографий и выпускалось 178 газет и журналов, опубликованы более 480 книг, в том числе 280 на языке манипури, 85 на языках племен, 72 на английском [157, с. 57].

По характеру этнической ситуации Манипур в определенной мере напоминает Трипуру. Манипури, или мейтхеи, составляющие 63,2% населения штата, сосредоточены в Центральном дистрикте — 670,5 тыс. из 678,4 тыс.

В этом наиболее развитом дистрикте расположены семь из восьми городов Манипура (в Южном дистрикте есть еще Чуранчандпур с 8,7 тыс. жителей) и доля горожан достигает 21%, на него падает $\frac{9}{10}$ обрабатываемой площади, здесь находятся практически все промышленные предприятия и большинство учебных заведений. Он резко контрастирует с горными районами, населенными племенами. Различие усугубляется (в противоположность Трипуре) неодинаковой конфессиональной принадлежностью: мейтхен — индусы, тогда как в горных дистриктах преобладают христиане: в Северном они составляют 56,1%, в Западном — 77,6, в Южном — 89,1 и в Восточном — 92% населения [157, с. 180—183]. В Центральном дистрикте их всего 5,4% [94, с. 183]. Иначе говоря, христианской племенной деревне, продолжающей жить в патриархальных условиях, противопоставлено гораздо более развитое, вступающее на капиталистический путь ядро доминирующей нации, индусов по религии.

В 1961—1971 гг. доля последних несколько уменьшилась (с 61,68 до 58,97%), а процент христиан возрос (с 19,49 до 26,03%) [157, с. 15]. Это произошло в основном в результате обращения в христианство лиц, отправлявших местные культы (по классификации индийской статистики, «племенные верования»); число таких лиц сократилось с 96,7 тыс. до 87 тыс., или на 10%. В 1931 г. на долю «анимистов» приходилось 34,7% жителей княжества [94, с. 162]. Тенденции распространения христианства дают все основания полагать, что удельный вес обращенных в эту веру, не исключено, увеличится на 5—7% и достигнет $\frac{1}{3}$ численности населения штата, что в сочетании с социальными и этнолингвистическими различиями может способствовать усилению напряженности межэтнических отношений.

Важным показателем направления этнических процессов является распространение двуязычия и языковая ассимиляция. К сожалению, подробные сведения относятся к 1961 г., а этого явно недостаточно, чтобы прийти к определенным выводам. Тем не менее известно, что около половины тхало и кабун забыли свои языки и говорят на языках и диалектах соседних племен. Крупнейшие из общностей — тангкхул и хмар — почти не подвержены языковой ассимиляции. Весьма употребителен в качестве второго языка манипури: им владеет около

40% всех пайте и 20—30% тангкхул, куки, тхадо, кабуи [94, с. 145—146]. На основе этих данных допустимо сделать два предварительных заключения: 1) постепенное стирание этнолингвистических различий между некоторыми группами соседних племен может привести к возникновению новых центров этнического притяжения (этноареал тангкхул в Восточном дистрикте, хмар и пайте — в Южном); 2) доминирующее положение мейтхеев обуславливает, если не воспрепятствуют какие-либо искусственные меры, превращение крупнейших племен и их групп в ассоциированные этнические общности, тесно связанные с мейтхеем в социальной и культурной сферах.

Отмеченные особенности оказывают заметное воздействие на политическое развитие Манипура. В начальный период после провозглашения независимости Индии в этой части СВИ действовало множество узкоэтнических политических организаций и их блоков; одновременно отмечалось и вертикальное деление по социально-политическим признакам. Увеличение безработицы, особенно среди образованной молодежи, рост цен и ухудшение экономического положения большинства населения обостряют политическую борьбу и оказывают влияние на позиции партий, выражающих интересы различных этнолингвистических групп. Ключевая роль в штате принадлежит общендийским партиям — ИНК и с 1977 г. — «Джанате», однако нередко возникают ситуации, когда расстановка сил зависит от позиций «племенных партий». В этом смысле политический процесс в Манипуре обладает рядом черт, которые сближают его с такими национальными штатами, как Тамилнад и Пенджаб, где влиятельны региональные партии.

Политические организации этнических меньшинств Манипура возникли сравнительно рано — первые из них основаны еще до второй мировой войны (Тангкхульское собрание, «Кабуи самити»). В период независимого существования наибольшим влиянием пользовались Национальное собрание куки в этноареале тхадо, Ассоциация кабуи нага, Национальный союз хмаров и др. Много приверженцев в штате насчитывали Национальный совет нага и Союз мизо. Организации манипурских хмаров поддерживали требование последнего — интеграцию этноареала мизо, разделенного между дистрикта-

ми Горы Лушай и Горы Северный Качар, Манипуrom и Бангладеш. Совет нага Манипура (СНМ), созданный в 1957 г., избрал организации тангкулов, мао, марам, зелиангроинг. Он выступал за привилегии традиционных вождей и объединение территории нага в составе Нага-ленда (христиане) или в отдельном штате (анимисты) [102, с. 196]. Вражда между куки и нага, имеющая давние традиции, исключала возможность слияния политических ассоциаций манипурских племен: в 60-е годы между ними неоднократно происходили вооруженные столкновения, сепаратисты нага терроризировали манипурских куки. Лидеры их какое-то время вынашивали планы создания штата «Кукиленд», но в 1967 г. присоединились к мятежникам мизо.

Центральное правительство в 1971 г включило в конституцию в качестве 27-й поправки ст. 371—С, предусматривающую учреждение в Законодательном собрании штата комитета из представителей горных районов, наделенного правом давать рекомендации легислатуре и министрам по вопросам, которые касаются управления племенными районами. Губернатор северо-восточных штатов обязывался ежегодно докладывать президенту об управлении этими районами [109, с. 139]. Специальным законом ему предоставлено право образовать в Манипуре до шести дистриктов в горных районах. Советы дистриктов не наделяются законодательными полномочиями, но могут взимать некоторые виды налогов и высказывать суждения в легислатуре по поводу назначения и смены вождей, наследования имущества, браков, разводов и социальных обычаев [102, с. 213—214]. Однако такая реорганизация не была осуществлена — видимо, потому, что создание новых дистриктов при неопределенности этнических границ и притязаний на территорию Манипура со стороны политических организаций нага и мизо привело бы к обострению и без того сложной обстановки в горных районах. Важнейшим средством защиты интересов этнических меньшинств остается распределение мест в Законодательном собрании штата: горные районы представлены в легислатуре Манипура 19 депутатами (из 60).

На выборах 1972 г. ни одна партия не получила большинства мест. Кандидаты ИНК победили лишь в 17 округах, в том числе в двух горных, Народная партия Ма-

нипура (НПМ), основанная оппозиционной группой ИНК, завоевала 15 мандатов, Интеграционный совет нага победил в шести горных избирательных округах. Остальные места распределили между собой КПИ, Интеграционный совет мизо, Национальная ассоциация куки, Национальный союз хмаров, Национальный союз пайте и независимые. К власти в штате пришел объединенный фронт в составе НПМ, Интеграционного совета нага и независимых. Альянс оказался непрочным: в качестве компромиссного решения главным министром выдвинули мусульманина Мухаммед Алимуддина (НПМ); лидеры нага, обвинив власти в пренебрежении к их интересам, блокировались с ИНК. Правительство НПМ пало, и в штате было введено президентское правление.

На внеочередных выборах в феврале 1974 г. победил блок НПМ (20 мандатов) и фракции Горного союза, возглавляемой Янгмашо Шайзой (нага). В последний момент Я. Шайза объявил о разрыве союза с НПМ, но Алимуддину удалось сформировать правительство благодаря поддержке пяти депутатов Горного союза, двух представителей Национального собрания куки, трех независимых и двух социалистов. Оппозиционный Прогрессивный демократический фронт, включавший ИНК, Горный союз (фракцию Шайзы) и КПИ, располагал 25 местами.

Правительство Алимуддина продержалось до первой сессии Законодательного собрания: переход девяти депутатов на сторону оппозиции обеспечил перевес Прогрессивному демократическому фронту. 10 июля 1974 г. было создано новое правительство, которое возглавил Янгмашо Шайза. Впервые в Манипуре главным министром стал представитель горных племен — тангкхул нага. Шайза не пользовался особой популярностью у нага, поскольку защищал территориальную целостность Манипура, но его кандидатура оказалась наиболее приемлемой для равнинных лидеров, не способных образовать правительственный блок. В момент формирования правительства ПДФ имел 34 места: ИНК — 12, Демократическая партия (перебежчики из НПМ) — 9, Горный союз — 7, КПИ — 6 [208, 11.VII.1974]. В совет министров кроме главного министра вошли исключительно члены Демократической партии. В дальнейшем переход членов оппозиции в ПДФ и слияние Демократической

партии с ИНК обеспечило большинство в Законодательном собрании Конгрессу. Центральное руководство его заверило Шайзу в том, что ИНК не покинет ПДФ и войдет в состав правительства.

Но разногласия по поводу назначения министров привели к появлению блока ИНК — НПМ и падению правительства ПДФ (5 декабря 1974 г.). К власти в Манипуре пришел Конгресс, который, как отмечала газета «Ассам трибюн», «использовал Горный союз Манипура для свержения правительства НПМ г-на Алимуддина, а теперь с помощью НПМ положил конец правительству Шайзы» [199а, 4.XII.1974]. В совете министров, который возглавил Дорендра Сингх (ИНК), оказалось пять конгрессистов (четыре министра кабинета и один государственный министр) и шесть представителей НПМ. М. Алимуддин стал спикером Законодательного собрания [202, 17.XII.1974]. Вскоре число министров было доведено до 19, хотя в Индии существует неписаная норма — 10% членов легислатуры, т. е. в данном случае шесть человек [208, 27.XII.1974].

Перебежки не кончились, и ИНК получил большинство в Законодательном собрании штата. В июле 1975 г. он сформировал, по сути, однопартийный кабинет. Я. Шайза и бывший конгрессист А. Дайхо в марте 1975 г. основали новую партию — Союз гор и равнин Манипура, но в конечном счете тоже влились в Конгресс.

После прихода к власти «Джаната парти» в Законодательном собрании Манипура начались массовые перебежки в нее. Руководили ею А. Дайхо (председатель), Я. Шайза (лидер парламентской группы) и М. Алимуддин (его заместитель). В мае 1977 г. группа ИНК сократилась с 51 до 21 депутата и подала в отставку. Формально Я. Шайза как лидер большинства имел право сформировать новое правительство и заручился в этом поддержкой центра. Однако А. Дайхо настаивал на проведении новых выборов и призвал губернатора не позволять Я. Шайзе создавать «правительство перебежчиков» [203, 13.V.1977].

В июле в штате был сформирован кабинет ДП в составе двух министров: Я. Шайзы, занявшего пост главного министра, и М. Алимуддина. Это не привело к ослаблению фракционной борьбы внутри манипурской орга-

низации «Джаната парти». В октябре 1978 г. 10 членов Законодательного собрания во главе с бывшим главным министром решили вернуться в Конгресс — ИНК(И). Вновь возродилась Народная партия Манипура.

Срок полномочий Законодательного собрания истек весной 1979 г., но выборы не проводились, и правительство «Джаната парти» во главе с Я. Шайзой оставалось у власти. В знак протеста оппозиция (11 представителей ИНК(И) и 4 члена КПИ) подала в отставку. Лишь 14 ноября в связи с «упадком законности и порядка и дурным правлением» губернатор распустил Законодательное собрание Манипура, и объявил о проведении выборов в легислатуру штата одновременно с парламентскими выборами — 3 и 6 января 1980 г. [203, 15.XI.1979].

Выборы в парламент во всех горных штатах СВИ, выдвигающих лишь одного-двух представителей, не являются важным событием в политической жизни. В избирательном округе долины Имфала в острой борьбе победу одержал кандидат от КПИ Мохендра Сингх. В округе Внешнего Манипура, т. е. районах, населенных нага и куки, кандидатами выступали исключительно члены местных племен. Здесь сравнительно легко победил Н. Гузагин (куки) — кандидат от ИНК(И): за него было подано 106,6 тыс. из общего числа 361,2 тыс. голосов [208, 11.I.1980].

Голосование на выборах в Законодательное собрание явно продемонстрировало, что в Манипуре нет ни одной подлинно массовой партии. Даже крупнейшие — ИНК(И), ИНК(А), «Джаната», Народная партия Манипура — были не в состоянии выставить своих кандидатов на $\frac{1}{3}$ мест. Всего в 60 избирательных округах баллотировалось 416 человек, в том числе около 200 независимых. В итоге места распределились следующим образом: ИНК(И) — 13, «Джаната парти» — 10, ИНК(А) — 6, КПИ — 5, НПМ — 3, Национальное собрание куки — 2, КПИ(м) — 1, независимые — 19. Из видных политических деятелей штата поражение потерпел А. Алимуддин. При поддержке ИНК(А), НПМ, НСК и ряда независимых было сформировано коалиционное правительство во главе с ИНК(И). Главным министром Манипура в третий раз стал Р. К. Дорендра Сингх. Внушительная победа ИНК(И) на парламентских выборах

в этой ситуации могла содействовать устойчивости нового правительства Манипура, так как некоторые независимые члены Законодательного собрания сразу же перешли в ИНК(И), а за ними неизбежно должны были последовать и другие.

Хроника важнейших политических событий демонстрирует, что в Манипуре политическая нестабильность, обусловленная перебежками (нередко многократными) из одной партии в другую и фракционной борьбой внутри крупнейших общендийских партий, далеко превосходит среднеиндийский уровень. Очевидно, вследствие слабой классовой дифференциации социальная база основных политических организаций, действующих в долине Имфала, совпадает или различается крайне незначительно, а узкоэтнические («региональные») партии не играют самостоятельной роли ввиду доминирующего влияния крупных партий и их фракций, пользующихся поддержкой центра, и лавируют, руководствуясь исключительно соображениями политической конъюнктуры. Тот факт, что ИНК в 1975 г. смог образовать однопартийный кабинет, получив лишь 10 мандатов на выборах 1974 г., а «Джаната парти» пришла к власти вообще без выборов, с предельной ясностью свидетельствует, что в официальной политике, которая «живет своей собственной жизнью» и не отражает сдвигов в настроениях масс, интересы избирателей практически не принимаются во внимание.

Разочарование деятельностью политических партий создает атмосферу, благоприятную для возникновения экстремистских группировок. Существенная часть образованной молодежи Манипура не в состоянии найти работу: средние школы и колледжи ежегодно заканчивает множество молодых людей, а возможности трудоустройства крайне ограничены из-за отсталого, преимущественно аграрного хозяйства. Такие группы молодежи особенно подвержены влиянию экстремизма и маоизма.

Еще в конце 60-х годов возник Мейтхейский революционный комитет, выступивший с лозунгом отделения Манипура от Индии и неоднократно отправлявший нелегальные делегации в Китай и Восточный Пакистан [206; 20.VIII.1978; 203, 22.X.1979]. Так называемое революционное правительство Манипура установило связи с сепа-

ратистами нага [206, 28.I.1979]⁴. К 1975 г. правительство ликвидировало наиболее активные группы экстремистов, часть мятежников добровольно отказалась от подрывной деятельности, воспользовавшись объявленной амнистией. Однако после отмены чрезвычайного положения мейтхейские «революционеры» вновь активизировались: послали небольшую группу в Тибет, совершили ряд убийств и налетов на полицейские участки. В отличие от мятежников нага и мизо здешние экстремисты функционируют в основном в городах и подвержены сильному воздействию маоистской идеологии.

В 1978—1979 гг. в городах и деревнях неоднократно вводились чрезвычайное законодательство (Закон о беспокорных районах и др.), комендантский час; отряды местной и Центральной резервной полиции осуществляли операции. Впрочем, полицейские меры, как и в других районах СВИ, не дали ожидаемых результатов. С июня 1978 г. по октябрь 1979 г. экстремисты совершили 39 вооруженных нападений: убили 23 человека, в том числе 10 полицейских и 4 военных, потеряв при этом пятерых, ограбили несколько банков и унесли 255 тыс. рупий и значительное количество золота [203, 22.X.1979].

В связи с обострением ситуации центральное правительство 26 октября 1979 г. объявило вне закона четыре организации манипурских экстремистов: Революционный народный фронт (бывшее «революционное правительство Манипура»), Народно-революционную партию Канглейпак и вооруженные группировки этих двух партий — соответственно «Народно-освободительную армию» и «Красную армию» [207, 27.X.1979]. Это привело к новой волне террористических актов и грабежей. Местные наблюдатели отмечали, что подполье малочисленно (около 40 «бойцов» и 200 активистов), но оно пользуется поддержкой значительной части населения и, более того, через родственников в администрации и полиции заранее получает информацию о намечаемых акциях властей [209, 5.XI.1979]. Обещанные правительством крупные награды — 25 тыс. рупий — за указание местонахождения или имени главы вожаков подполья оста-

⁴ Еще в 1970 г. отставной майор С. Р. Джори, автор ряда книг о СВИ, писал: «Сегодня они (мейтхей.— А. П.) готовы поддержать коммунистов, завтра — националистов, а послезавтра — мятежников нага» [145, с. 221].

лись не востребованными. Некоторым арестованным удалось бежать.

Националистические лозунги, в частности призывы к изгнанию из Манипура всех «маянгов» («чужаков», главным образом многочисленных беженцев из Бангладеш), находят определенный отклик у коренного населения штата, прежде всего молодежи. Отказ Дели выполнить такие требования, как официальное признание языка манипури (включение в Восьмое приложение конституции), открытие университета и сельскохозяйственного колледжа, строительство некоторых предприятий и т. д., усиливает недовольство политикой союзного правительства. Среди мейтхеев ширится движение за возрождение доиндустской культуры. Наибольшую активность в этой сфере проявляют Всемаанипурская молодежная лига и Национальный объединенный фронт освобождения («Мейтхеи маруп»). В последние годы местные националисты особенно пропагандируют идею расового родства мейтхеев, нага и мизо и выступают за единство «панмонголоидного» движения, направленного против «политики угнетения и колонизации, проводимой Дели» [209, 5.XI.1979]. По инициативе молодежных лидеров в школах и колледжах штата отменен популярный праздник, посвященный богине Сарасвати — покровительнице наук и искусств, устраивались церемонии сожжения индусских книг [206, 25.III.1979; 25.X.1979].

Этнополитическая обстановка в Манипуре способствует росту националистических настроений и ревайвалистских тенденций у мейтхеев. Нага и мизо, населяющие горные районы штата, под влиянием пропаганды сепаратистских организаций в течение длительного времени проявляли враждебность к ним, отождествляя их с равнинными индусами. Власти Нагаленда и Мизорама настаивают на «консолидации», т. е. присоединении этноареалов нага и мизо Манипура, и на этом основании предъявляют притязания на $\frac{2}{3}$ территории штата.

Центральное правительство, стремясь решить проблему сепаратизма в СВИ, выделяло больше средств на развитие Нагаленда и Мизорама, чем Манипура, считая, что лояльность индустского населения штата не вызывает сомнений. Зарождение воинствующего националистического движения мейтхеев, выступающего под лозунгами «монголоидного единства» населения региона с

требованиями присоединить к Манипуру соседние районы Бирмы и даже полностью отделиться от Индии, — следствие этнополитических, социальных и демографических процессов, проходящих в северо-восточных районах Индийского Союза.

Мегхалая

Мегхалая (территория 22,5 тыс. кв. км, население — 1 млн. человек) — единственный «двунациональный» штат Союза. По данным переписи 1961 г., в дистрикте Горы Гаро 77,42% населения составляли гаро (237,8 тыс. человек), а в объединенном дистрикте Горы Кхаси-Джайнтия (без Шиллонга — 102,4) доля кхаси (276,8 тыс.) достигла 59,89% или вместе с родственными синтенгами (54 тыс.), джайнтия (14,7 тыс.) и вар (3,8 тыс.) — 75,6%. Среди этнических меньшинств по численности выделялись бенгальцы (ок. 53 тыс. человек), ассамцы (26,3 тыс.), проживавшие в обоих дистриктах, и непальцы (29,5 тыс.), сосредоточенные в дистрикте Горы Кхаси-Джайнтия [93, с. 25]. Основные народности штата — кхаси, гаро и джайнтия (с 1972 г.) — пользуются автономией: Шестое приложение распространяется на Мегхалаю, которая делится на три автономных дистрикта.

По уровню экономического развития этот штат заметно отстает от Ассама, Манипура и Трипуры. Доход на душу населения оценивался в 1973—1974 г. в 381—400 рупий [190, с. 34], около 90% бюджета покрывалось из средств, предоставляемых центральным правительством, постоянно испытывается нехватка продовольствия. Главные культуры — рис (ок. 100 тыс. га, производство в 1971—1972 г. — 125 тыс. т), картофель (16 тыс. га, 78 тыс. т), кукуруза (15 тыс. га). Немаловажную роль в экономике имеет производство товарных и технических культур: хлопка (ок. 10 тыс. т в год), джута, ананасов, бананов, апельсинов и других фруктов. До 1947 г. большая часть их поступала на рынки бенгальских дистриктов, впоследствии отошедших к Восточному Пакистану; разрыв традиционных экономических связей тяжело отразился на хозяйстве кхаси и гаро. Правительство Мегхалая принимает специальные меры по улучшению положения населения в южных районах

штата, где проживает около 230 тыс. человек: по пятому пятилетнему плану на эти цели было выделено 37,8 млн. рупий, по шестому намечается израсходовать 149,5 млн. рупий [209, 21.XI.1978]. Власти пытаются добиться также восстановления торговли с Бангладеш.

Потребности товарного хозяйства (в колониальный период вывоз в восточнобенгальские дистрикты оценивался в 25 млн. рупий в год) после раздела делают особенно острой проблему транспорта и коммуникаций. В программах экономического развития на дорожное строительство выделялось около трети плановых ассигнований (по четвертому плану — 121,5 млн. из 380 млн. рупий) [190, с. 41], в результате чего протяженность дорог в 1973 г. достигла 3500 км. Для создания системы коммуникаций, удовлетворяющей потребности хозяйства, дорожная сеть должна быть увеличена в 2—3 раза.

Трудности сообщения, отдаленность от рынков сбыта и нехватка квалифицированных кадров препятствуют использованию природных богатств: лесов, гидроресурсов, полезных ископаемых. До образования отдельного штата на территории современной Мегхалая действовали одно государственное предприятие — цементный завод в Черрапунджи — и ряд небольших частных фабрик пищевой и легкой промышленности. Основанная в 1971 г. Корпорация промышленного развития Мегхалая оказывает помощь частным предпринимателям в строительстве мелких и средних объектов. Большинство рабочих — выходцы из других штатов.

Создание Мегхалая и отъезд почти всех ассамских чиновников ослабили напряженность межэтнических отношений на уровне элит, однако социальные различия между пришлым и местным населением сохранились. В городах живут преимущественно бенгалцы и ассамцы, им принадлежат торговые и промышленные предприятия, они же составляют слой чиновничества средних звеньев. Правительство штата приняло закон, по которому места на государственной службе резервируются за отдельными этническими общностями: по 40% для кхаси-джайнтия и гаро, 5% для представителей других «зарегистрированных племен», 15% — для «неплеменного населения» [202, 15.VIII.1974]. На практике эти нормы нечасто соблюдаются, что вызывает протест образованной молодежи. Однако в целом межэтнические отно-

шения здесь не принимают таких острых форм, как в Трипуре и Манипуре, и не столь непосредственно влияют на политическое развитие.

Первое время на политической арене штата доминировали три партии: ВКГЛ (включавшая Племенной союз Восточной Индии и националистические партии кхаси, гаро и джайнтия), ИНК и Народно-демократическая партия Горного штата (НДПГШ). На выборах 1972 г. в Законодательное собрание и советы автономных дистриктов ВКГЛ одержала победу (только в совете дистрикта Горы Кхаси она получила 11 мест и уступила НДПГШ, которая завоевала 12 мест и была поддержана Конгрессом — 4 места). Кандидаты ИНК победили во всех избирательных округах Шиллонга — города с преимущественно бенгальским населением.

ВКГЛ вступила в тесный контакт с ИНК на выборах 1972 г. Почти во всех округах заключила с ним соглашения, но отвергла его предложение о слиянии. В резолюции, принятой на сессии 19—20 июня 1973 г., указывалось, что партия намерена самостоятельно служить народу штата и делу укрепления единства Индии, поддерживая и развивая отношения с ИНК [71, с. 13]. Однако в ноябре 1976 г., в период чрезвычайного положения, руководство ВКГЛ приняло решение войти в состав ИНК. 22 ноября было сформировано конгрессистское правительство во главе с Уильямсоном Сангмой, занимавшим с момента образования Мегхалаи пост главного министра. Четыре министра из прежнего состава, включая Стэнли Никольс-Роя и Дарвина Пагха, отказались стать членами Конгресса и участвовать в новом правительстве.

Присоединение к ИНК в условиях чрезвычайного положения означало, в сущности, не ликвидацию ВКГЛ, а лишь новый раскол. После отмены чрезвычайного положения и поражения Конгресса на парламентских выборах 1977 г. деятельность ВКГЛ заметно оживилась, хотя партия уже не пользовалась прежним доминирующим влиянием. На выборах в Законодательное собрание Мегхалаи (февраль 1978 г.) она завоевала 24,91% голосов и 16 депутатских мандатов, ИНК соответственно 28,95% и 20 (против 9 в 1972 г.), Народно-демократическая партия Горного штата — 19,19% и 14, независимые — 24,89% и 10 [204, т. XXIII, № 6—7, с. 12]. Хотя ни одна из партий в отдельности не получила более трети мест,

улучшение позиций ИНК по сравнению с предыдущими выборами было неоспоримым: блок региональных партий развалился, а главный соперник — ВКГЛ, — ослабленный расколом, лишился поддержки христианской церкви из-за того, что заручился поддержкой «Джанаты». На выборах в парламент кандидат ИНК победил в избирательном округе Туры (Горы Гаро) и лишь незначительно уступил представителю НДПГШ в Шиллонгском избирательном округе.

К власти в Шиллонге пришла коалиция бывших политических противников: ВКГЛ, НДПГШ и так называемая Конвенция по выполнению требований общественности (возникшая в 1973 г., кандидаты ее баллотировались в качестве независимых). В ходе предвыборной кампании эти партии боролись друг против друга, и лишь опасность возвращения к власти ИНК побудила лидеров собраться в здании ассамблеи, чтобы обсудить возможности создания коалиционного правительства. Переговоры вскоре зашли в тупик, однако студенты окружили здание и в течение 18 часов не выпускали оттуда депутатов. Вопрос о том, кто возглавит правительство, был решен путем жребия — крайне необычной процедуры. Этот пост занял Дарвин Пагх.

Непрочность вынужденного объединения усугублялась тем, что лишь ВКГЛ обладала базой в масштабе штата, в то время как НДПГШ и Конвенция в Законодательном собрании не имели ни одного представителя от Гор Гаро и Гор Джайнтия. Выборы в советы автономных дистриктов резко обострили борьбу между партнерами по коалиции. ИНК получил 15 из 29 выборных мест в совете Гор Гаро, ВКГЛ — 12, НДПГШ — 1, и одно место занял независимый кандидат. Как и в Законодательном собрании, «региональные» силы сплотились против ИНК, один член которого перебежал в лагерь ВКГЛ; последняя смогла сформировать исполнительный совет — «правительство» автономного дистрикта.

На выборах в совет дистрикта Горы Джайнтия, включающий 16 членов, ИНК не смог выставить ни одного кандидата, и борьба шла между тремя местными партиями: ВКГЛ, НДПГШ и Национальным союзом джайнтия (НСД) — новой партией, возникшей после отмены чрезвычайного положения. НДПГШ и НСД получили по пять мест, ВКГЛ — три, и три места заняли независи-

мые. После объявления результатов двое независимых присоединились к ВКГЛ и один — к НДПГШ. Ожидали, что исполнительный совет будет сформирован коалицией ВКГЛ—НСД, однако внутри НСД вопрос был решен в пользу блока НДПГШ—НСД. Это обстоятельство никак не способствовало ликвидации разногласий между ВКГЛ и НДПГШ.

В условиях обострения межпартийной борьбы особое значение имели выборы в дистриктный совет Гор Кхаси. Руководство местного отделения Конгресса, поддерживавшего ИНК(И) (ноябрь 1978 г.), и Конвенции по выполнению требований общественности, признанной избирательной комиссией в качестве политической партии (октябрь, 1978 г.), рассчитывало оказать упорное сопротивление ВКГЛ и НДПГШ, особенно в связи с тем, что партнеры по коалиции не в состоянии были заключить соглашения о распределении мест. 29 мест оспаривали 116 кандидатов. В итоге выборов в 28 округах (в одном округе впоследствии были проведены дополнительные выборы, так как один из участков включал спорную с Ассамом территорию и ассамское правительство запретило проводить здесь голосование) НДПГШ получила 14 мест, ВКГЛ — 9, Конвенция — 5 и ИНК(И) — 1. После длительной закулисной борьбы был образован коалиционный исполнительный совет, в который вошли представители ВКГЛ и Конвенции.

Таким образом, после выборов в советы дистриктов ВКГЛ и НДПГШ оказались соперниками в двух советах. В Горах Гаро⁵ НДПГШ была аутсайдером. Лидеры партии обвинили власти штата в различных манипуляциях (дабы получить возможность создания исполнительного совета в Горах Кхаси) [206, 14.1.1979]. Главный министр Дарвин Пагх и лидер ВКГЛ Б. Б. Лингдох признали, что коалиционное правительство не смогло справиться со своими обязанностями и вступило в переговоры с ИНК(И) и лидером оппозиции У. Сангмой в целях формирования правительства «единомышленни-

⁵ В 1976 г. автономные дистрикты Горы Кхаси и Горы Гаро были разделены каждый на два административных дистрикта. С тех пор штат состоит из трех автономных дистриктов (Горы Гаро, Горы Кхаси и Горы Джайнтия) во главе с законодательными (дистриктными советами) и исполнительными органами, число административных дистриктов достигло пяти.

ков» [203, 7.I.1979]. Переговоры в конечном счете были прерваны в связи с тем, что ИНК в качестве одного из условий выдвинул требование, чтобы Уильямсон Сангма занял пост главного министра [203, 16.II.1979], и в связи с расколом ИНК(И) на две группировки, возглавляемые У. Сангмой и г-жой Нина Ранджа [209, 11.II.1979]. В этой ситуации ВКГЛ оставалось лишь рассчитывать на перебежчиков. Вначале она имела 16 мест в Законодательном собрании, к 16 февраля 1979 г., т. е. через год, фракция ее увеличилась до 30 членов, в то время как группа ИНК(И) сократилась с 20 до 10, а число независимых — с 10 до 2 [207, 16.II.1979]. Через три дня к ВКГЛ присоединился еще один член Законодательного собрания, и 25 февраля 1979 г. при поддержке Конвенции по выполнению требований общественности ВКГЛ сформировала правительство в составе 13 министров.

Оно было недолговечным: оппозиция — НДПГШ и ИНК(И) — во главе с наиболее видным политическим деятелем Мегхалаи, главным министром в 1969—1977 гг. У. Сангмой не собиралась мириться с правлением ВКГЛ, представлявшей собой, по сути, лишь фракцию авторитетного в прошлом блока. ИНК(И) и НДПГШ заключили союз и сформировали в Законодательном собрании новый оппозиционный блок — Объединенный парламентский демократический форум Мегхалаи (ОПДФМ), что подорвало непрочное единство ВКГЛ. Группа ее депутатов, формально не выходя из партии, примкнули к ОПДФМ. 7 мая 1979 г. правительство ВКГЛ, просуществовавшее всего 72 дня, вынуждено было подать в отставку и уступить власть Форуму. Возглавил новое коалиционное правительство один из лидеров ВКГЛ, Б. Б. Лингдох.

Борьба внутри Законодательного собрания неизбежно вела к расколу этой партии. Ее руководство считало, что, располагая 32 местами в Ассамблее, не следует вступать в коалицию, и на этом основании 31 мая исключило из своих рядов восемь членов, и в их числе Б. Б. Лингдоха, примкнувших к ОПДФМ и вошедших в состав правительства. Главный министр в ответ заявил, что решение рабочего комитета ВКГЛ незаконно, поскольку четверо исключенных — члены Национального совета Гаро — одной из партий, образующих ВКГЛ [203, 2.VI.1979], а кроме того, присоединение к Форуму — это

вопрос политики и, как таковой, может быть одобрен или осужден лишь сессией ВКГЛ [209, 3.VI.1979].

Итак, за четыре года, прошедших после объединения ВКГЛ с ИНК (ноябрь 1975 г.), расстановка политических сил в Мегхалае существенно изменилась. Появление на политической сцене штата крупнейшей общиндийской партии сопровождалось расколом и ослаблением ВКГЛ. Отделение ИНК здесь являлось значительной силой и смогло привлечь на свою сторону «отца» Мегхалаи — Уильямсона Сангму. ВКГЛ не сошла со сцены: она сохраняла репутацию партии, выражающей интересы «племенного населения» — кхаси-джайнтия и гаро, но была низведена до уровня соперничавшей с ней «племенной партии» НДПГШ. Результатом возникновения местного варианта многопартийной системы, которую составляли несколько более или менее равноценных организаций со сходной социальной базой и программами, была политическая нестабильность. Колебания обуславливались и политической обстановкой в штате, и общиндийской политической конъюнктурой. В этом смысле политическое развитие Мегхалаи стало частью общиндийского политического процесса, одной из особенностей которого является ломка узкоэтнических перегородок по крайней мере на уровне элит.

За десять лет существования штата, противоречия между автохтонными народностями не принимали острого характера. Как и в других районах СВИ, наиболее сложной проблемой межэтнических отношений здесь выступает проблема меньшинств — выходцев из равнинных районов Индии и беженцев из Бангладеш. В соседнем Ассаме массовые беспорядки, вызванные включением последних в списки избирателей, привели к тому, что внеочередные парламентские выборы 1980 г. состоялись лишь в двух из 14 избирательных округов. Под влиянием этих событий и территориального конфликта между Мегхалаей и Ассамом⁶ в Шиллонге в октябре —

⁶ В Ассаме осталась значительная часть этноареала гаро, и правительство Мегхалаи настаивает на присоединении этого района. В конце 1978 — начале 1979 г. вопрос перерос в конфликт. Во время выборов в Законодательное собрание Мегхалаи ассамские власти в виде исключения разрешили гаро, населяющим район Хакумари (Ассам), участвовать в голосовании, но отказали им в этом праве на выборах в совет автономного дистрикта Горы Кхаси. От-

декабре 1979 г. произошли кровавые столкновения между кхаси и «уткарами» (чужаками). Несмотря на принятие чрезвычайного закона, введение комендантского часа, привлечение войск и срочный приезд заместителя премьер-министра Я. Б. Чавана, во время массовых беспорядков были убиты 18 человек, сожжены десятки домов и разграблены сотни лавок и магазинов, принадлежавших «чужакам». Возглавляли эти выступления кхасские организации: Кхасский студенческий союз, Национальная молодежная организация Хинни Треп, Ассоциация старост Шиллонга и Ассоциация благосостояния и развития племенных женщин. Конфликт быстро приобрел антииндусскую направленность (об этом свидетельствует, в частности, сожжение молочной фермы вместе с находившимися там коровами) и вылился в кампанию за изгнание уткаров и исключение беженцев из списков избирателей. В итоге парламентские выборы в дистрикте Горы Кхаси были отложены на неопределенный срок; в округе Туры победил кандидат ИНК(И).

На этом фоне противоречия между основными народностями штата — кхаси и гаро — выглядят несущественными. Эпизодические проявления недовольства со стороны гаро по поводу недостаточно эффективного осуществления программ экономического развития Гор Гаро не носят политического характера и компенсируются стремлением элит к «племенной солидарности». (Однако это не означает, что в ходе борьбы за власть отдельные партии не используют узконационалистические лозунги и не попытаются нажить политический капитал раздуванием межэтнической розни.) Кроме того, кхаси, гаро и джайнтия занимают компактные ареалы, что наряду с автономией в рамках Шестого приложения исключает

ряд войск пограничной безопасности, посланных правительством Ассама, арестовал мегхалайских полицейских, изъял у них оружие и занял позиции на границе между двумя штатами. Власти Мегхалаи перебросили в этот район (ок. 400 кв. км) отряд Центральной резервной полиции и направили правительству Ассама ноту протеста против «оккупации» полицейского участка и христианской церкви и в связи с «военными приготовлениями» ассамцев [203, 18.II.1979]. Многие гаро в панике бежали из Хакумари. 19 февраля 1979 г. представители обоих штатов подписали соглашение о «решении пограничного спора путем двусторонних переговоров». Члены НДПГШ в Законодательном собрании Мегхалаи потребовали немедленного вывода «войск агрессора» с территории штата [209, 9.III.1979].

почву для возникновения конфликтов. Появление центробежных тенденций в границах Мегхалаи маловероятно ввиду нереальности разделения ее на крохотные лингвистические штаты.

Мегхалая, как говорилось, двуэтнический штат. С ростом социальной дифференциации и политической аккумуляцией взаимосвязь между этническими и политическими процессами должна неизбежно усиливаться и привести либо к обострению межэтнических отношений вследствие роста социальной напряженности, либо (в случае более или менее успешного решения основных социально-экономических проблем) к формированию общности с иерархичным национально-политическим самосознанием, т. е. кхаси (или гаро) — мегхалайцы — индийцы. Совершенно очевидно, что лишь вторая из указанных тенденций может способствовать упрочению единства многонационального Индийского Союза.

Аруначал-Прадеш

Образование союзной территории Аруначал-Прадеш по закону о реорганизации 1971 г. обуславливалось особым положением этого района СВИ. Высокогорный, труднодоступный, населенный воинственными племенами, он в период английского господства был периферией Британской Индии и в основном выполнял роль буфера между ней и сферой влияния Китая. Колониальные власти не создали в этой части региона эффективной администрации; более того, не была даже осуществлена демаркация на больших участках международной границы с Тибетом (Китаем).

Возникновение Северо-Восточного пограничного района как единой административной единицы восходит к 1914 г., когда Иностранный и политический департамент колониального правительства распространил на земли племен абор, мири, мишми, сингпо, части нага, кхампги, бхотия, ака и дафла постановление о пограничных зонах Ассама 1880 г. Как говорилось, территория была разбита на три административные зоны, отделенные от Ассама «внутренней линией» и позже (1937) вошедшие в группу исключенных районов.

С небольшими изменениями это положение сохранилось в первые годы после провозглашения независимо-

сти Индии. В 1954 г. вместо разнородных административных единиц — двух пограничных зон (Балипара и Тирап), двух дистриктов (Горы Абор и Горы Мишми) и Племенного района нага — было образовано Северо-Восточное пограничное агентство (НЕФА). Оно состояло из шести пограничных районов: Каменг, Субансирн, Тирап, Сианг, Лохит и Туэнсанг. Последний из них вскоре (1967) отошел к административному району нага, а оставшиеся в 1965 г. были преобразованы в дистрикты. С момента вступления в силу Конституции Индии (26 января 1950 г.) эта территория подлежала юрисдикции губернатора Ассамы как представителя президента и не подчинялась правительству штата, хотя формально была включена в него. Непосредственное руководство осуществлял советник, при котором функционировал специальный аппарат. Отличительной особенностью управления НЕФА была так называемая однолинейная администрация. Суть заключалась в том, что на каждом уровне один чиновник нес ответственность не только за сугубо административные дела, но и за выполнение программ экономического развития, общинные проекты, просвещение, соблюдение законов и т. д. Считалось, что подобная упрощенная система в наибольшей степени отвечает образу жизни и доступна пониманию отсталых племен СВИ.

Подбор кадров для аппарата в район, который пользовался в Индии репутацией самой дикой окраины, представлял значительную проблему. Длительное время главными их поставщиками являлась полиция и армия. В 1968 г. вместо двух служб (Гражданской службы НЕФА и Пограничной административной службы) была образована секция союзных территорий Индийской административной службы, в результате чего набор чиновников и их продвижение стало более упорядоченным. В целях поддержания законности и порядка в НЕФА были расположены отряды Центральной резервной полиции, Пограничной полиции и Ассамских стрелков.

Северо-Восточное пограничное агентство находилось в ведении министерства иностранных дел союзного правительства, но 1 августа 1965 г. было передано министерству внутренних дел и управлялось фактически как союзная территория, согласно § 18 Шестого приложения. Население не пользовалось избирательным правом.

Законодательного органа в агентстве не было, и его функции осуществлял парламент, в котором НЕФА имела одного представителя, назначаемого президентом.

В отличие от других районов СВИ здесь отсутствовали организованные формы общественно-политических движений и приобщение племен к политике произошло в результате мероприятий центрального правительства. В 1967 г. были предприняты первые шаги по созданию унифицированной системы органов местного самоуправления. Постановление о панчаятах в Северо-Восточном пограничном агентстве предусматривало создание трехступенчатой структуры, состоящей из «анчал самити» в каждом из 39 блоков развития, «зилла паришад» на уровне дистрикта и провинциального совета при губернаторе Ассама. Пять членов последнего назначались в исполнительный совет. Представители всех этих органов первоначально не избирались населением, а назначались властями территории, как правило, на короткий срок (один год). Таким путем правительство стремилось приобщить население к управлению, чтобы в перспективе по крайней мере нижние звенья администрации были укомплектованы местными жителями, знающими обычаи и языки своих племен.

После образования союзной территории Аруначал-Прадеш провинциальный совет, куда входили 26 человек, фактически стал выполнять те же функции, что и временный орган в Нагаленде [102, с. 179]. В июне 1974 г. комиссия, назначенная центром, рекомендовала создать в Аруначал-Прадеше полноправное законодательное собрание [208, 27.VI.1974]. Учреждение легислатур и советов министров в союзных территориях допускалось ст. 239—А, внесенной в конституцию в 1962 г. в качестве 14-й поправки, и имело прецеденты, в частности, в Химачал-Прадеше, Манипуре, Трипуре, поэтому требовалось лишь включить Аруначал-Прадеш в указанную статью. Провинциальный совет его на шестой сессии 7 ноября единогласно принял резолюцию с призывом образовать законодательное собрание. После поездки министра внутренних дел К. Б. Редди для выяснения положения на месте (январь 1975 г.), обе палаты парламента одобрили 37-ю поправку к конституции о формировании в союзной территории легислатуры и совета министров [208, 7.V.1975].

Формально союзные территории не являются субъектами Индийской Федерации, ибо, в соответствии со ст. 1, Индия — «союз штатов». Однако фактически создание законодательных и исполнительных органов означает предоставление автономии и в ряде случаев (Химачал-Прадеш, Манипур, Трипура) завершилось преобразованием в штаты.

Законодательное собрание Аруначал-Прадеша начало свою работу 15 августа 1975 г. Одновременно был сформирован кабинет министров из пяти представителей племен. Возглавил его П. К. Тхунгон, оказавшийся самым молодым (29 лет) главным министром в Индии. Полковник К. А. А. Раджа, занимавший пост главного комиссара союзной территории, стал губернатором.

Возникновение представительных органов власти и получение населением избирательных прав положило начало его политической аккультурации. Крайне слабая социальная дифференциация, почти поголовная неграмотность и этнолингвистическая дробность обусловили отсутствие политического самосознания малочисленных и разобщенных племен, безразличие ко всему, что не затрагивало непосредственно интересов общины. Отдельные столкновения с администрацией в конце 40-х — 50-е годы в таких условиях не могли вызвать цепной реакции, поскольку каждая община жила очень замкнуто. В отличие от меньшинств Ассама в этой части СВИ не было даже узкоэтнических политических организаций, выполнявших роль связующего звена. Лишь в 1975 г. появилось отделение ИНК [208, 27.VI.1975]. На выборах в Законодательное собрание в марте 1978 г. победу одержала «Джаната парти», в Аруначал-Прадеше ее составили перебежчики-конгрессисты и члены Народной Партии Аруначала (НПА), возникшей в мае 1977 г. Осенью следующего года она была воссоздана. Ее лидеры потребовали отставки правительства «Джаната парти», ибо оно «лишилось морального права управлять», «стремится к построению капиталистического общества, в котором богатые становятся богаче, а бедные — беднее» [203, 3.X.1978].

Как ни парадоксально на первый взгляд, раскол местного отделения этой партии связан с политикой властей в области религии. Немногочисленные христиане (2593, по материалам переписи 1971 г.) — в значитель-

ной своей части образованная элита — играли заметную роль в общественно-политической жизни союзной территории. Население, отправлявшее местные культы, не без усилий со стороны чиновников — выходцев из Северной Индии, в течение длительного времени выступало за запрещение деятельности миссионеров и против обращения в христианство. В 1967 г. иностранные миссионеры были выдворены из Ассама и НЕФА. В резолюциях, принятых в 1969 и 1972 гг., провинциальный совет призвал Дели принять меры к защите «племенных верований» и запретить переход в другую религию. В ноябре 1974 г. новая резолюция указала, что принятие христианства ведет к «социальным потрясениям» и «пренебрежению собственным племенным наследием», обязала всех жителей участвовать в традиционных праздниках и обрядах и призвала христиан вернуться к вере предков до 26 января 1975 г., пригрозив им исключением из общин и изгнанием из Аруначал-Прадеша [207а, 30.XI.1974; 202, 10.XI.1974]. Вскоре совету, однако, пришлось отказаться от этого решения и вступить в переговоры с церковью (6 мая 1975 г.). В период чрезвычайного положения вопрос был временно урегулирован.

В апреле 1978 г. Законодательное собрание утвердило законопроект о свободе местных верований; по нему запрещалось обращать в другую религию «силой, обманом, побуждением и обольщением». Это вызвало протесты христианских церквей СВИ и послужило поводом для принятия осуждающих резолюций правительствами Нагаленда, Мегхалаи и Мизорама. Главный министр союзной территории П. К. Тхунгон расценил последнее как «вмешательство во внутренние дела Аруначал-Прадеша и нарушение всех канонов парламентской демократии»; он сослался на штаты Ориссу и Мадхья-Прадеш, где действуют аналогичные законы [203, 4.IX.1978]. Народная партия Аруначала на своей конференции осудила законопроект и в решении подчеркнула, что он был утвержден в течение одного дня и члены Законодательного собрания не имели возможности изучить его [203, 3.X.1978]. Лидер НПА, депутат парламента Баким Пертин, которого поддержала Рано Шайза (Нагаленд), просил президента не одобрять законопроект. В конечном счете он был возвращен для пересмотра и принят с небольшими изменениями.

Приведенный эпизод любопытен в том отношении, что он позволяет судить об одном из первых политических конфликтов в Аруначал-Прадеше. Религия, как справедливо отмечает Ш. Чаубе, в этой части СВИ служит потенциальным источником напряженности, отчасти в связи с сознательным стремлением некоторых чиновников придать местным культам индуистский характер [102, с. 181]. В упомянутом выше законопроекте к числу верований не случайно отнесен вишнуизм и культ Дони-Поло, возникший в результате усилий индусского проповедника. Расширение контактов с населением равнин ведет к падению популярности племенных культов и ставит вопрос о выборе более престижной религии (распространение атеистического мировоззрения в условиях общей отсталости практически исключено) — индуизма или христианства. Предпочтение отдается христианству, которое в Северо-Восточной Индии ассоциируется с образованием и современной культурой, по крайней мере в глазах учащейся молодежи. В нем могут быть заинтересованы также общественно-политические организации, которые в таком случае вправе рассчитывать на поддержку политических деятелей и партий Мегхалаи, Нагаленда и Мизорама (например, в случае конфликтов с Ассамом или в парламенте, где Б. Пертин уже нашел сторонницу в лице Р. Шайзы).

Раскол «Джаната парти» и сообщение о внеочередных выборах в парламент имело следствием политический кризис в Аруначал-Прадеше. 5 сентября 1979 г. 13 членов Законодательного собрания от этой партии перешли в лагерь оппозиции. Первоначально они заявили о вступлении в ИНК(И), но на другой день провозгласили создание партии Народная конференция Аруначала (НКА). Возглавил ее Гагонг Апанг, занимавший в кабинете Тхунгона пост министра общественных работ. Правительство подало в отставку, а Тхунгон присоединился к НКА. 7 сентября 12 ее представителей перебежали в НПА, сменившую свое название на «Объединенная народная партия Аруначала» (ОНПА). Лидер новой «партии», которую скорее можно было бы определить как фракцию в Законодательном собрании, Томо Рибба обратился к губернатору с просьбой предоставить ему право сформировать правительство, хотя другие лидеры настаивали на роспуске ассамблей. Ситуация ос-

ложнялась тем, что все три партии (НКА, ОНПА, местное отделение «Джанаты») объявили о присоединении к ИНК(И) [203, 10.IX.1979].

После непродолжительных, но интенсивных закулисных переговоров 18 сентября правительство ОНПА во главе с Т. Рибой было приведено к присяге. Продержалось оно до первой сессии Законодательного собрания, где выяснилось, что пять представителей правящей партии перебежали в лагерь ИНК(И). 31 октября кабинет Т. Рыбы подал в отставку. Ссылаясь на нестабильность обстановки и следуя инструкции Дели, губернатор Халдипур отказал руководителю местного отделения ИНК(И) в праве образовать новый кабинет и ввел президентское правление.

Выборы в Законодательное собрание Аруначал-Прадеша состоялись в начале января 1980 г. одновременно с внеочередными парламентскими выборами. Депутатами парламента были избраны представители ИНК(И) Собенг Тайенг, выигравший незначительным большинством у кандидата НПА, и бывший главный министр П. К. Тхунгон. В Законодательном собрании (30 избираемых и 3 назначаемых членов) ИНК(И) и НПА получили одинаковое число мест — по 13. После объявления итогов голосования в ИНК(И) перебежали пять членов НПА и три независимых, в результате чего Конгресс получил абсолютное большинство и 18 января 1980 г. сформировал кабинет во главе с Гагонг Апангом.

Политический кризис здесь был обусловлен общендийскими политическими процессами и усугублялся тем, что из-за слабой социальной дифференциации и чрезвычайно пестрого этнического состава исключалось создание устойчивых массовых партий как на классовой, так и на этнической основе. Концентрирующиеся вокруг отдельных лидеров группировки ставят перед собой единственную цель — приход к власти и для достижения ее соперничают друг с другом в проявлении лояльности к наиболее влиятельной общендийской партии (к «Джаната парти» до ее раскола, к ИНК(И) — с осени 1979 г.). Если во многих штатах, в том числе северо-восточных, политический процесс формируется, как этого и следует ожидать в федеративном государстве, под воздействием факторов местного и общенационального значения, то в Аруначал-Прадеше первым факторам никакой позитив-

ной роли не принадлежит. Отмеченное ранее соединение этнического и политического процессов, которое обозначалось в более развитых районах СВИ в колониальный период, в Аруначал-Прадеш еще не наблюдается.

Замедленность политического развития объясняется не столько формальными запретами создавать политические группировки (до 1975 г.), сколько общей отсталостью района. Большая часть средств, выделявшихся союзной территории центральным правительством, расходовалась на строительство дорог (ок. 3 тыс. км) и развитие коммуникаций, имеющих жизненно важное значение для упрочения безопасности Индии. Некоторые исследователи и специалисты по делам племен считают это важнейшим средством интеграции [171, с. 105], другие, наоборот, указывают на недостаточность таких мер: «Дороги строят, но не думают о том, как они будут использоваться. Намечается резкое расширение коммуникаций, но такие последствия, как эксплуатация, деморализация и стресс, игнорируются. Каждый аспект (интеграции.— А. П.) сам по себе важен, однако нужно, чтобы он еще вписывался в общую линию самовыражения и интеграции» [136, с. 306].

Экономическое развитие Аруначал-Прадеша еще не привело к формированию средних слоев, которые продемонстрировали столь большую политическую активность в других районах СВИ. Открыто около 650 школ (в 1947 г. было лишь 4), причем 18 средних, и один колледж, тем не менее по уровню грамотности (11,29%) союзная территория занимает последнее место в Индии. Среди чиновников, учителей и врачей еще крайне мало местных жителей, и эти группы образованного населения не проявляют никакого интереса к проблемам Аруначал-Прадеша. Ситуация радикально изменится лишь в том случае, если ускорятся темпы роста экономики. Открытие месторождений нефти в 1975—1979 гг. в этом отношении может сыграть важную роль.

Для дальнейшего хода этнополитических процессов немалое значение имеет позиция правительства по вопросу о языке. Ассами служит основным средством межэтнического общения и до 1965 г. был языком обучения в школах, в том числе в начальных. После преобразования НЕФА в союзную территорию преподавание в средних школах ведется на английском. Жители Аруна-

чала выступают за образование на хинди или английском, что открывает больше возможностей для занятия должностей на государственной службе. В связи с этим издание учебников для начальных школ на местных языках было прекращено. Ограничение употребления их бытовой сферой будет оказывать тормозящее воздействие на этническую консолидацию и интеграцию.

Устойчивая административная система, возникновение формальных социальных организаций (политических, культурных и пр.) неизбежно должны повлиять на ход этнических процессов и изменение этнополитической ситуации в Аруначал-Прадеше. Определенную роль при этом играют и негативные факторы, в первую очередь антиассамизм горной элиты. Хотя такого рода настроения проявились здесь значительно позже, чем в других горных районах СВИ, в пределах существующей социально-политической структуры они создают серьезную проблему. Как и правительства других горных штатов региона, власти Аруначал-Прадеша предъявляют территориальные притязания к Ассаму, порой возникают конфликты между местными жителями и ассамцами. В марте 1979 г., например, несколько сот ассамских семей в панике бежали за пределы союзной территории. Подобные инциденты используются политическими лидерами, находящимися в конкретный момент в оппозиции, для призывов к «племенной солидарности» и этим содействуют возникновению специфического варианта националистической идеологии.

Аруначал-Прадеш — единственное автономное образование Индии, охватывающее отсталые племена. Население его говорит на двадцати различных языках и многочисленных диалектах. Центры этнического притяжения здесь, равно как и доминирующие группы, еще не обозначались. Неопределенность этнической ситуации пока не дает оснований для ответа на вопрос, могут ли крупнейшие группы родственных племен сложиться в народности, или же территориально-административное единство и сходные черты материальной и духовной культуры достаточны для формирования общности, не обладающей развитым этническим самосознанием. Если не будет причин для роста межэтнической напряженности, племена этой части страны, не исключено, трансформируются в «индийцев Аруначал-Прадеша».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Рассмотрение основных проблем этнополитического развития Северо-Восточной Индии представляется целесообразным завершить подведением общих итогов.

Этническая ситуация в этом регионе отличается подвижностью и мобильностью. В колониальный период под влиянием таких факторов, как устойчивое административно-территориальное деление, прекращение междоусобных войн, складывание образованной элиты, распространение грамотности, ускорились этноинтегрирующие процессы в этноареалах, контуры которых вырисовывались еще до английского завоевания (манипури, кхаси, гаро, мизо), и обозначились противоречия между ассамцами, бенгальцами и горными этносами. После провозглашения независимости Индии преодоление изоляции, сдвиги в социальной структуре, политическая аккультурация и обострение противоречий между этническими меньшинствами, с одной стороны, и ассамским большинством — с другой, привели к возникновению автономистских движений и формированию националистической идеологии у ряда народностей.

Политические факторы оказывают сильное обратное воздействие на ход этнических процессов, убыстряя интеграцию небольших периферийных групп и в особенности способствуя развитию этнического самосознания у отдельных народностей вследствие искусственного распространения и внедрения националистической идеологии, служащей политической платформой для образованной, преимущественно христианской элиты. Широкое распространение этой идеологии совершается в чрезвычайно малый промежуток времени (что объясняется использованием новых форм массовой информации и акцентированием факторов межэтнической напряженности) и по-

рождает внешне парадоксальное явление — повышенное «национальное» самосознание у общностей, сохраняющих многие черты родо-племенного строя. В некоторых случаях националистическая идеология отражает влияние трибализма, но в целом в ней доминируют элементы буржуазного национализма, обусловленные и общественно-политическим строем страны и социально-экономическим содержанием всех разновидностей локального национализма.

В независимой Индии процесс этнообразования на Северо-Востоке затрагивает и те племена, которые прежде были совершенно изолированными и жили чрезвычайно замкнуто. Центры этнического притяжения в Аруначал-Прадеше, как говорилось, четко не определялись, но допустимо предположить, что при сохранении нынешних тенденций социально-экономического развития на эту роль могут претендовать в первую очередь ади и дафла, хотя теоретически не исключается и такой вариант, как североиндийская аккультурация племен этого района.

После ликвидации колониального господства более резко обозначились процессы индуистской аккультурации и интеграции племен в рамках ассамского и бенгальского этносов. Трипури, реанг, микиры, димаса качари, бодо, мири и другие этнические общности можно квалифицировать как ассоциированные племена, хотя процесс их интеграции нельзя считать необратимым: социальные и политические потрясения, затяжной кризис легко могут привести к возникновению центробежных тенденций. Такие симптомы прослеживаются в Трипуре и в ряде районов Ассама. Гораздо определеннее можно говорить о тенденции к интеграции небольших племен, тяготеющих к родственным народностям мизо, нага и др.: их положение при территориальном объединении с крупной родственной общностью, способной обеспечить охрану их интересов, надежнее, чем положение незначительного меньшинства в пределах штата, где доминирует другая народность.

Изменчивость этнической ситуации, нестабильность, а во многих случаях и аморфность границ отдельных этноареалов обуславливают остроту и актуальность проблемы административно-территориального деления СВИ. Общерегionalные институты (губернатор, Севе-

ро-восточный совет) при этом играют малозаметную роль в разрешении территориальных споров между штатами и союзными территориями региона.

Автономистские движения горных народов вызваны, с одной стороны, процессами этнической консолидации, с другой — политикой центрального правительства. Подобное движение, как таковое, — это следствие недовольства этнической общности (точнее, ее элиты) своим статусом в рамках той социально-политической структуры, в которую она включена. Причиной недовольства малых народов в составе Ассама была перспектива эксплуатации и ассимиляции более развитым этносом, а в более широком плане — объективные трудности адаптации (ломка) традиционной племенной политической культуры и психического склада в новой обстановке. Ограниченная автономия в рамках Шестого приложения не удовлетворила политических лидеров этих народов (за исключением индуизированных мкиров и димаса качари), что привело к возникновению движения за создание Горного штата. Национальный совет нага, настаивавший на объединении всего этноареала нага в рамках автономного дистрикта и на окончательном решении статуса нага по истечении десятилетнего срока «опеки», выступил за отделение от Индии. Тем не менее центральное правительство, следуя рекомендациям Комиссии по реорганизации штатов, отвергло предложения относительно расширения автономии в рамках Шестого приложения и, более того, стремилось усилить роль ассамского этноареала как политического и экономического ядра СВИ. Национальный совет нага в этой ситуации поднял вооруженный мятеж. Решение союзного правительства объединить район Туэнсанг с дистриктом Горы Нага и тем самым удовлетворить одно из требований сепаратистов было запоздлой мерой, так же как и образование штата Нагаленд. Хотя предоставление нага автономии (наряду с крупными народами) явилось важным шагом в плане их социально-политической интеграции, затяжной характер конфликта и поддержка извне (главным образом со стороны руководителей КНР), превращение сепаратистской организации в вождистскую партию содействовали сохранению групп мятежников даже после подписания соглашения о прекращении вооруженной борьбы.

Резкое усиление напряженности межэтнических от-

ношений в результате провозглашения ассами официальным языком штата (1961) имело следствием образование ВКГЛ — блока узкоэтнических партий и активизацию движения за Горный штат. Однако частичный успех ВКГЛ — создание штата Мегхалая — не был итогом только легальной борьбы: немалую роль сыграло сепаратистское движение нага и мятеж мизо (1966), что свидетельствовало о крайне опасной тенденции в уязвимом пограничном районе Индии.

Реорганизация СВИ 1971 г. — важный этап в развитии Индии в качестве федеративного государства. «Балканизация» Ассам убедительно показала несостоятельность попыток образования многонациональных штатов и в этом отношении однотипна с реорганизацией Южной и Западной Индии. История появления новых штатов, начиная с Андхры (1953), демонстрирует определенную гибкость федеративной структуры, ее способность реагировать на существеннейшие изменения этнической ситуации. Однако то обстоятельство, что созданию каждого нового национального штата предшествовал длительный период борьбы, недвусмысленно говорит об отсутствии научно обоснованных принципов национальной политики индийского правительства. Рассматривая автономистские движения исключительно как политический феномен, оно пыталось решать проблему отдельных народов путем частичных уступок, избегая по возможности радикальных мер.

Создание национальных штатов — лишь первый шаг в решении многочисленных проблем изолированной окраины Индии. Отечественные эксперты по делам племен и ученые (Б. К. Рой Берман, А. П. Синха, Р. Д. Санваль, М. Н. Сринивас, Р. Н. Халдипур и др.) не раз подчеркивали необходимость «координированного», «интегрированного» подхода, выработки «стратегии» развития СВИ, т. е. долгосрочной политики, учитывающей специфику и конкретные потребности региона. С четкой программой выступают коммунисты: КПИ и КПИ(м) настаивают на последовательном претворении в жизнь принципов местного самоуправления и программы постепенных социально-экономических преобразований.

Союзное правительство считает своей главной задачей интеграцию региона — вовлечение малых народов и племен СВИ в русло общенациональной жизни (подра-

зумеая под этим признание таких ценностей, как демократия, секуляризм, плановое развитие хозяйства; искоренение партикуляризма и сепаратизма), однако мнения относительно средств решения этой важной позитивной задачи резко расходятся. Полемика ведется практически по всем вопросам, касающимся малых народов СВИ: целесообразности сохранения или отмены «внутренней линии», использования местных или других (английского, хинди, ассамского) языков в школах, стимулирования ремесел, направлений развития экономики, совершенствования методов земледелия, развития транспорта и коммуникаций и т. д. Неопределенность и соответственно непоследовательность политики усиливают диспропорции социально-экономического развития и политическую неустойчивость, осложняют межэтнические отношения.

На современном этапе важнейшая тенденция политического развития СВИ — включение малых народов в общендийские политические процессы. Если в прошлом общендийские партии (ИНК, КПИ) пользовались влиянием лишь в равнинных районах Ассамы, Трипуры и Манипура, то в 70-е годы они заняли прочное место на политической арене штатов и союзных территорий региона. Оставляя в стороне Трипуру, которая по своему этническому составу является как бы придатком Западной Бенгалии, нужно отметить, что эта тенденция внутренне и по своим последствиям противоречива. Она, безусловно, свидетельствует о социально-политической интеграции и в этом смысле, как разрушающая изолированность и партикуляризм, столь характерные для предшествующего периода (конец 40-х — 60-е годы), имеет положительное значение и в государственном масштабе, и в плане социально-политического развития малых народов СВИ. Вместе с тем возникновение отделений ИНК в период чрезвычайного положения, а позже и организаций «Джаната парти», было результатом соглашений с отдельными лидерами местных партий и носило верхушечный характер.

В итоге сложилась ситуация, при которой одни политические группировки зависимы от массовой поддержки, а опорой других являются крупные, хотя обычно непопулярные среди горцев, общендийские партии. Политический процесс перестает отражать социально-политичес-

кие сдвиги на местах. Финансовая зависимость малых штатов от центра при этом также играет немалую роль. Не случайно именно в тех из них, где в 70-е годы возросло влияние ИНК, политическая нестабильность стала хронической (Манипур, Мегхалая). Очевидно, такое положение сохранится в обозримом будущем, ибо ввиду слабой социальной дифференциации социальная база отдельных партий неизбежно совпадает и ограничивается относительно узким элитарным слоем. Отсутствие принципиальных расхождений между партиями благоприятствует перебежкам, образованию бесконечных блоков, что, в свою очередь, определяет неустойчивость правительств и дискредитирует уважаемые партии. Все это в условиях роста социальной напряженности неизбежно вызывает недовольство, логическим следствием которого являются различные формы агрессивности по отношению к «чужакам» и экстремизм.

В связи с подвижностью этнической ситуации и усилением этноинтегрирующих процессов в СВИ остро стоит вопрос о границах, который нередко получает политическое звучание. Притязания Мегхалаи, Нагаленда и Аруначал-Прадеша на территорию Ассама и взаимные территориальные претензии способны, как это продемонстрировали многие конфликты, накалить политическую атмосферу в регионе. Опасаясь цепной реакции и массовых беспорядков, союзное правительство предпочитает сохранять статус-кво. Лишь один раз оно пошло на уступку, частично удовлетворив требования нага (1957). Тот факт, что последние добились определенного успеха, используя легальные и нелегальные методы, не остался незамеченным и может породить у некоторых местных лидеров заинтересованность в сохранении сепаратизма как политического козыря. Нагаленд, по численности населения самый маленький штат СВИ, видимо, не случайно получает от центрального правительства финансовую помощь, объем которой в 1,5—2 раза больше, чем дотации Трипуре, Манипуру или Мегхалае.

Национальный вопрос в Северо-Восточной Индии имеет самостоятельное и чрезвычайно актуальное значение. Однако совершенно ясно, что многие его аспекты теснейшим образом связаны с социально-экономическими проблемами. После возникновения ряда новых национальных штатов проблема межэтнических отношений

здесь приобретает преимущественно социально-экономический характер: этим в значительной мере обусловлены территориальные споры, проявления враждебности к выходцам из других районов Индии и многие другие симптомы напряженности. «Все наши начинания должны медленно давать результаты. Племенные жители ждут, а обилие проектов и пустые обещания вызывают у них растерянность и недовольство. Когда делается слишком мало и слишком поздно, кризис доверия неизбежен.. и ведет к волнениям»,— справедливо отмечает индийский исследователь Р. Н. Халдипур [136, с. 312—313]. От того, насколько успешно федеральное правительство сумеет справиться с задачей преодоления отсталости населения СВИ и ликвидации любых форм фактического неравенства, зависит решение национальных проблем региона и достижение главной цели государства — интеграции малых народов и племен этого пограничного района в структуру индийской полиэтнической общности.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Таблица I

Население Северо-Восточной Индии в 1971 г.*

Административная единица	Численность, тыс.	«Зарегистри- рованные пле- мена», тыс.	Плотность, кв. км	Прирост 1961—1971 г., %	Городское на- селение, %	Грамотность, %
Ассам**	14 957,5	1919,9	150	34,37	8,39	28,81
Горы Микир	379,3	210,0	—	—	—	—
Горы Северный Качар	76,0	52,6	—	—	—	—
Манипур	1 072,8	334,5	48	37,12	13,25	32,80
Мегхалая	1 011,7	814,2	44	—	13,02	28,43
Горы Кхаси-Джайнтия	605,1	488,4	—	—	—	—
Горы Гаро	406,6	325,9	—	—	—	—
Нагаленд	516,4	457,6	31	39,64	9,91	27,33
Трипура	1 556,3	450,5	149	36,32	7,80	30,87
Аруначал-Прадеш . . .	467,5	369,4	—	32,14	3,12	9,34
Мизорам (Горы Мизо) .	332,3	313,3	15	20,91	11,55	50,91

* См. [97].

** Включая автономный дистрикт Горы Мизо.

Численность населения
Северо-Восточной Индии в 1981 г.,
тыс. (предварительные данные)

Ассам	19 900	Трипура	2060,2
Манипур	1433,7	Аруначал-Прадеш	628,0
Мегхалая	1327,9	Мизорам	487,8
Нагаленд	773,3		

Таблица 2

Конфессиональная принадлежность
населения Северо-Восточной Индии,
%

Административная единица	Христиане			Индусы		
	1951 г.	1961 г.	1971 г.	1951 г.	1961 г.	1971 г.
Ассам	—	—	4,46*	—	—	71,04
Горы Микири Север- ный Качар	7,71	9,85	—	8,51	81,22	—
Горы Гаро	16,23	28,42	40,75	16,60	16,88	19,20
Горы Кхаси-Джайн- тия	28,51	39,73	51,16	14,87	19,16	18,03
Горы Мизо	90,50	86,64	86,09	3,30	5,18	6,39
Северо-Восточное по- граничное агентст- во	—	0,51**	0,79	—	7,60**	21,99
Горы Нага	46,05	52,98	66,76	4,07	9,39	11,43
Манипур	11,84	19,49	26,03	60,13	61,49	58,97
Трипура	0,82	0,89	1,01	75,28	76,01	89,55

* Включая жителей Мизорама.

** Выборочные данные.

Данные об этническом составе
Северо-Восточной Индии,
тыс. [95, с. 64—71]

	1961 г.	1971 г.
Горы Микир и Север- ный Качар	279,7	—
Микиры	116,9	133,5
Димаса качари	67,3	39,9
Ассамцы	—	21,7
Бенгальцы	—	23,5
Непальцы	—	9,2
Нага	8,3	—
Куки	7,2	—
Хмар	4,1	—
Кхаси-джайнття	3,9	—
Горы Кхаси-Джайнття	462,15	—
Кхаси-джайнття	352,0	276,8*
Бенгальцы	—	31,7
Непальцы	—	29,5
Гаро	15,0	13,6
Ассамцы	—	10,3
Микиры	3,9	4,2

	1961 г.	1971 г.
Горы Гаро	307,2	—
Гаро	239,7	237,8
Хаджонг	21,6	7,7
Бенгальцы	—	21,3
Ассамцы	—	16,1
Рабха	—	10,1
Коч	—	6,7
Горы Нага	—	—
Ао	—	55,9
Сема	—	47,4
Коньяк	—	46,7
Ангами	—	33,8
Лхота	—	26,6
Сангтам	—	15,5
Пхом	—	13,4
Киенмунга	—	12,4
Чакхесанг	—	10,3
Чанг	—	11,3
Йимчунгре	—	10,2
Зеланг	—	9,5
Кхеджа	—	7,3
Чакру	—	8,3
Ренгма	—	5,8
Хиндустанцы	—	4,5
Горы Мизо	266,1	—8
Мизо	213,3	210,5
Чакма	19,3	17,5
Куки	11,7	0,8
Реанг	—	9,5
Лакхер	8,8	9,9
Пави	4,6	6,9
Хмар	3,1	2,
Манипур	780,0	—8
Манипури	—	502,0
Тхудо	48,0	23,9
Тангкхул	43,6	43,0
Мао	28,6	21,8
Куки разные	—	17,5
Кабун	26,9	16,4
Хмар	15,4	15,0
Пайте	16,8	17,6
Непальцы	—	13,7
Лонгмей	—	12,0
Бенгальцы	—	10,
Качха нага	9,7	—2
Вайпхуй	8,2	8,
Зоу	6,8	—
Маринг	7,7	—
Ком	5,5	—
Трипура	1 142,0	—
Бенгальцы	722,4	—
Трипури (типпера)	189,8	211,9

	1961 г.	1971 г.
Реанг	56,6	53,0
Манипури	—	27,9
Джаматна	24,4	14,5
Чакма	22,4	22,4
Халам	16,3	5,5
Ноатна	16,0	4,5
Ория	—	11,6
Магх	10,5	—
Куки	5,5	—
Северо-Восточное пограничное агентство*		
Галонг	29,9	—
Тагини	24,1	—
Ванчо	23,4	—
Миньонг	19,5	—
Нокте	19,3	—
Дафла	15,7	—
Нисси	24,9	—
Бангни	14,5	—
Апа тани	10,8	—
Яну бангни	9,9	—
Миджу (каман-мишми)	7,6	—
Монпа Таванга	7,4	—
Падам	7,0	—
Дирангмонпа	5,8	—
Панги	5,5	—
Монпа	5,4	—
Мишми-тараон	5,0	—

* Данные о племенах НЕФА значительно расходятся из-за нечеткой группировки отдельных племен.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев В. В. Род, племя, народность, нация как исторические формы общности людей. М., 1962.
2. Андреев И. Л., Файнберг Л. А. Судьбы периферии в новое и новейшее время.— Первобытное общество. М., 1975.
3. Амдрианов Б. Г. Специфика формирования африканских наций (на примере Кении).— Расы и народы. Вып. 7. М., 1977.
4. Артановский С. Н. Проблема этноцентризма, этнического своеобразия культур и межэтнических отношений в современной зарубежной этнографии и социологии.— Актуальные проблемы этнографии и современная зарубежная наука. Л., 1979.
5. Арутюнов С. А., Чебоксаров Н. Н. Передача информации как механизм существования этносоциальных и биологических групп человечества.— Расы и народы. Вып. 2. М., 1972.
6. Архангельский А. М. Племя, народность, нация как исторические формы общности людей. М., 1961.
7. Баруа Б. К. Ассамская литература. Краткий очерк. М., 1960.
8. Бромлей Ю. В. Этнос и этнография. М., 1973.
9. Вятр Е. Социология политических отношений. М., 1979.
10. Ганковский Ю. В. Народы Пакистана (основные этапы этнической истории). М., 1964.
11. Ганковский Ю. В. Об автономистских движениях в странах Южной Азии.— «Мировая экономика и международные отношения». 1970, № 8.
12. Гохман В. И. Этническая ситуация у чинов Бирмы.— Расы и народы. Вып. 5. М., 1975.
13. Григорьева Г. М. К вопросу об этнической общности нага.— Страны Южной Азии: история и современность. М., 1976.
- 13а. Григорьева Г. М. Этнополитические проблемы штата Нагаланд.— Индия — союз штатов. Проблемы политического и социально-экономического развития. М., 1981.
14. Девяткина Т. Ф. Ликвидация княжеств в современной Индии. М., 1961.
15. Дьяков А. М. Национальный вопрос в современной Индии. М., 1963.
16. Исмагилова Р. Н. Этнический фактор в современной Африке.— Расы и народы. Вып. 1. М., 1971.
17. Казачков В. И. Борьба за создание национальных штатов в независимой Индии. М., 1967.
18. Ключев Б. И. Национально-языковые проблемы независимой Индии. М., 1978.

19. Ключев Б. И. Некоторые замечания о языках племен.— Национально-языковые проблемы. М., 1978.
20. Ключев Б. И. Об одной разновидности партикуляристских движений в Индии.— Страны и народы Востока. Вып. XIX. Индия — страна и народ. Кн. 4. М., 1977.
21. Козинг А. Нация в истории и современности. М., 1978.
22. Козлов В. И. Динамика численности народов. Методология исследования и основные факторы. М., 1969.
23. Козлов В. И. Некоторые проблемы теории нации.— «Вопросы истории». 1967, № 1.
24. Козлов В. И. О понятии этнической общности.— «Советская этнография». 1967, № 2.
25. Комаров Э. Н., Чичеров А. И. Тенденции политического развития современной Индии.— Идеологические проблемы современной Индии. М., 1970.
26. Конституция Республики Индия. М., 1956.
27. Кочнев В. И. Этнополитическая обстановка на Индостанском полуострове.— Расы и народы. Вып. 5. М., 1975.
28. Кудрявцев М. К. Заметки о языках школьного обучения у «зарегистрированных племен» Индии.— Страны и народы Востока. Вып. XII. М., 1972.
29. Кудрявцев М. К. О положении племен в Индии (в связи с научным семинаром в Симле).— Страны и народы Востока. Вып. XIX. М., 1977.
30. Лазарев М. С. К национальной ситуации на современном Востоке (методологический подход).— Национальные проблемы современного Востока. М., 1977.
31. Лащук Л. П. О формах донациональных этнических связей.— «Вопросы истории». 1967, № 4.
32. Лащук Л. П. Опыт типологии этнических общностей средневековых турок и монголов.— «Советская этнография», 1968, № 1.
33. Левин И. Д., Мамаев В. А. Государственный строй Индии. М., 1957.
34. Левин М. Г., Чебоксаров Н. Н. Хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические области (к постановке вопроса).— «Советская этнография». 1965, № 4.
35. Маретина С. А. Малые народы Северо-Восточной Индии.— Малые народы Южной Азии. М., 1978.
36. Маретина С. А. Образование сословий и классов у горных народов Северо-Восточной Индии.— Страны и народы Востока. Вып. XIV. М., 1972.
37. Маретина С. А. Община у горных народов Ассамы.— Община и социальная организация у народов Восточной и Юго-Восточной Азии. Л., 1967.
38. Маретина С. А. Эволюция общественного строя у горных народов Северо-Восточной Индии. М., 1980.
39. Национальное и интернациональное в идеологии национально-освободительного движения. Тезисы. Ч. II. М., 1974.
40. Празиускас А. Племена и малые народности Индии: два варианта интеграции.— «Азия и Африка сегодня». 1980, № 3.
- 40а. Празиускас А. А. Движение за создание штата Мегхалая.— Индия — союз штатов. Проблемы политического и социально-экономического развития. М., 1981.

41. Пуляркин В. А. Подсечно-огневое земледелие в Индии и современные проблемы его преобразования.— Страны и народы Востока. Вып. XIX. М., 1977.
42. Регинин А. И. Индийский национальный конгресс: очерки идеологии и политики. М., 1978.
43. Рой Берман Б. К. Динамическая классификация зарегистрированных племен и принципы культурной политики по отношению к этой группе населения Индии.— Страны и народы Востока. Вып. XIX. М., 1977.
44. Рой Берман Б. К. Некоторые особенности размещения «зарегистрированных» племен в Индии.— Страны и народы Востока. Вып. XII. М., 1972.
45. Рой Берман Б. К. Отсталые территории и зонирование дистриктов для целей регионального развития по физико-географическим районам Индии.— Страны и народы Востока. Вып. XIX. М., 1977.
46. Сайфуллин М. М. Индийская федерация. — Современный буржуазный федерализм. М., 1978.
47. Сахаров И. В. Бенгальцы в Ассаме. — Страны и народы Востока. Вып. XVIII. М., 1976.
48. Сахаров И. В. Западная Бенгалия. Этнодемографический и этнографический очерк. Л., 1977.
49. Семенов Ю. И. Категория «социальный организм» и ее значение для исторической науки.— «Вопросы истории». 1966, № 8.
50. Симония Н. А. Национализм, национальный вопрос и классовая борьба в странах Азии.— Национализм и классовая борьба в странах Азии. Прага, 1977.
51. Современное революционное движение и национализм. М., 1973.
52. Современный национализм и общественное развитие зарубежного Востока. М., 1978.
53. Слейт О. Х. К. Индия и Пакистан. М., 1957.
54. Стратанович Г. Г. Бирма.— Этнические процессы в странах Юго-Восточной Азии. М., 1974.
55. Супрунович Б. П. Проблема малых народностей и племен (адиваси) в Индии.— Страны и народы Востока. Вып. V. М., 1967.
56. Токарев С. А. Проблема типов этнических общностей (к методологическим проблемам этнографии).— «Вопросы философии». 1964, № 11.
57. Ульянова Л. П. Индия: правовое положение штатов. М., 1970.
58. Холлич Л. В. О содержании понятия «этнические процессы». — «Советская этнография». 1969, № 5.
59. Чебоксаров Н. Н. Проблемы типологии этнических общностей в трудах советских ученых.— «Советская этнография», 1967, № 4.
60. Чебоксаров Н. Н., Чебоксарова И. А. Народы. Расы. Культуры. М., 1971.
61. Шарма М. П. Государственный строй Индийской Республики. М., 1958.
62. Юревич Л. И. Борьба народов Индии за реорганизацию штатов на национальной основе (1947—1956 гг.).— «Ученые записки кафедры истории стран Востока». Вып. I. М., 1958.

63. Юревич Л. И. Нагаленд.—Экономика и история Индии и Пакистана. М., 1966.
64. Этингер Я. Я. Национальная консолидация в молодых африканских государствах и трибализм.—Расы и народы. Вып. 2. М., 1972.
65. Этнические процессы в странах Южной Азии. М., 1976.
66. Ягья В. С. Административно-территориальное деление и этнические процессы в странах Африки (Постановка проблемы).—Расы и народы. Вып. 5. М., 1975.
67. Acharya N. N. The History of Medieval Assam. Gauhati, 1966.
68. Anand V. K. Nagaland in Transition. Delhi, 1967.
69. Ao A. Problems of Readjustment to a New Situation (With Special Reference to the Naga Tribe).—Tribal Situation in India. Simla, 1972 (далее: TSI).
70. Ao T. History of Anglo-Naga Affairs (1832—1913). [Б. м.], 1958.
71. APHLC Souvenir 1961—1974. Shillong, 1974.
72. Aram M. The Emerging Situation in Nagaland and Some Suggestions for a National Policy.—TSI.
73. Aram M. Peace in Nagaland, Eight-Year Story: 1964—1972. New Delhi, 1974.
74. Bardoloi M. Land of Hornbull and Myna. Shillong, [б. г.].
76. Barih H. Maghalaya. Shillong, 1974.
77. Birkataki S. Tribes of Assam. New Delhi, 1969.
78. Barooah N. K. David Scott in North-East India 1862—1831: A Study in British Paternalism. New Delhi, 1969.
79. Barpujari H. K. Problem of the Hill Tribes of the North-East Frontier 1822—42. Vol. I. Gauhati, 1970.
80. Barthakur P. B. Assam, New Delhi, 1971.
81. Basu N. K. Assam in the Ahom Age, 1228—1826. Calcutta, 1970.
82. Baveja J. D. The Land where the Bamboo Flowers. Gauhati, 1970.
83. Bhattacharjee A. K. Political Evolution of Nagaland (1945—1965). Calcutta, [б. г.].
84. Bhattacharjee B. K. The Tribal Problems of Assam: A Historical View.—«Mankind», vol. II, June-July 1958.
85. Bhuyan S. K. Anglo-Assamese Relations 1771—1826. Gauhati, 1949.
86. Bose M. L. The Problems of Identification and Immigration of the North-East Frontier Tribe.—«The North-Eastern Research Bulletin», vol. V, Summer 1974.
87. Bose S. C. Geography of the Himalaya. New Delhi, 1972.
88. Bose S. C. Land and People of the Himalaya. Calcutta, 1968.
89. Burling R. Rengsangri. Family and Kinship in a Garo Village. Philadelphia, 1963.
90. Burling R. Tribesmen and Lowlanders of Assam.—Southeast Asian Tribes, Minorities and Nations. Princeton, 1967.
91. Census of India 1931. Vol. 3. Assam. P. I. Shillong, 1932.
92. Census of India 1961. P. II(IV-A) (A-K ser.). Bibliography on Scheduled Castes, Scheduled Tribes and Selected Marginal Communities of India. Comp. by H. L. Harit. New Delhi, 1968.

93. Census of India 1961. B. K. Roy Burman. Demographic and Socio-Economic Profiles of the Hill Areas of North-East India. New Delhi, 1970.
94. Census of India 1961. Vol. 22. Manipur. New Delhi, 1966.
95. Census of India 1961. Vol. 24. North-East Frontier Agency. New Delhi, 1966.
96. Census of India 1961. Vol. 26. Tripura. New Delhi, 1967.
97. Census of India 1971. Series I—India. Monography ser. P. 5. Ethnographic study. New Delhi, 1975.
98. Chakravarty L. N. Glimpses of the Early History of Arunachal. Shillong, 1973.
99. Chatterji S. K. «Adivasi» Literatures of India. — Problems of Modern Indian Literature. Calcutta, 1974.
100. Chatterji S. K. The Place of Assam in the History and Civilization of India. Gauhati, 1955.
101. Chatterji S. K. Tribal Languages.—Tribal Population of India. New Delhi, 1973.
102. Chaube S. Hill Politics in North-Eastern India. Bombay etc., 1973.
103. Choudhury B. N. Some Cultural and Linguistic Aspects of the Garos. Gauhati, 1969.
104. Choudhury P. C. The History and Civilization of the People of Assam to the Twelfth Century A. D. Gauhati, 1966.
105. Choudhury J. N. Arunachal Panorama. A Study in Profile. Shillong, 1973.
106. Collier B. A Short History of the Second World War. L., 1970.
107. A Common Perspective for North-East India. Ed. by R. Mitra and B. Das Gupta. Calcutta, 1967.
108. Communist Party of India (Marxist). Election Manifesto. New Delhi, 1979.
109. The Constitution of India. As Amended by and upto the Constitution (Thirty-Ninth Amendment) Act., 1975. Lucknow, 1975.
110. Coupland R. The Constitutional Problem of India. [B. m.]. 1944.
111. Das B. M. Assamese Culture and the Hill People of North-Eastern India.—A Common Perspective for North-East India. Calcutta, 1967.
112. Debi L. Ahom — Tribal Relations. A Political Study. Gauhati, 1968.
113. Deutsch K. W. Nationalism and Social Communication. Cambridge, 1966.
114. Dubey S. M. Education, Social Change and Political Consciousness among the Tribes of North-East India.—TSI.
115. Duncan S. J. The Emergence of the APHLC.—APHLC Souvenir 1961—1974. Shillong, 1974.
116. Dutt K. N. Landmarks of the Freedom Struggle in Assam. Gauhati, 1958.
117. Election Manifesto of the Communist Party of India. — «New Age Supplement», 11.XI.1979.
118. Elwin V. Democracy in NEFA. [B. m., б. r.].
119. Elwin V. India's North-East Frontier in the Nineteenth Century. Madras etc., 1972.

120. Elwin V. A Philosophy for NEFA. Shillong, 1964.
121. Ering D. The North-East Frontier Agency.— TSI.
122. Fürer-Haimendorf C. Himalayan Barbary. L., 1955.
123. Fürer-Haimendorf C. The Naked Nagas. Calcutta, 1946.
124. Gait E. A. History of Assam. Calcutta, 1963 (Reprint).
125. Ganguly J. B. Economic Development of Tribal Areas.— A Common Perspective for North-East India. Calcutta, 1967.
126. Ghosh D. The Economy of the Dimasa Kachari of the United Mikir and North Cachar Hills.— A Common Perspective for North-East India. Calcutta, 1967.
127. Ghurye G. S. The Scheduled Tribes. Bombay, 1959.
128. Goswami B. B. The Tribes of Assam: A Few Comments on their Societal and Cultural Ties with the Non-tribes.— TSI.
129. Goswami M. C. The Garo of Meghalaya and Their Neighbours.— Tribal population of India. New Delhi, 1972.
130. Goswami M. C., Majumdar D. N. Social Institutions of the Garo of Meghalaya. Calcutta, 1972.
131. Goswami P. C. Economic Development of Assam. Bombay, 1963.
132. Goswami S. C. Introducing Assam Vaishnavism. Gauhati, 1946.
133. Government of India. Report on the Administration of Assam. 1874—75. Shillong, 1876.
134. Government of India. Report on the Administration of Assam. 1876—77. Shillong, 1878.
135. Gundevia Y. D. War and Peace in Nagaland. Dehra-dun — New Delhi, 1975.
136. Haldipur R. N. Policy Towards and Administration of the Tribes of North-East India.— TSI.
137. Handa R. L. History of the Freedom Struggle in Princely States. Delhi, 1968.
138. Hartwig W. Wirtschaft und Gesellschaftsstruktur der Naga in der zweiten Hälfte des 19. und zu Beginn des 20. Jahrhunderts. Berlin, 1970.
139. Hermanns F. M. The Indo-Tibetans. Bombay, 1954.
140. Hutton J. H. The Angami Nagas. Oxford University Press, 1969.
141. Hutton J. H. The Sema Nagas. Oxford University Press, 1921.
142. India at a Glance. A Comprehensive Reference Book on India. Bombay etc., 1954.
143. Government of India, Ministry of Information and Broadcasting. India 1977/78. A Reference Annual. New Delhi, 1978.
144. Iscot M. Assam in a Nutshell. Shillong, 1970.
145. Johri S. R. Dark Corner of India. Lucknow, 1970.
146. Kar P. C. British Annexation of Garo Hills. Calcutta, 1970.
147. Kohn H. The idea of Nationalism. A Study of Its Origin and Background. N. Y., 1944.
148. Kyndiah P. R. APHLC on the March.— APHLC Souvenir 1961—1974. Shillong, 1974.
149. Lahiri R. M. Annexation of Assam 1824—1854. Calcutta — New Delhi, 1954.

150. Luthra P. N. Constitutional and Administrative Growth of the North-East Frontier Agency. Shillong, 1971.
151. Luthra P. N. Problem of Integration and Administration.— A Common Perspective for North-East India. Calcutta, 1967.
152. Mackenzie A. History of the Relations of the Government with the Hill Tribes of the North-East Frontier of Bengal. Calcutta, 1884.
153. Majumdar D. N. The Garos (An Account of the Garos of the Present Day). Gauhati, 1966.
154. Majumdar D. N. Races and Cultures of India. Bombay, 1961.
155. Majumdar D. N. Social Organization of the Koch of Garo Hills, Assam.— A Common Perspective for North East India. Calcutta, 1967.
156. Majumdar D. N. A Study of Tribe/Caste Continuum and the Process of Sanskritization among the Bodo-Speaking Tribes of the Garo Hills.— TSI.
157. Manipur. 1972. Imphal, 1973.
158. Mankekar D. R. On the Slippery Slope in Nagaland. Bombay, 1967.
159. Mankekar D. R. Understanding the Tribals in Our North-Eastern Border.— TSI.
160. Menon V. P. The Story of the Integration of the Indian States. Bombay etc., 1969.
161. Merton R. K. Social Theory and Social Structure. N. Y., 1968.
162. Misra B. P. Socioeconomic Adjustments of Tribals. Case Study of Tripura Jhumias. New Delhi, [1976].
163. Mukherji R. Problems of Shifting Cultivation. — «North-Eastern Affairs», vol. 3, № 1, April — June, 1974.
164. Nag A. K. The Society in Transition in the Mizo District.— A Common Perspective for North-East India. Calcutta, 1967.
165. Nagaland. Nagaland District Gazetteers.— Kohima. Ed. by H. Bareth. Kohima, 1970.
166. Narayan J. Nation Building in India. Varanasi, [6. r.].
167. Nehru J. The Tribal Folk.— The Tribal People of India. New Delhi, 1973.
168. Pakem B. The Socio-Political System of the Jaintia Tribe of Assam: An Analysis of Continuity and Change.— TSI.
169. Pugh B. M. Christianity and the Tribes of North-East India.— A Common Perspective for North-East India. Calcutta, 1967.
170. Puri B. N. Studies in Early History and Administration in Assam. Gauhati, 1968.
171. Puri R. Towards Security in the North-East.— TSI.
172. Pylee M. V. Constitutional Government in India. L., 1977.
173. Rahul R. The Himalaya Borderland. New Delhi etc., 1970.
174. Rao V. V. North-East India: Problems and Suggestions.— «North-Eastern Research Bulletin», vol. V, Summer 1974.
175. Reid R. History of the Frontier Areas Bordering on Assam From 1883 to 1941. Shillong, 1942.
176. Reid R. Years of Change in Bengal and Assam. L., 1966.
177. Rose L. E., Fisher M. W. The North-East Frontier Agency of India. California University, 1966.

178. Roy Burman B. K. *Intergrated Area Approach to the Problems of the Hill Tribes of North-East India.*— TSI.
179. Roy J. *History of Manipur.* Calcutta, 1958.
180. Roy N. C. *Federalism and Linguistic States.* Calcutta, 1962.
181. Rustomji N. *Enchanted Frontiers: Sikkim, Bhutan and India's North-Eastern Borderlands.* Bombay, 1972.
182. Sarhadi A. S. *Nationalisms in India. The Problem.* New Delhi, [6. r.]
183. Shafer B. C. *Faces of Nationalism. New Realities and Old Myths.* N. Y., 1972.
185. Sinha A. P. *Politics and Economic Development in the Hill Districts of Assam.*— TSI.
186. Sinha K. *Meghalaya. Triumph of Tribal Genius.* Delhi.
187. Shakespear J. *History of Upper Assam, Upper Burmah and North-East Frontier.* L., 1914.
188. Srinivas M. N., Sanwal R. D. *Some Aspects of Political Development in the North-Eastern Hill Areas of India.*— TSI.
189. *States Reorganization Commision. Report.* New Delhi, 1955.
190. Sten H. W. *The Meghalaya Year Book 1974.* Shillong, 1974.
191. Stracey P. D. *The Nagaland Nightmare.* Bombay etc., 1968.
192. Terhuja K. *The Christian Church among the Angami Nagas.*— TSI.
193. Thakkar N. *Some Observations on the Last General Elections and Electioneering in Nagaland.*— TSI.
194. *Tribal Situation in India. Proceedings of a Seminar.* Ed. by K. Suresh Singh. Simla, 1972.
195. Vidyarthi L. P. *Tribal Development in Independent India — «North-Eastern Affairs», vol. 3, № 1, April — June, 1974.*
196. Wadhwa K. K. *Minority Safeguards in India. Constitutional Provisions and Their Implementation.* Delhi, 1975.
197. Wenskus R. *Stammesbildung und Verfassung. Das Werden der frühmittelalterlichen Gentes.* Köln — Graz, 1961.
198. Yomo A. *The Rising Nagas. A Historical and Political Study.* Delhi, 1974.
199. «Amrita Bazaar Patrika». Calcutta.
- 199a. «Assam Tribune».
200. «Commerce». Bombay.
201. «Economic and Political Weekly». New Delhi.
202. «Hindustan Standard», Calcutta.
203. «The Indian Express». New Delhi.
204. «Journal of Parliamentary Information». New Delhi.
205. «Mainstream». New Delhi.
206. «New Age». New Delhi.
207. «Patriot». New Delhi.
- 207a. «The Shillong Times».
208. «The Statesman». Calcutta — New Delhi.
209. «The Times of India». New Delhi.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Айер П. С. С. 82
 Алимуддин М. 192—194
 Амбедкар Б. Р. 98
 Ангамн Дж. 127
 Ангамн К. 123
 Ангамн М. 157
 Аниродх 19
 Ао А. 117
 Ао А. И. 84, 85
 Ао И. 127
 Ао Т. 48
 Ао Ш. 127
 Апанг Г. 211, 212
 Арам М. 175
 Арутюнов С. А. 7—9, 59
 Арья Г. С. 170
- Барбаруа Х. 72
 Бардолой Г. 84, 86, 100, 114,
 116
 Бардолой Р. 72
 Баре Г. 59
 Бауэр 49
 Безбаруа Л. 72
 Биакчхунга 174, 175
 Видон С. 51
 Богль 45
 Бос С. Ч. 75
 Бромлей Ю. В. 6, 67, 96
 Бруннер Г. 8
 Бхаскараварман 16
 Бхаттачарджи А. К. 117
 Бхаттачарджи Б. К. 118
 Бхаттачарья К. 72
 Бхаттачарья М. 167
- Вантханга 168, 175
 Вебер М. 62
 Визол 157
- Виктория 112
 Вятр Е. 61
- Ганди И. 143, 148, 157, 158
 Ганди М. К. 116, 137
 Гауринатх Сингх 46
 Госвами М. Ч. 44
 Григорьева Г. М. 10, 110
 Гузагин Н. 194
 Гундевиа Я. Д. 128
 Гупты 15, 16
 Гхош Аджой 92
- Дайхо А. 193
 Дальхузи Дж. А. 48
 Дейч К. В. 59
 Део Ш. 154
 Деорас Б. 183
 Десаи М. 160, 173, 183
 Джамир Ч. 127
 Джасокие Дж. Б. 157
 Джори С. Р. 196
- Зайрама 169
 Заман 168
 Зорамтханга 174
- Имлонг А. 127
 Иралу Р. М. 120
- Каджи 133
 Кадоган 112
 Казаков В. И. 81
 Капчхунга 168, 170
 Кевияллай 158—160
 Клоу Э. 114
 Козлов В. И. 8, 67
 Колвела 174
 Колони М. 169, 175

Криппс С. 77
Кугхато 46
Кхагемба 21
Кхар-Конгор М. 74

Лазарев М. С. 78
Лалденга 166, 169—176
Лалмавиа 169
Ланунмавиа 169
Лалсанглиана 175
Лалхлея 170, 171
Лнигдох Б. Б. 202, 203

Маджумдар Д. Н. 44
Манкекар Д. Р. 124
Марамба 21
Маретниа С. А. 10, 27, 31, 36,
44
Медом Б. 158
Медхи Б. 118, 124
Мехта А. 144
Милле Дж. П. 43
Муйва Т. 160
Мукхерджи П. 180
Мюльман В. Е. 8

Нанада Г. Л. 142
Нарайян Дж. 154
Нгамлу 158
Неру Дж. 98, 102, 107, 114,
119, 124, 129, 139, 141, 142
Неру М. 81
Никольс-Рой Дж. Дж. М. 74,
84, 85, 98
Никольс-Рой С. 145, 200

Пагх Д. 133, 201—203
Пакхангба 21
Пант К. Ч. 148
Паскоу Э. Х. 13
Патаскар Х. В. 141, 142, 144
Патель В. 98
Пертин Б. 210, 211
Пилгрим Г. Е. 13
Пиль С. Э. 43
Птолемей 15

Раджа К. А. А. 209
Радхакришнан С. 127
Рангхал В. К. 185
Ранджа Н. 203
Реанг Д. 181
Редди К. Б. 158, 159, 181, 208
Риба Т. 211, 212

Рой Берман Б. К. 11, 218
Рой В. М. 103
Руальчхипа 174
Рудра Сингх 46
Рустомджи Н. К. 76, 118

Сайло Т. 171—176
Саймон 111
Сакрие Т. 114, 116, 119, 122
Санваль Р. Д. 218
Сангма У. 85, 103, 104, 108,
133, 136, 145, 147, 200, 202—
204
Свелл Г. Г. 140
Сву И. 159, 160
Сву С. 154, 156
Сема К. 123, 153
Сема К. С. 153
Сема Х. 127
Сенгупта С. 180
Сингх Л. П. 158
Сингх Р. К. Д. 193, 194
Сиягх М. 194
Сингх Ч. 174
Синха А. П. 101, 117, 218
Синха С. 109
Скотт Д. 51
Скотт М. 154
Сокхлиана 173
Сринивас М. Н. 218
Стилуэлл 75
Судангпха 19
Сюань Цзан 16

Тайенг С. 212
Терхуджа К. 153
Тилак Б. Г. 80
Тланчхуака 174, 176
Тонлуя 174
Тхаккар Н. 36, 84
Тхангридема 173
Тханхавла 169
Тхунгон П. К. 209—211, 212
Тэрнер С. 45

Уильямсон У. 49

Физо А. З. 85, 114—116, 118—
122, 125, 128, 152—154, 156,
159, 160, 165
Фюрер-Хаймендорф Х. фон 44

Хайдари А. 115—117, 123
Халдинур Р. Н. 218, 221

Халдипур Р. Н. 218, 221
Хартвиг В. 27, 37, 44
Хаттон Дж. Г. 43
Хонгкхин 121, 123

Чаван Я. Б. 205
Чакраворти Н. 182
Чакхесанг В. 160
Чалиха Б. П. 120, 154
Чандракант 46
Чаттерджи С. К. 16

Чаубе Ш. 10, 44, 100, 134, 211
Чаудхури Р. К. 98
Чебоксаров Н. Н. 7—9, 59
Чонгавала 169
Чхиббер С. К. 169
Чхунга Ч. 172, 173

Шайза Р. 156, 161, 210, 211
Шайза Я. 192—194
Шанкар Деб 19
Шастри Л. В. 141

УКАЗАТЕЛЬ ЭТНОНИМОВ И ТЕРМИНОВ

Аборы 20, 39, 47, 49, 55, 110,
206

Ади 7, 26, 39, 40, 48, 49, 216

Ака 20, 39, 48, 206

Акаве 32

Амбенг 32

Анал 42

Анг 37

Ангами 25, 35—37, 48, 59, 153,
158

Андхра 80

Ао 26, 35—37, 48, 59, 153

Апа тани 25, 39

Аренг 32

Арленг 38

Ассамцы 22, 24, 25, 29—31, 35,
38, 60, 65, 66, 68—72, 76, 97,
103, 111, 132—134, 138, 139,
151, 161, 198, 199, 215

Атонг 32

Ахомы 19

Ашинг 39

Бангни 39

Бен 37

Бенгалцы 22, 24, 25, 29—31,
40, 53, 55, 58, 65, 66, 70—72,
74, 76, 97, 103, 105, 132, 133,
151, 161, 178, 181, 182, 198,
199, 215

Бирманцы 21, 41, 45—47, 57

Бихарцы 161

Бодо 15—17, 20, 22, 32, 33, 41,
66, 216

Бокары 39

Бори 39

Брахманы 16, 19, 40

Бхилы 94, 109

Бхой 24

Бхотни 48, 206

Бхумидж 109

Ваи 170

Вайфэй 42

Вар 24, 31, 198

Галлонги 39

Гаро 10, 15, 20—22, 25—27,
29—33, 45, 54, 56, 59, 60,
62—64, 66, 68, 73, 76, 94,
107, 109, 130, 134, 137, 138,
141, 143, 145, 148, 149—151,
179, 186, 198—200, 204, 205,
215

Дафла 20, 39, 40, 46—49, 55,
110, 206, 216

Джайнтия 20, 29, 31, 45, 47,
60, 66, 138, 198, 200, 205

Джаматна 41, 179

Димаса качари 29, 38, 60, 66,
107, 134, 149, 150, 216, 217

Долои 60

Дом 46

Зелланг (ронг) 36, 191

Зоу 42

Индусы 29, 35, 40, 68, 78, 111,
179, 189

Ирокезы 7

Кабун 35, 37, 42, 68, 189, 190

Кайястха 17

Калита 17

- Каннара 103
 Кача нага 42, 68
 Качи см. чачи
 Качари 15, 19—21, 32, 33, 45,
 46, 56, 66, 151
 Качины 170
 Кираты (киррхадай) 15
 Колы 50
 Ком 42
 Коньяк 35—37, 122
 Кора 109
 Коч 15—17, 20, 32, 66
 Куки 7, 21, 33, 35, 38, 40, 42,
 68, 164, 179, 190, 191, 194
 Куки-чины 15, 33, 166
 Кунанг 39
 Кхамба 40
 Кхампти 40, 46, 206
 Кхаси 10, 15, 20—22, 25, 27,
 29—33, 36, 38, 45, 47, 54, 56,
 59, 62, 66, 73, 74, 76, 77, 95,
 107, 109, 112, 130, 134, 137,
 186, 198, 200, 205, 206, 215
 Кхаси-джайнтя 64, 68, 69, 107,
 141, 145, 149—151, 199, 204
 Кхумал 20

 Лакхер 33, 35, 68, 164
 Лалунг 15
 Лалы 33
 Ласкары 60
 Лингдохи 31, 61
 Луанг 20
 Лушан, см. мизо
 Лхота 26, 35—37, 48

 Магх 40, 41, 179
 Малаяли 103
 Манпури см. мейтхен
 Мао 26, 36, 36, 42, 157, 191
 Марак 32
 Марам 37, 42, 191
 Маратхи 103
 Марвари 71
 Маринг 42
 Маро 38
 Мачонг 32
 Маянг 197
 Мейтхен (манпури) 20—22,
 35, 42, 60, 62, 69, 73, 75, 76,
 111, 188—190, 197, 215
 Меч 15, 20, 68
 Мизо (лушан) 22, 25, 26, 33—
 36, 42, 45, 47, 48, 54, 59, 60,
 62, 66—69, 73, 94, 96, 100,
 107, 109, 111, 112, 130, 137,
 138, 140, 141, 143, 148, 150,
 164, 165, 171, 176, 179, 185,
 186, 190, 191, 196, 197, 215
 Миджи 48
 Микиры 22, 25, 26, 38, 46, 66,
 107, 134, 149, 150, 151, 216,
 217
 Миньонг 39, 49
 Мири 20, 22, 206, 216
 Мишми 20, 48, 206
 Мозмарна 19, 46
 Мойраг 20
 Мон-кхмеры 29
 Монпа 39, 40
 Мораны 46
 Мунда 15
 Мусульмане 28, 58, 111, 192

 Нага 10, 15, 20—22, 25—27, 30,
 32, 33, 36—38, 42, 44, 47, 50,
 54—57, 59, 60, 62, 66—68,
 73, 75, 77, 94, 96, 101, 102,
 109, 110—126, 129—131, 141,
 144, 148, 150, 153—155, 157,
 159, 160, 170, 186, 191, 192,
 194—197, 206, 207, 216, 217
 Непальцы 198
 Нисси 39
 Ноатиа 41, 179
 Нокма 32

 Пави 33, 35, 164
 Падамы 39, 49
 Пайлибо 39
 Пайте 42, 68, 190
 Пангги 39
 Пангли 49
 Паси 39
 Пахариа (малер) 50
 Пнары 22, 29
 Пуйтхнам 34
 Пхом 122

 Рабха 15
 Раджбанси 17
 Рамо 39
 Ренгма 36, 37

 Сайло 34
 Сангма 32
 Сангтам 37
 Санталы 50, 109

Сардар 41
Сатбари 17
Сема 35—37, 48, 153, 156, 161
Съемы 31, 61, 77, 85, 100, 107,
165
Синглхо 20, 40, 46, 50, 64, 110,
206
Синтенги см. пнары
Сипан 48
Сирдар 61

Тагины 39, 40
Тамилы 24, 103
Тангам 39
Тангхул 35, 36, 42, 68, 157,
160, 189, 190—192
Тангсам 40
Теранг 38
Тибетцы 40
Типпера см. трипури
Тлангау 34
Трипури 21, 22, 40—42, 45, 179,
186, 216
Тхадо 35, 42, 189, 190

Уткары 205

Халам 179
Хари 46
Хмар 26, 27, 33, 42, 68, 164, 165
Хо 50
Ходж 15
Ходжан 39
Христиане 28, 29, 35—38, 40,
68, 77, 79, 179, 189, 191, 210

Чакма 40, 41, 169, 179
Чакхесанг 36
Чанг 37, 120, 122
Чапра 17
Чачи 32
Черо 27
Чины 7, 28, 165
Чиру 42
Чхуття 15, 19, 20, 46

Шаны 18
Швейцарцы 8
Шердуклены 39, 40
Шимонг 39
Шира 32

Японцы 76, 112

УКАЗАТЕЛЬ ОРГАНИЗАЦИЙ И ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ

«Амра бангали» 183—186
«Ананда марга» 183
«Ассам сахитья сабха» 72
Ассамская ассоциация 72
Ассоциация благосостояния и
развития племенных женщины
205
Ассоциация кабуи нага 190
Ассоциация старост Шиллонга
205
Баптистская церковь Нагале-
нда 124
Всеиндианская молодежная
лига 197
Всеиндианская конференция гор-
ных лидеров (ВКГЛ) 133—
146, 180, 200—204, 218
«Ганамукти париад» 179

Горный племенной союз 104
Горный племенной союз Во-
сточной Индии (ГПСВИ)
107, 108
Горный союз 77, 85
Горный союз Манипура 192,
193

Демократическая партия Ма-
нипура 192
Демократическая партия На-
галеи 152
«Джайнтия дарбар» 61
«Джаната парти» 174, 176,
182—184, 190, 193—195, 201,
209, 211, 213, 219

Женская федерация нага 131

«Индийская национальная ар-
мия» 75

- Индийский национальный конгресс (ИНК) 74, 75, 80—82, 85, 102, 103, 107, 108, 113, 120, 130—132, 133, 137, 138, 143, 162, 165—167, 171, 177, 179—182, 190, 193, 201—204, 219, 220
- ИНК (А) 183, 184
- ИНК (И) 183, 194, 195, 202, 203, 212
- Интеграционный совет мизо 192
- Интеграционный совет нага 192
- «Кабуи самити» 190
- «Кербиа дарбар» 85
- «Клуб нага» 61, 111
- Комиссия по реорганизации штатов (КРШ) 102—107, 149, 217
- Комитет прав человека 171
- Коммунистическая партия Индии (КПИ) 147, 184, 192, 194, 218, 219
- Коммунистическая партия Индии (марксистская) (КПИ (м)) 179, 180, 182, 185, 186, 194, 218
- Конвенция по выполнению требований общественности 201—203
- Конгресс за демократию (КЗД) 182, 183
- Консультативный орган мира 169, 171
- «Красная армия» 196
- Кхасский национальный дарбар 61, 74, 98, 102
- Кхасский студенческий союз 205
- Мейтхейский революционный комитет 195
- Молодежное движение нага 120, 131
- Мусульманская лига 77, 81, 113
- Народная конференция 171, 173, 174, 176
- Народная конференция Аруначала 211, 212
- Народная партия Аруначала 209—211
- Народная партия Манипура 191—194
- Народно-демократическая партия Горного штата (НДПГШ) 146, 200—203
- Народно-демократическая партия Северного Качара 137
- «Народная освободительная армия» 196
- Народно-революционная партия Канглейпак 196
- Националистическая организация нага (НОН) 152, 156, 157, 162
- «Национальная армия мизо» (НАМ) 168, 170, 172, 174, 175
- Национальная ассоциация куки 192
- Национальная конференция га-ро 85, 99, 107, 108
- Национальная молодежная организация Хинни Трен 205
- Национальное собрание куки 190, 192, 194
- Национальный объединенный фронт освобождения («Мейтхен маруп») 197
- Национальный совет нага (НСН) 77, 85, 99, 112—116, 118—120, 122, 123, 130, 131, 137, 140, 153, 155—157, 159, 168, 190, 217
- Национальный союз джайнтия 201, 202
- Национальный союз пайте 192
- Национальный союз хмаров 190, 192
- Национальный фронт мизо (НФМ) 140, 143, 165—176, 185
- Национальный фронт по борьбе с голодом 165
- Общество зарубежных миссий американских баптистов 28
- Объединенная народная партия Аруначала 211, 212
- Объединенная организация свободы мизо 108, 165
- Объединенная церковь Северной Индии 27
- Объединенный демократиче-

- ский фронт (Нагаленда) 156—158, 161
- Организация национальных добровольцев (Трипуры) 185
- Племенной совет (Гор Нара) 85
- Племенной совет Северного Качара 85
- Племенной Союз Восточной Индии 133, 200
- Племенной союз пави-лакхер 165
- Политическая ассоциация ххаси-джайнтя 77, 85
- Пресвитерианская церковь Мнзорама 169
- Прогрессивный демократический фронт 192
- «Раштрия сваямсевак сангх» (РСС) 81, 183
- Революционный народный фронт 196
- «Революционное правительство Манипура» 195
- «Революционное правительство Нагаленда» 153, 156
- Революционно - социалистическая партия 182
- «Сарбаджаник сабха» 72
- «Сватантра» 133
- Северо-восточный совет 145, 146
- Совет адвентистов седьмого дня 28
- Совет баптистских церквей СВИ 28
- Совет мира Нагаленда 157—161, 175, 176
- Совет нага Манипура 191
- Союз гор и равнин Манипура 193
- Союз мизо 85, 100, 107, 108, 133, 137, 140, 143, 165—168, 190
- Тангкхульское собрание 190
- «Трипура упаджатия джуба самити» (ТУДС) 179—185
- «Трипураешвари сена» 181
- «Трипура сена» 181
- «Упаджатия кармачари самити» 179, 180
- «Федеральное правительство Нагаленда» 122, 125, 153, 159
- Федерация кхасских княжеств 77
- Федерация племенных студентов 179
- Федерация демократической молодежи 179
- «Форвард блок» 182
- «Хинду махасабха» 81
- Церковь Индии, Пакистана, Бирмы и Цейлона 28

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
Глава 1. Малые народы Северо-Восточной Индии: историко-этнографическая характеристика	12
Природные условия	12
Этносы Северо-Восточной Индии в древности и средние века	14
Особенности социального строя малых горных народов Северо-Восточной Индии	22
Глава 2. Этнополитические процессы в колониальный период	43
Глава 3. Автономия в составе Ассам	79
Глава 4. Образование штата Нагаленд	110
Глава 5. Реорганизация северо-восточных районов Индии (1971)	132
Глава 6. Проблема нага и мизо	152
Нагаленд	152
Мизорам	164
Глава 7. Политическое развитие Северо-Восточной Индии в 70-е годы	177
Трипура	177
Манипур	186
Мегхалая	198
Аруначал-Прадеш	206
Заключение	215
Приложение	222
Источники и литература	226
Указатель имен	234
Указатель этнонимов и терминов	236
Указатель организаций и политических партий	238

